

ГЛАВА 3. АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР РЕПАТРИАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СССР (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 40-Х ГОДОВ)

Одним из последствий Второй мировой войны стали мощные миграционные потоки. По оценкам некоторых исследователей, тем или иным видам перемещений в период войны подверглись 50–60 млн чел., или до 10% населения Европы. За годы войны в СССР в результате эвакуации, насильственной депортации, планового переселения внутри страны было перемещено несколько десятков миллионов человек. Еще около 10 млн военнопленных и остарбайтеров оказались на территории Европы. Перемещения населения, вызванные войной, во второй половине 40-х – начале 50-х годов в СССР сменились новыми, не менее мощными миграционными потоками, связанными с демобилизацией, реэвакуацией, репатриацией, миграцией иностранных военнопленных и новых категорий спецконтингента.

Послевоенная репатриация, проведенная СССР и союзниками, стала наиболее масштабной акцией по перемещению населения в XX в. Процесс возвращения людей на места постоянного проживания начался еще в годы войны. В 1943 г. по инициативе западных стран было создано Агентство по делам перемещенных лиц – ЮНРРА (The United Nations Relief and Rehabilitation Agency). В СССР Управление уполномоченного СНК (позднее – Совета министров) СССР по делам репатриации было учреждено в октябре 1944 г. и действовало до марта 1953 г. За 1944–1951 гг. в СССР было репатрировано из-за границы 4,3 млн чел. и более 1,7 млн чел. было перемещено внутри страны. В то же время около 3,5 млн иностранных граждан вернулись в места постоянного проживания из СССР. Масштабы репатриации в страну видны из следующего сравнения. Численность лиц, перемещенных в страну, оказалась сопоставимой с масштабами репатриации, проведенной с помощью ЮНРРА за 1944–1951 гг. и оцениваемой в 8 млн чел., а с учетом иностранных военнопленных и интернированных граждан Германии и ее союзников даже превысила эту цифру¹.

Послевоенная репатриация в СССР причудливо сочетала в себе элементы добровольной и принудительной миграции. Процедура репатриации касалась преимущественно советских граждан, прежде всего военнопленных, интернированных и жителей приграничных территорий. Соотношение военнопленных и гражданских лиц, имевших советское гражданство, в каждой европейской стране было своим. Военнопленные доминировали лишь в ряде стран Европы. В большинстве же государств среди советских граждан, подлежащих репатриации, преобладало гражданское население, составлявшее от половины до двух третей численности репатриантов. Необходимо учитывать и то, что послевоенная репатриация охватила страны, где имелись значительные русские эмигрантские колонии. Таким образом, эмигранты, а также выходцы с территорий России и Украины, проживавшие в европейских странах не одно десятилетие, частично оказались в числе тех, кому «предложили вернуться на родину».

На фоне массовой, проходившей в несколько этапов репатриации из стран Европы послевоенная репатриация из Китая выглядела скорее как «разовое» мероприятие. Однако вслед за первой послевоенной волной возвращения репатриантов из Китая на восток СССР в середине 50-х годов пришла новая волна, оказавшаяся одной из самых масштабных в истории Советского государства.

3.1. Послевоенная реэмиграционная политика Советского Союза

С августа 1944 г. – времени освобождения от оккупантов своей территории СССР одним из первых стал проводить в жизнь репатриационную программу. В январе 1945 г. советским правительством были приняты решения, ставшие основанием для начала массовой репатриации граждан СССР². Широкомасштабная международная программа репатриации стала возможной после соглашений Ялтинской конференции от 11 февраля 1945 г., подписанных правительствами СССР, США и Англии, в соответствии с которыми в числе других перемещенных лиц подлежали репатриации и советские граждане, находившиеся за рубежом. В мае 1945 г. был выработан механизм репатриации, который стал результатом подписания дополнительных соглашений с французским и британским правительствами, касающихся репатриации советских граждан из зон оккупации союзников. В итоге

в 1945 г. была проделана основная работа по организации и проведению массовой репатриации.

В 1946 г. среди союзников по вопросам, связанным с репатриацией, наметились существенные расхождения. Запад придерживался точки зрения, что репатриация в целом завершена. По мнению правительств западных стран, осталась неразрешенной лишь беженская проблема, тогда как СССР считал процесс репатриации незавершенным и настаивал на его продолжении, не признавая за «невозвращенцами» статуса беженцев. В международной репатриационной программе акценты сместились на возвращение военнопленных из числа граждан тех стран, которые участвовали в войне на стороне Германии. Для реализации беженской программы в феврале 1946 г. при ООН был образован специальный Комитет по делам беженцев и перемещенных лиц. С весны 1946 г. с началом «холодной войны» массовая репатриация из стран Запада и зон оккупации союзников практически прекратилась. Если к этому времени в СССР въехало больше 4 млн чел., то за 1946–1952 гг. вернулось около 241 тыс. чел. Всего в 1946 г. в СССР было репатрировано 195,3 тыс. чел., в 1947 г. – 30,3 тыс., в 1948 г. – 14,3 тыс., в 1949 г. – 6,5 тыс., в 1950 г. – 4,5 тыс., в 1951 г. – 2,3 тыс., а в 1952 г. – 0,7 тыс. чел.³ По мнению МИД СССР, потенциал послевоенной репатриации не был в полной мере исчерпан, так как на Западе продолжало оставаться от полумиллиона до миллиона советских граждан. Крупные советские колонии продолжали сохраняться также в Китае и странах Восточной Европы.

В СССР для осуществления репатриации была создана разветвленная сеть специальных органов. Перед ними ставились задачи выявления и регистрации граждан СССР, оказавшихся за рубежом, транспортировки их на родину, проведения совместно с органами НКВД фильтрации и планового распределения данного контингента. Помимо этого в их функции входили учет и репатриация на родину граждан иностранных государств. Координация всей работы по проведению репатриации была возложена на созданное 23 октября 1944 г. Управление уполномоченного СНК по делам репатриации граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран под руководством генерал-полковника Ф.И. Голикова.

На первом этапе, в 1944–1945 гг., мероприятия, связанные с репатриацией, находились преимущественно в компетенции военных органов. В войсках они проводились под руководством военных советов фронтов. В первые два года к проведению репатриации были привлечены Главное управление контрразведки «Смерш» НКО, Управление тыла фронта и его отделы, Политическое управление и другие структуры. Проверкой

и фильтрацией возвращавшихся занимались свыше 10 тыс. сотрудников⁴. С середины 1946 г. основной объем работ по репатриационной программе шел через государственные структуры, в первую очередь через Управление уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. Зарубежный аппарат представляли особые репатриационные группы (миссии), которые с 1945 г. действовали в Финляндии, Румынии, Франции, Ираке, Италии, Польше, Египте, Англии, Бельгии, Швеции, Венгрии, США, Норвегии, Чехословакии, Дании, Швейцарии, на Балканах, в Германии и Австрии. В случае если подобные группы не допускались к проведению репатриации, она осуществлялась военными миссиями и консульствами.

Азиатское направление репатриации в СССР обеспечивалось в основном действовавшими в Китае и Корее органами военной контрразведки (ВКР) и репатриации. В ходе Маньчжурской стратегической операции и до конца 1945 г. на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии, Внутренней Монголии) и Северной Кореи подразделениями военной контрразведки «Смерш», находившимися в ведении НКО и НКВМФ, были проведены массовые аресты среди эмигрантов. Единичные аресты продолжались вплоть до вывода войск в апреле 1946 г. Китайской стороной аресты среди русскоязычного населения Маньчжурии по фактам сотрудничества с японцами и пособничества оккупантам проводились до конца 40-х годов. Вывод войск из Китая совпал с очередной реорганизацией органов безопасности, в ходе которой функции «Смерша» передавались структурам контрразведки МГБ и МВД СССР, отделы которых в дальнейшем занимались оперативной работой с эмигрантами.

Одной из основных задач, возложенных на органы ВКР «Смерш», а после войны на подразделения МВД и МГБ, была фильтрация (проверка) всего контингента: советских военнопленных, репатриантов и граждан иностранных государств. Институт фильтрации существовал в СССР еще в 20-е годы и был возрожден во время Великой Отечественной войны. Первичная фильтрация проводилась на армейских сборно-пересыльных и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктах. Эмигранты, подозреваемые в совершении военных преступлений, официальной службе в японских военных и разведывательных органах, коллаборационизме, антисоветской деятельности, т.е. не прошедшие через «сито» «Смерша», попадали в категорию спецконтингента НКВД и направлялись для дальнейшей фильтрации во фронтовые проверочно-фильтрационные лагеря и тыловые спецлагеря НКВД.

Помимо ВКР «Смерш» с сентября 1945 г. по апрель 1946 г. на территории Китая работала особая зарубежная группа «по репатриации из Ко-

реи, Маньчжурии и Квантунской области», находившаяся в подчинении Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. В ее задачу входили не только организация депортации военнопленных из Китая и Кореи, но и выселение с отошедших к СССР территорий Южного Сахалина и Курильских островов японского и корейского населения (в том числе коренных жителей – айнов и др.). В октябре 1946 г. были созданы отделы по репатриации при штабах Дальневосточного, Приморского, Забайкальско-Амурского и Восточно-Сибирского военных округов и армий, дислоцированных в Восточно-Сибирском и Дальневосточном регионах. В Дальневосточном и Приморском военных округах было создано пять лагерей, крупнейший из которых находился в порту Находка. Кроме этого, лагеря располагались в Северной Корее и Маньчжурии. На начало 1947 г. в органах репатриации на востоке страны работало свыше 1 700 чел.⁵ Репатриация японских военнопленных осуществлялась с осени 1946 г. по апрель 1950 г.: на родину возвратилось около 500 тыс. чел. В течение 1946–1948 гг. практически полностью был осуществлен вывоз японского населения с Южного Сахалина и Курильских островов, сопровождавшийся массовым вселением на эти территории семей военнослужащих и переселенцев из других регионов СССР.

Что касается добровольной репатриации на родину основной массы проживавших на территории Китая эмигрантов, то в 1946–1948 гг. работа по восстановлению в гражданстве и репатриации в СССР проводилась силами МИДа. В 1945 г. на территории Китая возобновили деятельность советские консульские учреждения, которые в 1946 г. развернули широкую кампанию по советизации белой эмиграции. Именно осуществление этой кампании позволило приступить к поэтапной репатриации. С июля по конец декабря 1947 г. в Шанхае работала репатриационная миссия «Китай». В результате ее деятельности из городов Северного Китая и Тихоокеанского побережья в СССР было вывезено более 6 тыс. чел. из числа бывших эмигрантов. Репатриация частично затронула и русскоязычное население Японии⁶.

Обострение военно-политической ситуации в Китае и осложнение двусторонних отношений не позволили в первые послевоенные годы осуществить репатриацию из всех основных районов компактного проживания выходцев из России (СССР), в первую очередь из Маньчжурии и Синьцзяна, что привело к росту нелегальной миграции в СССР. На советско-китайской границе фиксировались массовые случаи единичных и коллективных нелегальных переходов. Контроль над нелегальными перемещениями населения на маньчжурском участке границы был жестким, но

на синьцзянском направлении он имел более либеральный характер. Беженцам в соответствии со специальными постановлениями Совета министров СССР оказывалась значительная продовольственная помощь⁷. В 1947–1949 гг. достаточно часто происходили откочевки киргизов из Синьцзяна в Киргизскую ССР. Самый массовый случай перехода границы с территории Маньчжурии зафиксирован в конце 1947 г. Тогда на территорию Читинской области перешла группа советских граждан, постоянно проживавших в Китае, в количестве более 400 чел., на четверть состоявшая из детей. Перебежчики были отправлены в один из проверочно-фильтрационных лагерей Читинской области, а после проверки и фильтрации лиц, не привлеченных к уголовной ответственности, разместили в совхозах Северо-Казахстанской области Казахской ССР⁸.

По данным органов репатриации, в 1945–1951 гг. приняли советское гражданство и въехали в СССР 431 418 чел., не являвшихся на начало Второй мировой войны советскими гражданами⁹. По данным МИДа, количество подавших документы на восстановление советского гражданства значительно превышало число въехавших. Министр МВД СССР С.К. Круглов утверждал, что к середине 1948 г. в СССР было возвращено 107 тыс. чел., или четвертая часть тех эмигрантов, кто получил после войны советское гражданство. Последние данные совпадают со сведениями, приведенными в отчетах Управления уполномоченного по делам репатриации. В число репатриантов вошли зарубежные армяне (86 346 чел.), крестьяне русского происхождения из Румынии (6 121 чел.) и Болгарии (1 310 чел.), украинцы и белорусы из Франции (5 463 чел.), а также бывшие российские эмигранты из Китая (6 027 чел.), Франции (1 500 чел.) и Чехословакии (129 чел.)¹⁰. Фактически будучи эмигрантами, большая часть членов данной группы перемещенных лиц классифицировались по этническому признаку. Наряду с вышеприведенными цифрами имеются данные, согласно которым количество репатриированных в СССР лиц, принявших советское гражданство, на начало 1950 г. составило 20 617 чел.¹¹ Однако в дальнейшем статистика относит к категории бывших эмигрантов тех, кто прибыл «в СССР на работу и постоянное место жительства», – всего 10,5 тыс. чел.¹²

Репатриация из Франции, Болгарии, Румынии, Чехословакии и Китая осуществлялась в соответствии со следующими постановлениями Совета министров СССР: из Франции – в соответствии с постановлениями № 1246-508с от 14 июня 1946 г. (репатриация украинцев и белорусов – выходцев из западных областей УССР и БССР) и № 2747-866с от 2 августа 1947 г. (репатриация бывших русских эмигрантов), из Болга-

рии – № 1923-811с от 29 августа 1946 г., из Румынии – № 2295-639с от 1 июля 1947 г. (репатриация граждан русской и украинской национальности), из Китая – № 2077-544с от 17 июня 1947 г.¹³

Репатриация бывших эмигрантов, являясь частью послевоенной репатриационной программы СССР, позволила вернуть на родину значительное количество эмигрантов разных волн и их потомков. Их возвращение стало возможным благодаря правовой коллизии в определении статуса послевоенных мигрантов. После Второй мировой войны вопрос о гражданстве «ДиПи» приобрел ключевое значение. При определении правового статуса перемещенных лиц СССР настаивал на доминировании признака гражданства. Первоначально даже допущение «спорности» гражданства было для советской стороны неприемлемым¹⁴. Впоследствии Советский Союз пошел на смягчение своей политики в области гражданства, но продолжал настаивать на репатриации всех советских граждан, в том числе на принудительном возвращении жителей Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии (так называемых «западников»), советских коллаборационистов и эмигрантов. Союзники в целом оспаривали подобную трактовку Ялтинских соглашений, различая среди категорий «ДиПи» «лиц с невыясненным гражданством», «лиц, чья государственная принадлежность не выяснена в связи с территориальными изменениями», и «лиц, политически и религиозно преследуемых»¹⁵. В целом союзники «тормозили» репатриацию в СССР, но в первую очередь «западников», а не русских эмигрантов. Большинство советских «ДиПи» были потомками трудовых мигрантов начала века и бывшими эмигрантами, восстановленными после Второй мировой войны в гражданстве СССР. Правовой статус части русскоязычного населения на момент репатриации был далеко не однозначен. В Европе большую часть составляли те, кто имел вид на жительство в той или иной стране. Еще в 20–30-е годы эти люди получили официальный статус русских эмигрантов, введенный Лигой Наций и признаваемый большинством европейских правительств. Однако значительным был процент и тех лиц, которые, будучи выходцами с территорий Польши (периода Российской империи), России, Украины, долго временно проживали за границей, но тем не менее не натурализовались и не считались эмигрантами. Схожая ситуация сложилась и в Маньчжурии, где абсолютное большинство россиян за период японской оккупации получили статус эмигрантов. Правовое положение большинства мигрантов проживавших в Синьцзяне, было вообще не определено. Не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что широкое распространение не только в Европе, но и в Азии получили межнациональные браки.

Окончательное определение статуса перемещенных лиц стало возможным только в 1946–1947 гг. после разрешения этой правовой проблемы на уровне ООН. Однако и в последующий период в позиции СССР относительно беженцев и перемещенных лиц четко просматривались намерения вернуть на родину всех оставшихся за границей. Для практической реализации этой программы западными державами в июле 1947 г. была создана Международная организация по делам беженцев – ИРО (The International Refugee Organization). «Советских невозвращенцев», отказавшихся после войны от репатриации в СССР, оказалось более миллиона. По программе ИРО они были размещены в 48 странах, в первую очередь в США, Австралии, Канаде, Израиле и Англии. По данным ИРО, абсолютное большинство беженцев было вывезено из Европы, не менее 10–12 тыс. – с Дальнего Востока, преимущественно из Китая¹⁶. Большинство русских эмигрантов из Китая выехали в США, остальные – в Австралию, Парагвай, Бразилию, Венесуэлу, Доминиканскую Республику.

В течение 1944–1948 гг. Советом министров СССР было принято более 60 постановлений, касавшихся репатриации и правового положения перемещенных лиц. На основании их изучения можно сделать вывод, что репатриация послевоенного периода в значительной мере диктовалась экономическими соображениями, поскольку государство нуждалось в привлечении дополнительной рабочей силы для восстановления экономики западных районов и освоения восточных регионов страны. Государство декларировало распространение на репатриантов всех гражданских прав, а также предоставление им широкого спектра социальных льгот. Гарантировались бесплатный проезд к месту жительства, беспрошленный ввоз имущества, питание и медико-санитарное обслуживание на период следования, выплата единовременных пособий, социальное страхование, предоставление жилья и обязательное трудоустройство. Однако на практике это обернулось жесткими ограничениями на территориальные перемещения и формы экономической деятельности.

Приравненные к этническим мигрантам крестьяне русского, белорусского и украинского происхождения, потомки трудовых мигрантов начала века, прибывшие из Румынии, Франции и Болгарии, были расселены на Украине и в южных районах РСФСР. Все зарубежные армяне были поселены в Армянской ССР. Всего за период 1946–1949 гг. около 60% из приехавших и поставленных на учет бывших эмигрантов (речь идет о 10,5 тыс. чел., при квалификации которых использовалось понятие «резмигрант») было размещено на территории РСФСР, преимущественно в Поволжье, на Кавказе, на Урале и в Сибири.

Наиболее дисперсно на территории страны были расселены въехавшие из Франции и Чехословакии, которых разместили главным образом в европейских областях РСФСР и на Украине. Из приблизительно 1 тыс. чел., прибывших из Франции и размещенных в РСФСР, около трети оказались на территории Воронежской, Ростовской и Челябинской областей. Резмигранты из Румынии осели в основном на территории Молдавской ССР и частично в Ставропольской и Саратовской областях РСФСР. Немногочисленных эмигрантов из Чехословакии наиболее компактно расселили на территории Ульяновской области¹⁷. На Урал и в Сибирь были направлены резмигранты из Китая.

В ходе осуществления послевоенной репатриации в СССР, коснувшейся и российских эмигрантов, проходили как массовые зачистки, так и кампании по добровольному возвращению. Репатриация преследовала экономические и политические цели, а реэмиграция была составной частью репатриационной политики. Советскому правительству удалось не допустить появления новой многомиллионной армии эмигрантов, враждебно настроенных к СССР. Вместо возможных 5–6 млн эмигрантов на Западе оказалось не более 1,5 млн чел. Если оценивать итоги репатриации в количественных показателях, то необходимо констатировать, что из двухмиллионной трудовой эмиграции конца XIX – начала XX в. в страны Нового света и полуторамиллионной послереволюционной эмиграции в первые послевоенные годы на историческую родину вернулось больше 200 тыс. эмигрантов и их потомков.

3.2. Советизация эмигрантского сообщества в Китае

Политические и социальные катаклизмы первой трети XX в. привели к образованию российской и казахской диаспор в Китае. Их численность на середину 40-х годов, по приблизительным оценкам, составляла около 150 тыс. чел. русскоязычных и более 400 тыс. казахов. Образовались русскоязычные анклавные поселения в городах Центрального Китая, на Тихоокеанском побережье, по линии отчуждения КВЖД с центром в Харбине и компактные поселения колонистов в сельских приграничных районах Синьцзяна и Маньчжурии.

После Второй мировой войны СССР прибегнул к массовой репатриации советских граждан и, как уже говорилось, в рамках реализации этой программы пошел на некоторое смягчение своей политики в области гражданства. Указом Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г.

в правах граждан СССР могли быть восстановлены проживавшие на территории Маньчжурии бывшие подданные Российской империи, а также лица, утратившие советское гражданство. В конце 1945 г. при Народном комиссариате иностранных дел СССР были созданы комиссии по приему в гражданство СССР лиц, проживающих в Китае. Указом от 20 января 1946 г. действие ноябрьского указа было распространено также на проживавших в провинции Синьцзян и в городах Шанхай и Тяньцзинь¹⁸. В течение 1946 г. дважды продлевались сроки подачи заявления на получение советского гражданства: первоначально до февраля, затем до июля. Учет советского населения и пролонгация гражданства в Синьцзяне ввиду сложной военно-политической обстановки были продлены до лета 1949 г.

Процедура получения советского гражданства предполагала обычно следующие действия: подачу заявления и регистрацию в советском консульстве, рассмотрение заявления специальной выездной комиссией по восстановлению гражданства, направление комиссией информации в центральные органы с положительным или отрицательным заключением, поступление в комиссию решения Верховного Совета СССР, затем выдачу восстановленным в гражданстве временных удостоверений со сроком действия до шести месяцев с последующей выдачей советского заграничного паспорта (так называемого совзагранвида).

Советизация эмиграции в Маньчжурии и Северном Китае началась спустя несколько месяцев после окончания Маньчжурской стратегической операции. Последние советские части покинули Северо-Восточный Китай в конце апреля 1946 г., а на Ляодунском полуострове советские войска оставались до мая 1955 г. В крупных промышленных и административных центрах вплоть до вывода армии действовали советские военные администрации, взявшие на себя всю полноту власти на местах. На северо-востоке и севере Китая во время нахождения там Советской армии местные китайские власти всесторонне содействовали процессу советизации. Однако после вывода армии резко участились случаи дискриминационных действий китайских военных из армии Гоминдана по отношению к русским. После ухода советских войск на фоне разгоревшейся в Китае гражданской войны в городах Чанчунь и Мукден были устроены кровавые расправы над советскими гражданами: только в Чанчуне были убиты 20 чел., полностью разграблены имущество 165 советских граждан и православная церковь. Грабежи, обыски и аресты сопровождалась конфискацией имущества и жилья¹⁹. Погромы в отношении русскоязычного населения на территории Китая продолжались вплоть до окончания там гражданской войны.

Советизация в городах Тихоокеанского побережья Китая также имела свою специфику. Договоренности о возобновлении консульской деятельности на всей территории Китая были достигнуты в декабре 1945 г., а Генеральное консульство СССР в Шанхае начало функционировать только в июне 1946 г. Гоминдановские власти в целом не препятствовали переходу в советское гражданство, но не признавали совзагранвид как документ, действовавший на территории Китая, на том основании, что в нем не были проставлены въездные визы в страну. Полиция Шанхая отказывала в выдаче местных резидентских сертификатов советским гражданам, заставляя их писать в анкетах, что они русские эмигранты. В 1947–1948 гг., когда советские консульства в Тяньцзине и Шанхае впервые столкнулись с фактами отказа от советского гражданства и противодействия репатриации, Китай под давлением СССР повсеместно ввел ограничения на выдачу эмигрантам видов на жительство. В 1949 г. правительство КНР объявило о прекращении действия закона о гражданстве от 1929 г., вследствие чего получение китайского гражданства апатридами (лицами без гражданства) стало невозможным.

Одной из первых в конце ноября 1945 г. приступила к работе комиссия по восстановлению в гражданстве в Харбине. Ее деятельность должна была охватить территорию всего харбинского консульского округа: к югу от Харбина до городов Чанчунь и Гирич включительно, на восток по линии Китайско-Чаньчуньской железной дороги (КЧЖД) до ст. Пограничная, на северо-восток вдоль р. Сунгари, на север до г. Сахалян, на запад до г. Цицикар и бассейна р. Нонни, включая Мергенский переселенческий район. В феврале 1946 г. начала работу комиссия в г. Дальний (взамен японского названия Дайрен вновь широкое употребление получило русское название Дальний). В сфере ее компетенции оказались города Южной Маньчжурии – Дальний, Инкоу, Мукден и Северного Китая – Тяньцзинь, Пекин, Циндао и Калган. В это же время приступили к работе комиссии в Кульдже, Чугучаке и Шанхае. В ряде городов комиссии по восстановлению в гражданстве начали свою деятельность раньше советских консульских учреждений. Работа по советизации российской эмиграции была проведена под руководством военного атташе генерал-майора Н.В. Рощина, чрезвычайного и полномочного посла в Китае А.А. Петрова, генерального консула в Харбине Г.И. Павлычева, генерального консула в Шанхае Ф.П. Халина, политработников Приморского и Забайкальского военных округов.

Работе комиссий предшествовала кампания в просоветской прессе. Сообщения об указах Верховного Совета СССР опубликовали все сочув-

ствовавшие Советскому Союзу газеты Китая, в том числе шанхайские «Новости дня» и «Новая жизнь», харбинская газета «Русское слово». Они были переданы радиостанцией «Голос Родины». Транслировались также радиосообщения частей Советской армии, дислоцированных в Маньчжурии, и репортажи с митингов. В своей деятельности комиссии по приему в советское гражданство столкнулись с рядом проблем. В частности, помимо того что имелись объективные трудности, связанные с регистрацией и учетом членов русскоязычной колонии и выходцев с территорий СССР, НКВДом не были даны точные инструкции о том, на кого не распространяется действие указа от 20 января 1945 г. Особенно сложным с политической точки зрения был вопрос о предоставлении гражданства выходцам из СССР. Среди тех, кто попадал под действие указа, были подданные Российской империи, выехавшие в Китай до революции 1917 г., бывшие участники белогвардейских вооруженных формирований, члены антисоветских эмигрантских организаций, перебежчики (в том числе бежавшие в годы коллективизации и голода), иностранные граждане из областей, присоединенных к СССР, члены семей эмигрантов, вывезенные в СССР отрядами «Смерша», рядовые сотрудники Японской военной миссии. В конечном итоге консульский аппарат принял решение о предоставлении советского гражданства всем обратившимся, с тем чтобы содействовать разложению белой эмиграции²⁰.

В целом комиссии по восстановлению советского гражданства на территории Маньчжурии и Северного Китая завершили свою работу к июлю 1946 г. Первые совзагранвиды были выданы 22 декабря 1945 г. в торжественной обстановке в здании советского консульства в Харбине. Согласно отчету харбинского консульского округа, за пять месяцев работы комиссия распространила более 50 тыс. анкет. Назад вернулось 31 819 заявлений, из них 9 192 – о восстановлении гражданства и 22 627 – о приеме. По итогам их рассмотрения советское гражданство получил 29 571 чел. (7 269 восстановлены и 22 302 приняты), по другим сведениям – 29 160 чел.²¹ На середину 1946 г. численность советской колонии в г. Маньчжурия составила 13 671 чел. Численность детей советских граждан в этих двух городах превышала 17 тыс. чел.²² Еще несколько десятков тысяч эмигрантов, проживавших в сельской местности и по линии КЧЖД, также подали заявления на восстановление советского гражданства и получили временные удостоверения.

Массовая советизация в Маньчжурии стала следствием новой военно-политической ситуации, возникшей в связи с вводом советских войск, и очередного изменения правового статуса русских на этой территории.

Во-первых, на советское военное присутствие на северо-востоке Китая диаспора отреагировала всплеском патриотизма. Во-вторых, с прекращением существования в сентябре 1945 г. Маньчжоу-Го русскоязычное население вновь оказалось в положении апатридов. Китайское руководство лояльно отреагировало на советизацию эмигрантского населения Маньчжурии и Центрального Китая, но при этом оно поставило вопрос о необходимости репатриации на родину военнопленных китайской национальности, которая была проведена к 1950 г.

Несмотря на преобладание эмигрантов в Северной Маньчжурии, в первую очередь планировалось провести полную советизацию эмиграции в городах Тихоокеанского побережья Китая, которые оказались в зоне американского влияния. Комиссия в Шанхае работала в течение пяти месяцев (с февраля по июнь). За это время среди эмигрантов было распространено 12 тыс. анкет, от них поступило 8 654 заявления, в результате рассмотрения которых 1 593 чел. получили совгранвиды, остальные – временные удостоверения. До начала работы комиссии по восстановлению в гражданстве в Шанхае проживало 768 чел., сумевших сохранить советское гражданство. Таким образом, советская колония в Шанхае увеличилась до 9 191 чел. и вместе с несовершеннолетними детьми составляла приблизительно 12 тыс. чел., или 75% русскоязычного населения города²³.

О массовости советизации в Шанхае красноречиво свидетельствуют воспоминания репатрианта В.В. Серебрякова: «На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР о бывших российских подданных была значительно упрощена процедура принятия в советское гражданство. Теперь этот вопрос решался не Президиумом Верховного Совета, а прямо на месте, в Шанхае, Генеральным консулом СССР. Вне всякого сомнения, этот Указ был воспринят огромным большинством русских шанхайцев с радостью, ведь он свидетельствовал в какой-то мере о том, что их патриотическая позиция во время войны должным образом оценена. Но Указ внес и элементы определенного драматизма и замешательства... Драматизм ситуации усиливался и от того, что перед решением этого вопроса стояли не единицы и десятки, а тысячи людей – и вступил в действие тот закон массовой психологии, когда в силу присущего людям спортивного азарта каждый стремился опередить другого, хотел быть среди первых. Возник самый настоящий ажиотаж... Простые, казалось бы, слова: “Вы еще не оформили документы на гражданство? Нет, а я уже несколько дней назад все сделал... Жду!” – действовали как удар электрического тока. Консульство было завалено заявлениями граждан. В Клубе

граждан СССР – специально на это уполномоченном консульством – не успевали готовить справки с двумя подписями о принадлежности “подателя сего” к российскому происхождению»²⁴.

Имеется подробная информация о работе комиссии в г. Дальний. К началу ее работы в городе не было лиц, имевших советское гражданство. Небольшие советские колонии существовали в Тяньцзине (350 чел.) и Циндао (30 чел.). В ходе работы по консульскому округу было поставлено на учет 5811 эмигрантов, проживавших в семи городах Центрального Китая и Южной Маньчжурии (Тяньцзин, Пекин, Циндао, Калган, Дальний, Мукден, Инкоу) и подпадавших под указ о восстановлении гражданства. Из них 5 295 чел. ходатайствовали о восстановлении советского гражданства и 5 054 чел. его получили²⁵. Гражданство родителей автоматически распространялось на несовершеннолетних детей. В целом по данному консульскому округу лишь 516 чел., или 9%, не подали заявления о восстановлении советского гражданства, а в городах Южной Маньчжурии советизация оказалась практически стопроцентной²⁶. Благодаря работе комиссии крупные советские колонии сложились в Тяньцзине (2 816 чел.), Дальнем (745 чел.), Мукдене (721 чел.), Циндао (630 чел.). Немногочисленные – до 200 чел. – эмигрантские колонии сохранились в Циндао, Тяньцзине и Пекине.

Зафиксировать процессы советизации эмиграции в Синьцзяне достаточно сложно. Выходцы из России (СССР), преимущественно казахи, русские и татары, проживали в трех приграничных округах Синьцзяна: Илийском, Тарбагатайском и Алтайском. Советское руководство изначально предполагало, что советизация эмиграции и пролонгация гражданства будут осуществлены только на территории этих трех просоветски настроенных округов провинции. Процесс советизации совпал с нарастанием сепаратизма в регионе, провозглашением и ликвидацией Восточно-Туркестанской республики (ВТР). Хотя дипломатические и хозяйственные отношения между СССР и ВТР были установлены уже в начале 1945 г., советское консульство в г. Кульджа начало работу по регистрации и советизации эмигрантов в приграничном регионе лишь после ликвидации ВТР и возвращения трех мятежных округов в состав китайской провинции Синьцзян. До подписания соглашения с повстанцами в июне 1946 г. китайские власти всячески препятствовали переходу в советское гражданство. В дальнейшем противодействие со стороны властей региона прекратилось. Однако когда наметилась тенденция подачи коллективных прошений о предоставлении гражданства СССР казахами и уйгурами и стали поступать ходатайства от ответственных работников государ-

ственного аппарата, чаще всего являвшихся старейшинами родов, власти жестко обозначили свою отрицательную позицию. Она не изменилась и после прихода к власти коммунистов. Ситуация в регионе оставалась напряженной до конца 1949 г., поскольку часть населения продолжала участвовать в повстанческом движении и внутрикитайской гражданской войне. В связи с этим юридическое оформление и пролонгация советского гражданства в Синьцзяне продлились до конца 40-х годов.

Как свидетельствуют материалы советского консульства в Кульдже, здесь в течение 1946–1949 гг. было подано 86 524 ходатайства о восстановлении советского гражданства. Вместе с детьми до 16 лет численность потенциальных репатриантов составляла 147 728 чел.²⁷ В ходе перепроверки материалов во второй половине 50-х годов выяснилось, что из 86 524 ходатайств за 1946–1949 гг. было удовлетворено только 38 411. При этом советских заграничных видов на жительство было выдано всего около 10 тыс. Некоторым на руки были выданы лишь временные удостоверения, и более 46 тыс. заявлений так и не было рассмотрено²⁸. По обобщенным данным Дальневосточного отдела МИДа, в целом за те же годы в Синьцзяне подали заявления о приеме и были восстановлены в гражданстве 94 977 чел. без учета несовершеннолетних детей²⁹. При этом, однако, неучтенной оставалась значительная часть выходцев из Российской империи, откочевавших в Китай в 1916 г., и перебежчиков из СССР начала 30-х годов, которые также настаивали на получении советского гражданства. Так, например, по информации консульства, только в Тарбагатайском округе откочевавших в Китай из Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей могло быть более 11,5 тыс. семей, или свыше 90 тыс. чел. Руководство Казахской ССР утверждало, что треть населения северных районов Синьцзяна составляли выходцы из Казахстана³⁰.

В середине 50-х годов Дальневосточным отделом МИДа численность советской колонии в Синьцзяне была определена в 150 тыс. чел. Данная цифра сложилась из оценки количества лиц перемещенных, в ходе Первой мировой и Гражданской войн, а также тех, кто ходатайствовал о восстановлении в советском гражданстве во второй половине 40-х годов. Эта картина существенно отличалась от китайской статистики, согласно которой численность русской диаспоры в Синьцзяне на 1949 г. оценивалась в 20 тыс. чел., татарской – в 6 тыс., а численность казахов-эмигрантов не превышала пятой части от общей численности казахского населения, составлявшей на тот момент 444 тыс. чел.³¹

В итоговом отчете Дальневосточного отдела МИДа, составленном на основании консульских отчетов 1945–1946 гг., фиксировалось, что на

конец октября 1946 г. в целом по Китаю было подано 155 090 заявлений о получении советского гражданства. С конца декабря 1946 г. генеральные консульства СССР в Китае приступили к обмену временных удостоверений, выданных советским гражданам весной 1946 г., на общегражданские паспорта. Советское гражданство получили 75 304 чел., на рассмотрении (без учета Синьцзяна) находились дела на 77 024 чел.³²

Часть восстановленных в советском гражданстве ранее его уже имели, но утратили либо в результате действий японских властей, во второй половине 30-х годов поощрявших переход в эмигрантское состояние административно-политическими мерами, либо вследствие несвоевременной пролонгации советских заграничных паспортов. Воздержались от получения советского гражданства те, кто намеревался выехать в капиталистические страны, а также представители ряда этнических и религиозных общин, в том числе старообрядцы и основная часть представителей многочисленных польской, украинской, прибалтийской и татарской колоний. Большинство эмигрантов взяли советское гражданство добровольно: либо на волне патриотизма, либо по причине мощного давления со стороны советских властей. Многие новоявленные советские граждане раскаивались в поспешности принятого ими решения, но массового выхода из гражданства в 1946 г. не произошло, так как преобладало убеждение, что насильственной репатриации в СССР не произойдет. Несмотря на различия в мотивах принятия гражданства, основная масса бывших эмигрантов продемонстрировали свою политическую лояльность и сопричастность событиям политической жизни в СССР, приняв активное участие в выборах в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г., несмотря на обострение военно-политической обстановки в Северо-Восточном Китае³³.

Политическое лицо советской колонии определялось в первую очередь тем, что в ней стали доминировать представители младшего и среднего поколений, не имевшие монархических или иных антисоветских убеждений. По мнению советских консулов, решающий перелом в сознании белых эмигрантов произошел в годы войны, а патриотические настроения «заставили белую эмиграцию повернуть на советский путь».

По составу советская колония была представлена в основном пятью группами бывших эмигрантов. При этом в зависимости от того, в каком регионе Китая находилась та или иная колония, численно в ней преобладали разные группы. В городах Центрального Китая и на Тихоокеанском побережье доминировали эмигранты периода Гражданской войны. Следом за ними по численности шла группа лиц, легально или нелегально

выехавших из СССР. Третью группу составляли русские, осевшие здесь еще до революции. При этом обе последние группы были представлены, как правило, работниками КВЖД, выехавшими из Маньчжурии в период японской аннексии. Четвертая группа – бежавшие из СССР в годы коллективизации и, наконец, пятая – лица, родившиеся в Китае. В Маньчжурии преобладали бывшие служащие КВЖД, лица, проживавшие в Китае до революции, и те, кто оказался перемещенным сюда во время Гражданской войны. В Синьцзяне основную часть составляли эмигранты периода Первой мировой и Гражданской войн, а также выходцы из СССР, бежавшие от коллективизации.

Что касается национального состава колонии, то в ней в это время доминировали русскоязычные группы: русские, евреи, украинцы и татары. Анализ консульских и фильтрационных дел реэмигрантов, прибывших в СССР в 1947 г., показывает, что большинство реэмигрантов предпочитали записываться русскими или украинцами. Основанием для определения еврейской национальности служили специфические фамилии и имена³⁴. Особо стоит остановиться на характеристике еврейской колонии Шанхая, численность которой оценивалась в 20 тыс. чел., причем абсолютное большинство составляли эмигранты из Германии, Австрии и Польши, бежавшие от нацизма во второй половине 30-х годов³⁵. По разным данным, евреи – выходцы из Российской империи составляли от трети до четверти колонии, однако лишь часть из них ассоциировали себя с российской этнической группой. На основании фильтрационных дел репатриантов из Китая можно утверждать, что часть членов еврейской колонии восстановили советское гражданство и выехали в 1947 г. в СССР. Также известно, что с мая 1949 г. в Шанхае началась кампания по репатриации в Израиль и в октябре 1949 г. более тысячи человек, преимущественно выходцев из Польши, смогли уехать на Ближний Восток³⁶. Большинство, однако, стремились выехать в США, Канаду или Австралию.

Одновременно с советизацией произошло организационное оформление советской колонии в Китае. В результате оперативной работы органов «Смерша» и консульств удалось добиться самороспуска крупнейших эмигрантских организаций, созданных в период японской оккупации: Бюро по делам российских эмигрантов и Антикоммунистического комитета. Лишь в Шанхае и Тяньцзине эмигрантские лидеры уже в условиях советизации сумели создать Российскую эмигрантскую ассоциацию, объединившую 4,5 тыс. русских шанхайцев и около 170 русских, проживавших в Тяньцзине. Повсеместно взамен

эмигрантских организаций были созданы общества советских граждан и союзы советской молодежи. В марте 1946 г. было сформировано Общество советских граждан в Дальнем, в апреле – в Циндао, в мае – в Пекине, в июне – в Ханькоу. Подобные структуры в виде обществ или комитетов советских граждан в 20–40-х годах имели достаточно широкое распространение во многих странах мира.

Общества подобного типа были призваны организовать политическую работу в колонии, содействовать консульствам в регистрации советских граждан, оказывать членам советских колоний консульские и юридические услуги, помогать в трудоустройстве безработных и т.д. Внутри обществ создавались кассы взаимопомощи и кооперативы³⁷. Финансовая сторона жизнедеятельности таких обществ обеспечивалась за счет самообложения и финансовых вливаний из консульских средств. Впоследствии, в период массовой репатриации советских граждан из Китая, эти общества представляли собой однотипные административные структуры, в которых существовала целая сеть отделов: административный, юридический, по делам снабжения, социальной помощи, медицинский, транспортный и культурно-просветительский. Некоторые общества издавали свои газеты. Деятельность обществ советских граждан была повсеместно свернута к концу 50-х годов, после завершения репатриации советских граждан из Китая.

На балансе обществ советских граждан находились и школы. В августе 1946 г. начали работу советские школы в Шанхае, Тяньцзине, Чугучаке и Кульдже, в сентябре – в Пекине и Циндао. В 1945–1946 гг. были открыты четыре десятилетние советские школы в Маньчжурии. Из трех советских школ Харбина две проработали вплоть до 1954 г. и прекратили свое существование в связи с массовой репатриацией в СССР.

После перехода православного духовенства Маньчжурии на советскую сторону произошла передача в собственность СССР церковного имущества. В декабре 1945 г. Харбинская епархия и Пекинская миссия Русской зарубежной православной церкви признали юрисдикцию Московской патриархии и были трансформированы в митрополичий округ, преобразованный позднее в Восточно-Азиатский экзархат. Тогда же решением Заграничного синода Шанхай (как город, неподконтрольный советским войскам) был выделен в отдельную епархию. Эти события привели к расколу Русской православной церкви в Китае. Но за счет роста количества прихожан из числа советских граждан часть приходов Шанхая также перешла под юрисдикцию Московской патриархии. В 1946 г. в Шанхае развернулась кампания за отторжение церковного имущества у эмигрантских организаций.

рантов, закончившаяся в 1948 г. передачей всех церковных зданий в собственность СССР.

Вслед за административными и политическими организациями появились и другие просоветские массовые общественные организации. Особенно это характерно для Шанхая. В конце июня 1946 г. была создана спортивная молодежная организация советских граждан, которая сначала именовалась «Стадион», а после завершения строительства собственного здания стала называться Советским спортивным клубом. Его официальное открытие состоялось 15 декабря 1946 г. Тогда же возникло Объединение советских журналистов и литературных работников. Общество друзей Красного Креста фактически также являлось молодежной организацией Клуба граждан СССР. В Обществе советских инженеров и техников регулярно читались лекции, организовывались спортивные соревнования и шахматные турниры, была развернута большая концертная деятельность в масштабах не только клубов, но и города. Ее участниками стали большой хор, музыканты, артисты, духовой оркестр В. Добровольского и джаз О. Лундстрема³⁸.

Помимо пропаганды советской идеологии общества советских граждан были призваны способствовать сокращению безработицы среди советской колонии, содействуя трудоустройству через систему кооперативов. В Маньчжурии, например, основная часть советской колонии была занята в сельском хозяйстве. Ее положение серьезно осложнилось после того, как в апреле 1946 г. в Китае был пересмотрен закон о земле, в результате чего советские граждане были лишены права на земельную собственность. Следующим шагом стали мероприятия по кооперированию индивидуальных крестьянских хозяйств на социалистических принципах. После вывода советских войск сложная ситуация сложилась для русских на рынке труда в городах Маньчжурии, в том числе в Харбине. Несмотря на усиление своих позиций на северо-востоке Китая, СССР вскоре был вынужден согласиться на передачу Китаю целого ряда крупных хозяйственных объектов, ранее принадлежавших российской стороне. По соглашению от 14 февраля 1952 г. СССР безвозмездно передал права на КЧЖД китайской стороне, что подразумевало замену русского персонала на китайский. Передача дороги состоялась 31 декабря 1952 г., после чего она стала называться Харбинской железной дорогой. Это привело к росту безработицы среди русскоязычной колонии и снижению уровня жизни населения.

Основными работодателем для советских граждан в Пекине был Исполнительный штаб американских войск, где предпочтение отдавалось

русским эмигрантам, а не советским гражданам. Проблема с трудоустройством здесь особенно обострилась после вывода американских войск. В Шанхае ситуация осложнилась в ноябре 1946 г., когда американцами было одновременно уволено около тысячи советских граждан. В Дальнем члены советской колонии работали преимущественно в советских торговых организациях и советской военной комендатуре. По советско-китайскому договору 1945 г. Дальний был признан китайским правительством свободным портом. Пристани и складские помещения порта передавались на 30 лет в аренду Советскому Союзу. В 1950 г. все имущество, находившееся во временном ведении или в аренде у советской стороны, было безвозмездно передано КНР.

Ввиду обострения проблемы занятости в Тяньцзине, Пекине и Шанхае возник проект переселения 3 тыс. семей советских граждан на жительство в г. Дальний. После запросов в советские организации на Ляодунском полуострове, в первую очередь в штаб 39-й армии, а также на предприятия Министерства внешней торговли и Министерства рыбной промышленности, стало ясно, что перемещение безработных русских возможно только после завершения репатриации японцев, при этом масштабы переселения не могли быть значительными³⁹. За счет местных советских граждан частично укомплектовывался аппарат советских торговых организаций в Китае, в том числе отделения и агентства торгпредства, представительства всесоюзных объединений «Наркомвнешторг», «Дальинторг», «Дальвнешстранс», «Союзпушнина» и «Международная книга»⁴⁰. Однако единственным реальным способом сокращения безработицы среди русскоязычного населения могла стать только репатриация в СССР.

Во второй половине 40-х годов помимо местных советских граждан на территории Китая работали и специалисты из СССР. Около 8 тыс. прибывших из СССР специалистов, техников, шахтеров были задействованы на добыче цветных и редких металлов в Алтайском округе Синьцзяна⁴¹. Советские инженеры и техники работали на нефтяных промыслах Душаньцзы. На северо-востоке приглашенные специалисты работали в структуре советской администрации КЧЖД⁴², а также в качестве директоров и главных инженеров смешанных советско-китайских промышленных компаний. С началом гражданской войны вновь возросло количество военных специалистов в частях Народно-освободительной армии, дислоцированной в Северной Маньчжурии. В конце 1946 г. и в 1947 г. большая группа специалистов-железнодорожников работала на восстановлении КЧЖД. В 1947–1948 гг. с помощью советских специалистов была проведена модернизация ряда промышленных объектов в Дунбэе

и на Ляодунском полуострове. В конце 40-х годов ввиду ухудшения взаимоотношений между двумя странами значительная часть советского персонала выехала из Китая.

В условиях массовой советизации в городах Центрального Китая и Тихоокеанского побережья была развернута работа по организации репатриации в СССР. Летом 1947 г. для советских граждан репатриация стала реальностью: решение советского правительства о начале массовой репатриации советских граждан из Шанхая было опубликовано 30 июня в экстренных выпусках просоветских газет «Новости дня» и «Новая жизнь», издававшихся Генеральным консульством совместно с местным Обществом советских граждан. Вечером на стадионе по инициативе Союза советской молодежи состоялся 7-тысячный митинг, на котором присутствовали Генеральный консул СССР Ф.П. Халин, торговый представитель Д.Я. Щербина, военный атташе капитан М.В. Медведев и другие высокопоставленные лица. Митингующие высказали «глубокую благодарность советскому правительству», а Ф.П. Халин подробно проинформировал присутствующих об условиях репатриации⁴³. На следующий день в Свято-Николаевском храме патриотическое духовенство отслужило молебен «по случаю исторического решения советского правительства». На страницах «Новостей дня» было опубликовано большое письмо «От редакции», заканчивающееся словами: «Клянемся быть достойными гражданами великой, могучей и прекрасной Родины». Здесь же было напечатано множество интервью с призывами возвращаться, помещены фотографии многолюдной группы советских граждан, собравшихся у консульства с целью записи на репатриацию.

Волна массовых митингов, встреч с консульскими работниками и местным советским активом сопровождала всю репатриационную кампанию, в идеологическую и организационную работу включились все советские организации. В Циндао, Тяньцзине, Пекине массовым тиражом периодически выходили небольшие бюллетени, информировавшие советскую общественность о подготовке и проведении репатриации. Просоветская печать вела активную полемику с американскими изданиями и белоэмигрантской «Китайско-русской газетой», писавшими об «ужасах жизни в СССР» и сулившими репатриантам сразу после выхода кораблей «потопление всех в море».

Основные усилия по подготовке и проведению репатриации легли на советскую колонию Шанхая. Подготовка репатриации прошла здесь под лозунгом «Дело репатриации советских граждан из Шанхая – это общее дело советской колонии Шанхая». Репатриация из Шанхая обош-

лась Обществу советских граждан в 45 750 американских долларов⁴⁴. Деньги пошли преимущественно на транспортные расходы – на организацию перевозки репатриантов и погрузки их багажа, а также на закупку продовольствия. Общество советских граждан Шанхая оказало гуманитарную помощь 750 особо нуждавшимся советским гражданам, содержало бесплатные столовые и общежития. Санитарный отдел обеспечил около 15 тыс. бесплатных прививок против холеры, тифа и оспы. По информации советского консульства, в списках на репатриацию числилось более 6 тыс. чел. Из активистов советской колонии Шанхая, выехавших в Тяньцзинь, был организован репатриационный комитет. Перевозка репатриантов из Циндао в Тяньцзинь тоже осуществлялась за счет средств шанхайской колонии⁴⁵.

В середине 40-х годов вследствие массовой советизации белой эмиграции в основном завершились процессы трансформации эмигрантского сообщества Китая в советскую колонию. В северо-восточных и центральных районах страны, а также на Ляодунском полуострове процесс преобразования эмигрантских структур самоуправления и общественных организаций в типовые советские организации был значительно упрощен за счет их предшествующей реорганизации в период японской оккупации. Уже в то время они превратились в типовые структуры, призванные координировать все сферы жизнедеятельности эмиграции.

В Шанхае, обладавшем особым международным статусом, где в этот период находились войска США, процессы трансформации эмигрантского сообщества в советскую колонию имели свою специфику. С одной стороны, сохранились, хотя и в измененной форме, элементы прежней структуры эмигрантской колонии, а с другой – общественная жизнь советской колонии в послевоенный период стала многообразной. Однако если в предшествующие годы жизнь советской колонии концентрировалась помимо консульских учреждений также вокруг заграничных партийных, профсоюзных и коминтерновских структур, административного аппарата совместных с китайской стороной промышленных объектов, советских военных формирований, дислоцированных в Китае, то во второй половине 40-х годов вся жизнедеятельность колонии строилась преимущественно вокруг советских консульств. В Синьцзяне в послевоенные годы консолидация советской колонии так и не была завершена, прежде всего из-за сложной военно-политической обстановки в регионе, отразившейся на процессах советизации.

Советизация эмиграции после Второй мировой войны определялась целым комплексом факторов объективного характера, среди которых доминировали политические и экономические причины. На фоне сокращения численности эмиграции произошел рост советской колонии в Китае: на середину 30-х годов она насчитывала не более 20 тыс. чел, а во второй половине 40-х годов увеличилась до 150–200 тыс. чел. После Второй мировой войны в Азии в отличие от Европы произошло сокращение, а не увеличение численности эмиграции. Важнейшим итогом советизации стало то, что получившее советское гражданство русскоязычное население за пределами страны превратилось в мощный рычаг советского влияния.

3.3. Репатриация советских граждан из Китая в первые послевоенные годы

Первым этапом репатриации эмигрантов стала их насильственная депортация в СССР. Самым громким примером принудительной репатриации из числа коллаборационистов и белых эмигрантов является выдача в мае 1945 г. англичанами в австрийском городе Юденбурге около 50 тыс. казаков, выходцев с Кавказа и эмигрантов, участвовавших в военных действиях на стороне противника. К событиям того же порядка можно отнести депортацию эмигрантов из Китая. В августе–октябре 1945 г. из Китая было вывезено в СССР более 10 тыс. чел., обвиненных в пособничестве Японии и в антисоветской деятельности.

В период военного противостояния и Япония, и СССР вели сбор разведывательной информации военного, экономического и политического характера. Еще до начала военных действий Главное управление Военной контрразведки «Смерш» НКВД СССР, Управление госбезопасности пограничных войск детально изучили и будущий театр военных действий, и деятельность белой эмиграции в Китае. Советским спецслужбам была хорошо известна деятельность прояпонских и фашистских организаций, разведывательно-диверсионные подразделения комплектовавшиеся из белоэмигрантов, осевших в Маньчжурии. Оценка деятельности эмиграции основывалась как на данных разведки, так и на оказавшихся доступными отдельных материалах японских спецслужб, информации, полученной из секретной переписки БРЭМа, делопроизводства эмигрантских организаций и белоэмигрантской прессы. Не следует забывать и тот факт, что управлениями НКВД Читинской области и Приморского края составлялись ежегодные отчеты о деятельности российской эмиграции

в Китае. Более того, в годы войны органами безопасности было санкционировано проведение нескольких сводных обследований русской эмиграции в Маньчжоу-Го.

В июне 1945 г. органы военной контрразведки Приморской группы войск, Забайкальского и Дальневосточных фронтов были усилены за счет военных контрразведчиков Западной группы войск, переброшенной на восток по распоряжению ГУВК «Смерш» НКВД СССР. Перед «Смершем» помимо сугубо военных целей была поставлена задача розыска официальных сотрудников и агентуры (в том числе среди эмигрантов) разведывательных и контрразведывательных органов Японии, а также захвата оперативных документов этих учреждений. Особые задачи возлагались на опергруппы, которые планировалось высадить до подхода войск на важнейшие административные, военные и промышленные объекты Маньчжурии и Квантунского полуострова.

Маньчжурская стратегическая операция началась 9 августа 1945 г. с одновременного выступления советских и монгольских войск с территории МНР и Забайкалья в направлении Хингана и Мукдена; из Приамурья путем форсирования р. Амур на Сахалин и на Харбин; из Приморья на Харбин и Гирин. Войска Забайкальского и двух Дальневосточных фронтов, участвовавших в операции, насчитывали 11 общевойсковых армий, одну танковую, три воздушных, три армии ПВО, две оперативные группы, четыре отдельных авиационных корпуса, а также Тихоокеанский флот и Амурскую флотилию. Общая численность советских войск составила более 1,5 млн чел. В ходе военных операций на территории Китая и Кореи, развернувшихся в основном с 9 по 20 августа 1945 г., советские войска продвинулись в глубь на 200–800 км, заняв основные промышленные и административные центры страны. К середине августа были заняты Муданьцзян, Хайлар, Цицикар и другие крупные города. 17–18 августа Квантунская армия прекратила сопротивление. В период с 18 по 23 августа были высажены воздушные десанты в Харбине, Мукдене, Чанчуне, Гирине, Порт-Артуре и Дайрене. 20 августа советские войска вошли в Харбин и Мукден, 21 августа – в Чанчунь, 24 августа – в Порт-Артур. 25–26 августа советские войска трех фронтов завершили освобождение территории Маньчжурии и Ляодунского полуострова, а 2 сентября был подписан акт о капитуляции Японии.

С первых дней боевых действий на Дальнем Востоке была развернута оперативная деятельность по выявлению и аресту японской агентуры и участников боевых белогвардейских организаций в Маньчжурии и Кореи. В составе Квантунской армии служило около тысячи эмигрантов.

Два небольших по численности русских отряда, входивших в состав Квантунской армии и практически не участвовавших в военных действиях, сдались советским частям 18–19 августа. Один из отрядов был интернирован на ст. Ханьдаохэцзы, другой – на ст. Хайлар. Среди военнослужащих отряда Асано, дислоцированного в Харбине и не принимавшего участия в военных действиях, а занятого на охране складов, также были проведены массовые аресты в первых числах августа. Известно, что интернированных со ст. Ханьдаохэцзы перевели в Муданьцзян, где и были проведены следственные мероприятия. Затем пленных депортировали в СССР, и большинство из них отбывало наказание на Урале⁴⁶. Помимо русских в Квантунской армии служили представители ряда других этнических групп эмиграции. Буряты призывались на службу в Северо-Хинганский военный округ, который возглавлял генерал-лейтенант У.Г. Гармаев, бурят по национальности, добровольно сдавшийся в плен советским войскам в конце августа 1945 г., вывезенный в Москву и впоследствии репрессированный⁴⁷.

Во время военной операции ВКР «Смерш» осуществила несколько спецопераций. В отношении целого ряда видных лидеров белой эмиграции санкции на арест выдавались ГУКР «Смерш» НКО СССР⁴⁸. Так, в ходе высадки воздушного десанта 18 августа в Мукдене был арестован император Маньчжоу-Го Пу-И, которого переправили сначала в штаб Забайкальского фронта, располагавшийся на территории МНР, а 20 августа вывезли в Читу. Тогда же в Дайрене группа «Смерш» арестовала атамана Г.М. Семенова и других лидеров военной эмиграции⁴⁹. Семенов вместе с Пу-И был доставлен в СССР. В результате успешной операции «Смершу» удалось переправить в зону советской оккупации, а затем вывезти в СССР большинство членов Русской фашистской партии, в том числе ее лидера К.В. Родзаевского. О масштабах арестов в ходе военных действий свидетельствуют следующие данные. С начала операции на территории северо-западной Маньчжурии только по линии «Смерша» Забайкальского фронта действовало 35 оперативно-розыскных групп. По состоянию на 18 сентября 1945 г. ими было задержано около 2,5 тыс. чел., в том числе 75 руководителей и активных участников БРЭМа, 162 изменника родины, 305 руководителей и активных сотрудников Русской фашистской партии, а также более 1 200 сотрудников и агентов ЯВМ и жандармерии, среди которых был значительный процент сотрудников из числа русских эмигрантов⁵⁰. По сообщению находившегося на Дальнем Востоке заместителя начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенанта И.Я. Бабича, органами контрразведки Забайкальского, 1-го и 2-го Даль-

невосточных фронтов на территории Маньчжурии по состоянию на 25 сентября 1945 г. было арестовано 5 498 сотрудников и агентов японской разведки, в том числе 1 619 чел. из числа «руководящих и активных участников белогвардейских и других вражеских организаций, а также изменников родины»⁵¹. Далее в докладной записке ГУКР «Смерш» в НКВД СССР сообщалось о продолжении работы по изъятию участников белогвардейских организаций. С приходом Советской армии во всех городах и населенных пунктах Китая среди русскоязычного населения проводились массовые аресты и задержания. Среди эмигрантов Харбина основные аресты были проведены «Смершем» Приморского военного округа, штаб которого располагался в здании бывшего японского консульства⁵². Еще в августе 1945 г. были захвачены и вывезены в СССР материалы Японской военной миссии, все делопроизводство БРЭМа, личные фонды лидеров белой эмиграции. Выемки документов производились в течение второй половины 1945 г. и при аресте рядовых эмигрантов.

В отношении значительной части реэмигрантов, насильственно вывозимых в СССР, предварительные следственные мероприятия осуществлялись на территории Китая. Филтрационные и следственные действия обычно занимали один-два месяца, за это время задержанных успевали доставить с периферии в передвижных арестантских вагонах в места дислоцирования войсковых отделов ВКР «Смерш» и штабов армий либо вывезти в СССР. На территории Монголии эмигранты содержались в Тамцак-Булаке, в Маньчжурии – в особых фильтрационных лагерях и тюрьмах Харбина, Хайлара, Мукдена, Сахаляна. После окончания следствия задержанных в сжатые сроки депортировали в СССР и распределяли по проверочно-фильтрационным лагерям НКВД и тюрьмам Читы, Хабаровска, Ворошилова-Уссурийского и других городов. Лишь единицы из числа эмигрантов – военнопленных Квантунской армии попали в особые лагеря, входившие в систему Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ). В марте–апреле 1946 г. в связи с выводом советских войск из Северо-Восточного Китая часть задержанных эмигрантов была освобождена. Некоторых привлекли к оперативной работе на территории Китая, другие выехали в СССР в качестве переводчиков для работы с японскими военнопленными.

Первым шагом к началу массовой добровольной репатриации из Китая стало принятое весной 1946 г. решение о вывозе из ряда районов, преимущественно из Шанхая, сирот и детей малоимущих родителей. Репатриация советских граждан из Китая в СССР была проведена в 1947 г. в соответствии с постановлениями Совета министров СССР № 2077-544с

от 17 июня 1947 г. и Совета министров РСФСР № 490-14с от 4 июля 1947 г. Указанными постановлениями был разрешен въезд в СССР 3 000 семей советских граждан и 150 детям-сиротам, проживающим в шанхайском, тяньцзинском и пекинском консульских округах. Планировалось вывезти из шанхайского консульского округа 2 000 семей, из тяньцзинского – 850 и из пекинского – 150 семей⁵³. Постановление предусматривало въезд на территорию СССР в первую очередь рабочей молодежи, квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. МИДу были даны четкие указания, что репатриации прежде всего подлежат те, кого можно использовать в народном хозяйстве, в особенности молодежь.

С марта по ноябрь 1946 г., еще до принятия специального постановления о массовой репатриации из Китая, восемью небольшими группами было вывезено морским транспортом из Шанхая около 230 детей⁵⁴. По распоряжению Министерства просвещения РСФСР детей планировали разместить в Сибири и на Дальнем Востоке, в системе трудовых резервов и по детским домам. Но первоначально большая часть из них оказалась на Дальнем Востоке. Это произошло вопреки мнению большинства экспертов, в том числе и советского консула в Шанхае Ф.П. Халина, которые настаивали, что с целью предотвращения возможных попыток возвращения обратно в Китай детей необходимо вывозить не на Дальний Восток, а во внутренние районы страны, в первую очередь на Урал и в Сибирь⁵⁵.

Для властей Владивостока прибытие детей из Шанхая стало полной неожиданностью. Как правило, они получали информацию об этом только тогда, когда дети были уже в пути. В ряде случаев распределение детей среди школ трудового резерва и детских домов осуществлялось без учета сведений их возраста и образования. В Иркутский облОНО было передано 42 чел., в Читинский облОНО – 27, в Приморский крайОНО – 130, в Приморское краевое управление трудовых резервов – 27 чел. Из тех, кого разместили в Приморье, 52 ребенка направили в Лесную школу близ Владивостока, 17 – в школы трудовых резервов и еще 29 подростков – в школу юнг Министерства рыбной промышленности, расположенную в бухте Находка. Именно с детьми, оказавшимися в Приморье, связано несколько инцидентов, вызвавших резонанс среди советской колонии в Шанхае и реакцию со стороны центральных и местных органов государственной власти.

Первым тревожным звонком стал случай, произошедший в школе юнг в Находке. Вскоре после размещения в школе дети самовольно вернулись во Владивосток, объясняя свой побег тяжелыми бытовыми условиями, недоеданием и оскорблениями, в том числе политического харак-

тера. Сбежавшую группу подростков трудоустроили на лакокрасочном заводе и поселили в заводском общежитии. Мизерной заработной платы не хватало даже на питание, поэтому подростки распродали все привезенные из Шанхая личные вещи. Для расследования инцидента в школу юнг с проверкой была отправлена министерская комиссия, признавшая учебные и бытовые условия в Находке неудовлетворительными.

Вторым случаем, взбудоражившим советскую колонию, стала гибель во время бытовой драки ребенка-реэмигранта, пытавшегося нелегально вернуться в Шанхай. Там оставались его родители, которые должны были репатрироваться позднее. Встревоженный ситуацией, Генеральный консул СССР в Шанхае Ф.П. Халин в своем письме в МИД писал, что подобные случаи могут негативно сказаться на проведении репатриации. По его мнению, «полной глупостью было то, что этих детей вообще оставили во Владивостоке, а не вывезли в Сибирь, Казахстан и на Урал, так как пребывание этих “заграничных” ребят вообще в портовом городе нецелесообразно ввиду возможных попыток вернуться»⁵⁶. С целью прояснить обстановку и прекратить распространение слухов Владивосток посетил один из секретарей советского консульства в Шанхае, который в своей докладной записке констатировал «крайне неблагоприятное, позорное» положение с устройством детей во Владивостоке. По мнению Ф.П. Халина, обустройство детей не было организовано на соответствующем уровне, выезжавших подбирали среди малообеспеченной части советской колонии, родители, отправляя детей, рассчитывали на то, что те смогут получить в СССР образование, в результате и сами дети, и родители «не были предупреждены об экономических трудностях послевоенного периода», что приводило к «излишне радужным ожиданиям»⁵⁷. В ноябре 1946 г. МИДу были даны распоряжения о прекращении массовой отправки детей в СССР. В январе 1947 г. исполком Приморского краевого совета принял специальное решение «О мероприятиях по воспитанию детей, прибывших из Шанхая», а также просил в дальнейшем не направлять детей во Владивосток.

К концу 40-х годов детей, прибывших в СССР из Китая, трудоустраивали преимущественно на предприятиях Свердловска, Читы и Иркутска. Известно, что два десятка воспитанников читинских детских домов были в 1948–1949 гг. переданы родителям и родственникам, прибывшим из Шанхая.

Основная волна репатриации заняла несколько месяцев. В июле 1947 г. были проведены подготовительные мероприятия, в августе–октябре осуществлены основные перевозки из Китая. В период с сентября

по декабрь репатриантов доставили в места постоянного проживания. В подготовке и проведении массовой репатриации из Китая были задействованы многие министерства и ведомства, в том числе Дальневосточный отдел МИД СССР, Совет министров РСФСР, МВД СССР, МВД РСФСР, Министерство морского флота, МПС, Министерство просвещения РСФСР, Министерство трудовых ресурсов РСФСР. В РСФСР вопросами репатриации занималось Переселенческое управление при Совете министров РСФСР, имевшее специальные отделы по реэвакуации и репатриации советских граждан, действовавшие до 1950 г. В 1947 г. при советах министров тех союзных и автономных республик и областей, куда планировалось поселить репатриантов из Китая, были воссозданы переселенческие управления и отделы, действовавшие в годы войны.

Для перевозки основной массы репатриантов Владивостокским пароходством было выделено два судна – «Ильич» и «Гоголь». При этом последнее, на котором осуществлялась основная часть перевозок, не было приспособлено для транспортировки большого количества людей. Первую партию укомплектовали в Шанхае, откуда 10 августа 1947 г. отбыл пароход «Ильич». На его борту находился 1 151 чел. (966 взрослых, 185 детей до 16 лет – всего 569 семей). Пароход «Гоголь» был занят на транспортировке советских граждан из Пекина и Тяньцзина. 15 августа он вывез 830 чел. (421 семью), из них 246 чел. – из Пекина⁵⁸. Вторая группа из Шанхая численностью 1 235 чел. (1028 взрослых, 207 детей – всего 331 семья) отбыла 5 сентября на пароходе «Ильич»⁵⁹. По возвращении из Находки «Гоголь» сделал рейс в Тяньцзин, где забрал 830 чел. В последующем для перевозки репатриантов использовалось только это судно. 18 октября из Шанхая была отправлена третья партия численностью 1 105 чел. (922 взрослых, 183 ребенка – всего 512 семей). Четвертая группа шанхайцев в составе 746 чел. (635 взрослых, 129 детей – всего 262 семьи) отбыла 8 ноября⁶⁰.

Поскольку план по репатриации из Тяньцзина, Пекина и Циндао так и не удалось выполнить даже наполовину, МИД СССР за счет квоты, предоставленной ранее этим городам, сформировал дополнительную, пятую, партию из Шанхая численностью 495 чел. (414 взрослых, 81 ребенок – всего 262 семьи), которая отбыла в СССР 30 ноября 1947 г.⁶¹ Согласно отчету консульства в Шанхае, в 1947 г. из города было вывезено 2 257 семей, или 4 750 чел., в том числе 3 965 взрослых и 785 детей⁶². Из Тяньцзина, Пекина и Циндао было вывезено 1 318 чел.⁶³ Таким образом, шанхайцы составили около 80% всех репатриантов. Планировавшаяся на

лето 1948 г. репатриация тысячи семей советских граждан из числа бывших эмигрантов так и не была осуществлена.

В делопроизводстве отдельных советских ведомств имеются некоторые расхождения в оценке численности лиц, вернувшихся из Китая. Согласно данным Управления по делам репатриации, к 1 декабря 1947 г. из Китая было репатрировано 5 572 чел.⁶⁴ Эти данные расходятся с информацией МИД СССР. По одним источникам количество выехавших составило 2 675 семей, или 5 590 чел.⁶⁵; по другим – 2 872 семей, или 6 058 чел., в том числе по шанхайскому консульскому округу – 4 750 чел., по тяньцзинскому – 1 062 и по пекинскому – 246 чел.⁶⁶ В соответствии с едиными алфавитными списками их оказалось 6 014 чел.⁶⁷ Согласно данным МВД СССР, на начало июня 1948 г. из Китая прибыло 6 027 чел.⁶⁸ Запланированные показатели по объему репатриации были в основном выполнены. При оценке итогов репатриации отмечалось, что выполнение постановления правительства было обеспечено за счет усилий Генерального консульства в Шанхае, сумевшего противодействовать пропаганде гоминдановских властей и белоэмигрантских организаций.

В 1947 г. в СССР выезжали семьями, вывозя с собой несовершеннолетних. В ходе репатриации с родителями выехало более тысячи детей. Поскольку подавляющее большинство реэмигрантов оказалось за границей еще до революции малолетними детьми, средний возраст возвратившихся составлял 30–35 лет, хотя среди них были представлены все поколения. На основании изучения личных дел реэмигрантов можно сделать вывод, что среди них доминировали уроженцы российского Дальнего Востока, полосы отчуждения КВЖД и Шанхая. Основная масса репатриантов в период эмиграции была занята в сфере услуг и мелкого бизнеса. Большинство выехавших в последние годы испытывали значительные трудности с трудоустройством.

В качестве транзитного пункта для добровольных репатриантов, принявших советское гражданство в 1946 г. и прибывших из Шанхая и Тяньцзина в 1947 г., был намечен лагерь № 380 ГУПВИ в порту Находка, где содержались японские военнопленные. Здесь же проводилась фильтрация прибывших из Китая репатриантов. Уже в ходе проведения фильтрации репатриантов частично изолировали от японских военнопленных. Их разместили в транзитном городке «Дальстрой», находившемся в ведении МВД СССР, а лагерь № 380 стал именоваться «транспортным».

Лагерь был рассчитан на содержание 6 тыс. военнопленных. Первоначально помещениями для временного проживания репатриантов слу-

жили главным образом американские армейские палатки и небольшое количество бараков. Прибывшая в лагерь специальная комиссия Управления по репатриации осталась не удовлетворена условиями содержания, поэтому уполномоченному по делам репатриации Приморского военного округа полковнику Марахину и Приморскому крайкому были даны указания подготовить лагерь надлежащим образом. Территория залитого водой лагеря была засыпана гравием, освещена и радиофицирована, бараки отремонтированы. В городке построили сцену и смотровую площадку на 250–300 мест. Поскольку предусматривалось трехразовое горячее питание, несколько бараков оборудовали под столовую на 350 мест. Имелись также детская столовая на 80 мест, санитарный городок, агитпункт и библиотека. Следует отметить, что по сравнению с голодной зимой 1946/1947 г., когда в лагерях ГУПВИ даже вводилось чрезвычайное положение, к моменту прибытия репатриантов положение со снабжением лагеря военнопленных улучшилось. С наступлением первых холодов бараки, ранее занятые под продовольственные склады, были освобождены под жилье. Тринадцать бараков городка могли вместить до 2 тыс. чел. одновременно⁶⁹. Власти признавали, что задержка с расселением репатриантов может иметь для них тяжелые последствия, так как помещения не были приспособлены для проживания в холодное время года; ситуация усугублялась и тем обстоятельством, что прибывшие приезжали из районов Китая с теплым климатом⁷⁰.

Несмотря на предпринятые меры по благоустройству, на прибывших репатриантов порт и лагерь произвели гнетущее впечатление: «...Это не та торжественность, с какой нашу репатриантскую группу провожали в Шанхае... Все иначе... Никакой помпы, никаких толп встречающих, никаких плакатов с лозунгами на кумачовых полотнах. Пристань пустынна. Впрочем, и пристани-то нет никакой. Пологий берег, усеянный крупной галькой... два примитивных причала. На берегу несколько человек, среди них – японцы, военнопленные...»⁷¹ Это свидетельство резко отличается от направленного заместителю уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации генерал-лейтенанту Пронину доклада ответственного за репатриацию из Китая подполковника Некрасова. Согласно отчету последнего, группу репатриантов в Находке встречали ответственные лица из числа местных партийных и советских руководителей, по прибытии пароходов были проведены митинги, на которых «возвращающиеся граждане выразили безграничную благодарность Советскому правительству и товарищу Сталину за то, что им предоставлена возможность возвращения на Родину»⁷²,

сюжет с прибытием был заснят для кинохроники и показан в кинопрокате Москвы и Владивостока⁷³.

Агитационная литература, предназначенная для прибывающих из Китая советских граждан, была отправлена в Находку еще в июле 1947 г. Проведение политико-массовой работы среди репатриантов возлагалось на политсостав лагеря № 380 и Приморский крайком ВКП(б). В последующем политико-массовая работа была поручена инструкторам региональных переселенческих отделов. В целом это направление работы оценивалось как удовлетворительное, хотя на практике имели место факты «политически неправильного» отношения к репатриированным, что привело к появлению ряда прошений о выезде из СССР обратно в Китай⁷⁴.

Учет и фильтрация репатриантов занимали в основном 5–10 дней. Иногда неделя требовалась на подготовительную работу по отправке, включая таможенный досмотр, выдачу главам семей направлений (путевок) на постоянное место жительства с указанием места работы, обмен валюты на рубли, погрузку багажа. Уже в сентябре–ноябре 1947 г. удалось переправить в глубь страны более 4 700 чел. Вместе с репатриантами в СССР было ввезено значительное количество имущества, в том числе стоматологического и типографского оборудования, которое было передано в распоряжение Приморского крайисполкома, а также музейные ценности, большое количество велосипедов, мотоциклов, пианино, пишущих машинок и другого имущества⁷⁵.

Прибывшие из Китая проходили упрощенную фильтрацию. Первичная проверка проходила в транспортном лагере. Основу учетного дела на реэмигрантов составляли персональные консульские дела. После прохождения репатриантами проверки и по прибытии на места постоянного проживания их заграничные документы (советские заграничные виды на жительство) обменивались МВД на общегражданские паспорта с обязательной пропиской в местах расселения. Все приехавшие из-за границы бывшие эмигранты ставились на оперативный учет МГБ. Работу с репатриантами курировал 4-й отдел МВД СССР. Все реэмигранты из Китая проверялись на политическую благонадежность и связи с японской разведкой.

Государство обеспечивало репатриантам бесплатный проезд к месту жительства, питание и медико-санитарное обслуживание. Отправка репатриантов осуществлялась восемью спецэшелонами, следовавшими сначала по Приморской железной дороге и далее по Транссибу с остановками в Кемерово, Омске, Тюмени, Свердловске, Челябинске, а также

в Чкалове (Оренбурге), Казани, Уфе и Молотове (Перми). Эшелоны шли полностью груженными. По свидетельствам реэмигрантов, 50–60-вагонные эшелоны были наполовину загружены людьми, а наполовину – имуществом. Эшелоны были составлены из теплушек и грузовых вагонов, так как репатрианты, имея право беспрошленного вывоза багажа, ввозили в СССР большое количество личного имущества. Часть габаритного груза была размещена в порту на складе. Эшелоны подавались на пристань, и каждая последующая партия репатриантов помогала загрузить имущество предыдущей. Движение и разгрузка проводились с незначительным отставанием от плана⁷⁶. Заявки на транспорт подавались сразу же по прибытии пароходов в Находку. Эшелоны сопровождали сотрудники МВД, медицинские работники и представители переселенческих отделов. По свидетельству репатриантов, в ходе передвижения по железной дороге, когда к вагонам с репатриантами цепляли вагоны с заключенными, были случаи кражи имущества. Факты краж фиксировались и в местах вселения⁷⁷.

Перед отправкой граждан из Находки уполномоченный Совета министров РСФСР телеграфировал председателям облисполкомов о сроках прибытия эшелонов и количестве направляемых. Однако зачастую о приходе эшелона в пункт назначения местные власти узнавали лишь накануне. Сохранилось следующее документальное описание этих событий: «О подходе эшелона с репатрированными переселенческому отделу Омского облисполкома стало известно утром 9 октября. Выехали на вокзал, но ни на ст. Омск-Пассажирский, ни на ст. Омск-Сортировочная эшелона с репатриантами не нашли. Только ночью стало известно, что эшелон прибыл и стоит на пригородной ст. Московка (8 км до Омска). Днем 10 октября эшелон с репатрированными проследовал дальше на запад, а вагоны, предназначенные для Омска, были отцеплены на ст. Сортировочная и только к 6 часам вечера были поданы на воинскую площадку под разгрузку. К 10 часам вечера люди с мелким багажом были разгружены и размещены в общежитии приемно-распределительного пункта, а тяжелый багаж оставался под охраной в вагонах до утра 11 октября. Утром вагоны были разгружены, багаж был сложен на площадку и две автомашины в течение всего дня были полностью заняты переброской багажа в барак приемно-распределительного пункта. К вечеру перевозка была закончена. Организацией приемки людей, перевозкой багажа занят был целиком весь аппарат переселенческого отдела и приемно-распределительного пункта»⁷⁸.

Согласно постановлению правительства СССР от 17 июня 1947 г. репатриантам из Китая должны были выдаваться денежные ссуды в раз-

мере до 3 тыс. руб. на ремонт и оборудование квартир, а также на хозяйственное обзаведение. Постановление Совета министров РСФСР от 4 июля 1947 г. также оговаривало размер единовременного пособия особо нуждающимся гражданам. Эти средства должны были предоставляться в местах расселения районными и городскими властями за счет местных бюджетов с последующим возмещением расходов из республиканского фонда. Общая сумма израсходованных на эти цели финансовых ресурсов составила 1 278 тыс. руб.⁷⁹

Выдача единовременных денежных пособий центральными органами строго не регламентировалась, их размер и порядок выплаты определяли местные переселенческие отделы. Некоторые отделы, как это было, например, в Тюменской области, выплатили единовременные пособия всем репатриантам. В редких случаях размер единовременного пособия определялся суммой дара СССР ценностей, ранее принадлежавших реэмигранту. Так, за дар в музей китайского антиквариата одному из реэмигрантов было выплачено 25 тыс. руб.⁸⁰ Как правило, объемы выплат напрямую зависели от численности прибывших. На основании отчетов региональных переселенческих отделов можно утверждать, что единовременные пособия получили более половины всех семей, прибывших из Китая. Льготы по всем видам налогов советским гражданам, прибывшим из-за границы, не предусматривались. В 1949 г. денег на оказание помощи репатриантам из Китая правительством выделено не было.

В условиях жесткого продовольственного кризиса, который испытывали в 1946–1947 гг. многие регионы СССР, в том числе Сибирь и Урал, важным вопросом становилось снабжение репатриантов. Местные власти столкнулись с тем, что в течение нескольких суток (время разгрузки) в пунктах расформирования эшелонов они были вынуждены обеспечивать проезжающих бесплатным питанием. Продовольственных фондов для этого не хватало. В дальнейшем, после трудоустройства всех репатриантов, их обеспечили промтоварными, хлебными и продовольственными карточками второй категории, однако в 1948 г. нормированного снабжения были лишены дети и иждивенцы⁸¹. Первое время местные власти выдавали переселенцам дрова, картофель, валеную обувь и другие промтовары. Проблема снабжения продолжала оставаться сложной, имели место случаи дистрофии и распродажи привезенного имущества.

Одной из драматических страниц истории репатриации стала потеря мигрантами их сбережений. Хотя большинство не имели значительных накоплений, многие из переселенцев вывезли обстановку, рассчитывая

на быстрое получение жилья. Несмотря на обесценивание недвижимости в Шанхае накануне массовой репатриации, некоторым все же удалось продать квартиру и бизнес. Ввозить в СССР иностранную валюту не разрешалось, поэтому сбережения, в основном американские доллары, сдавались в советское Торгпредство. Деньги, уже советскими рублями, хотя и по заниженному курсу, выдавали в Находке. Из-за длительности переезда и неопределенности с будущим трудоустройством люди боялись брать наличные и соглашались перевести деньги на сберкнижки. По прибытии на место жительства часть накоплений у большинства репатриантов уходила на аренду жилья, многим приходилось распродавать вывезенное имущество и даже личные вещи.

Репатрианты продавали имущество и старались не тратить государственные пособия в надежде купить жилье в южных районах страны. Часть из них начали обмен совзагранвидов на общегражданские паспорта. Именно в этот момент и произошла денежная реформа 1947 г. Больше всего пострадали те, кто держал денежные средства на руках. Итогом реформы стало разорение части репатриантов. Например, реэмигрантка Е.С. Розенберг, прибывшая в Свердловск, в своих письмах генконсулу в Шанхае в отчаянии писала, что они с мужем лишились 80 тыс. руб. и с учетом слабого здоровья уже никогда не смогут купить жилье на родине⁸².

Совет министров РСФСР обязал председателей облисполкомов и советов министров автономных республик, а также руководителей предприятий, принимающих переселенцев, обеспечить их жилплощадью. Для временного размещения в спешном порядке ремонтировали клубы, спортзалы, эвакупункты, общежития приемно-распределительных пунктов. Сибирские и уральские города в послевоенные годы также испытывали жилищный кризис. Власти на местах, ссылаясь на острую нехватку жилья, зачастую просили Москву ограничить дальнейшее направление на их территории советских граждан, выезжавших из Китая. Основные нарекания и жалобы репатриантов в переселенческие отделы касались именно жилищных условий. Имели место совершенно вопиющие случаи. Например, среди размещенных на предприятиях треста «Чусовствальстрой» в г. Чусовой Молотовской области 22 семьи были поселены в одной комнате, в крайней скученности и антисанитарных условиях, а в г. Губаха той же области 70 семей расселили в плохо отремонтированных бараках, совместно с репрессированными⁸³.

Промбанком на индивидуальное строительство выделялись ссуды до 3 тыс. руб. Эти средства советские граждане, прибывшие из Китая, могли получить через предприятия. Однако уже с апреля 1948 г. выдача

ссуд на хозяйственное обзаведение за счет государства была прекращена. С этого времени ссуды должны были предоставлять сами предприятия и учреждения, что сделало эту часть программы практически нереализуемой. Для тех, кто взял ссуду в 1947 г. до денежной реформы, впоследствии была осуществлена индексация, которая оказалась для переселенцев весьма тяжелой. По распоряжениям из центра региональными переселенческими отделами была проведена комплексная проверка трудового и хозяйственного устройства репатриантов. Было установлено, что и спустя два-три года после приезда большинство из них все еще проживали в помещениях, не приспособленных для жилья, или же снимали жилье.

Послевоенная волна реэмиграции носила как принудительный, так и добровольный характер. На фоне послевоенной репатриации масштабы реэмиграции были относительно невелики, однако она оказала влияние на миграционные и экономические процессы в восточных регионах страны. Провозглашаемые цели были в основном достигнуты. Кроме этого, в ходе репатриации были отработаны механизмы ее реализации, которые оказались востребованными в 50-е годы.

3.4. Репрессивные кампании и использование труда реэмигрантов

В отношении реэмигрантов послевоенного времени государство преследовало две цели: «наказать» активных политических оппонентов советского режима и одновременно использовать их в качестве дополнительных трудовых ресурсов для восстановления послевоенной экономики. Эмигранты наряду с власовцами и некоторыми другими категориями репатриантов составили послевоенный спецконтингент. Лица, которые квалифицировались как «белоэмигранты» или «агенты иностранных разведок», были осуждены и содержались после войны в лагерях МВД СССР. Кампанию послевоенных репрессий в отношении белоэмигрантов в конце 40-х – начале 50-х годов сменила новая волна политических преследований, затронувшая уже тех, кто добровольно вернулся в СССР.

Анализ уголовно-следственных дел реэмигрантов позволяет сделать вывод о масштабах и механизме репрессий, особенностях судопроизводства. Делопроизводство «Смерша» стало основой фильтрационных, следственных и судебных действий в отношении реэмигрантов. Абсолютное большинство следственных действий, проведенных по линии «Смерша»

на территории Китая по делам реэмигрантов, завершалось постановлениями о принятии дела к производству окружной военной прокуратурой.

Значительный интерес представляют дела, следственные мероприятия по которым были полностью завершены в Китае, а приговоры выносились военными трибуналами армий, участвовавших в Маньчжурской операции. К таковым можно отнести дела на эмигрантов, имена которых были широко известны в среде эмиграции. Многие из них в японский период входили в руководящий состав крупных эмигрантских организаций и на их счет существовали особые указания ГУКР «Смерш» НКО о депортации в СССР. Например, в числе большой группы бывших белых офицеров, арестованных в конце августа 1945 г. в Дайрене, оказался генерал К.П. Нечаев. В октябре в Мукдене его приговорил к расстрелу Военный трибунал 6-й Гвардейской танковой армии в закрытом заседании. Приговор, приведенный в исполнение в Чите спустя шесть месяцев после ареста⁸⁴, подтвердили также Выездная сессия Военного трибунала Забайкальско-Амурского военного округа и Военная коллегия Верховного суда СССР.

В практике делопроизводства этого периода крайне редко встречаются документальные свидетельства, подтверждающие решение армейского отдела ВКР «Смерш» о направлении задержанного в спецлагерь НКВД⁸⁵. До осени 1946 г. дела в отношении реэмигрантов рассматривались преимущественно окружными военными трибуналами. Среди приговоров военных трибуналов этого периода доминирует осуждение на 10 лет пребывания в исправительно-трудовых лагерях. В первой половине 1946 г. эмигрантов, материалы на которых были приняты к следственному производству, вместе с уже осужденными распределили по лагерям Урала, Сибири и Дальнего Востока. Достаточно большую группу (несколько сотен) реэмигрантов этапировали в лагерь ВостуралЛАГа МВД СССР, располагавшиеся в г. Тавда и на ст. Азанка (Свердловская область)⁸⁶. С августа 1946 г. согласно директиве Главного управления контрразведки Министерства госбезопасности СССР дела в отношении реэмигрантов рассматривались преимущественно Особым совещанием, хотя прежняя судебная практика также продолжала действовать. Это ускорило вынесение приговоров уже содержащимся в ГУЛАГе эмигрантам, большинство из которых осудили в течение последующих двух-трех лет.

26–30 августа 1946 г. над несколькими видными лидерами белой эмиграции (атаманом Г.М. Семеновым, К.В. Родзаевским, Л.Ф. Власьевским, А.П. Бақшеевым, Л.П. Охотиным, князем Н.А. Ухтомским и др.), насильственно вывезенными в СССР, в Москве был проведен открытый

судебный процесс, известный как «семеновский». В отличие от аналогичного суда над атаманом П.Н. Красновым, состоявшегося в январе 1947 г., он широко освещался в советской прессе и по радио. Проходившие по делу не имели советского гражданства и не могли рассматриваться как «советские коллаборационисты», однако часть их действительно занимали антисоветскую позицию и сознательно вели борьбу с советской властью. По этой причине с точки зрения существовавшего в СССР режима эмигранты являлись военными преступниками и политическими оппонентами, подлежащими судебному преследованию. Все проходившие по делу были осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР в открытом судебном заседании, пятеро приговорены к высшей мере наказания⁸⁷.

В отношении самого атамана Семенова в обвинительном заключении фигурировали такие эпитеты, как «японский шпион», «белогвардейско-фашистский главарь». Ему инкриминировалась антисоветская деятельность начиная с 1917 г., пособничество японской интервенции и массовые злодеяния в период Гражданской войны, попытки отторгнуть советское Приморье, сотрудничество с японской военщиной, руководство белогвардейскими формированиями и организациями⁸⁸. В итоге Г.М. Семенов был осужден по четырем пунктам 58-й статьи УК РСФСР и на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «как злейший враг советского народа и активнейший пособник японских агрессоров, по вине которого истреблены десятки тысяч советских людей»⁸⁹. 30 августа 1946 г. Семенов был повешен. Важно отметить, что проведение процесса стимулировало очередную волну следственных действий в отношении реэмигрантов из Китая.

В следственном делопроизводстве этого периода широко использовались вывезенные в СССР материалы Японской военной миссии и Бюро по делам русских эмигрантов. Основными отягчающими обстоятельствами для репатриантов являлась служба в русских воинских отрядах, в структурах Бюро и миссии, однозначно трактовавшаяся как «служба японской разведке». Приговоры выносились как в силу установленных фактов сотрудничества с японским оккупационным режимом, так и за участие в белоказачьем и монархическом движении, а также за членство в эмигрантских организациях⁹⁰. Основная часть реэмигрантов была осуждена на 10 лет ИТЛ по таким статьям Уголовного кодекса РСФСР, как 58-1 (измена), 58-4 (враждебная деятельность), 58-6 (шпионаж), 58-11 (участие в контрреволюционных организациях). Нередки были случаи осуждения реэмигрантов на 15, 20 и 25 лет ИТЛ по тем же статьям.

На рубеже 40–50-х годов репатрианты из Китая вновь стали подвергаться политическим преследованиям, но на этот раз репрессивная волна захлестнула добровольно вернувшихся в СССР. Репрессии совпали с началом «холодной войны», что предопределило массовый характер «выявления» среди бывших эмигрантов «агентов мировой буржуазии», «шпионов» и «диверсантов». Если репатриантам, захваченным «Смершем» в Маньчжурии, инкриминировалась работа на японскую разведку, то бывшим шанхайцам – американский или английский «шпионаж». Основанием для обвинений в шпионаже могли стать служба в американских частях, дислоцированных в Шанхае, или наличие родственников в капиталистических странах. Отягчающим обстоятельством являлся и факт членства в белоэмигрантских организациях. В следственных делах на советских граждан из числа бывших эмигрантов доминируют такие формулировки, как «враждебное восприятие советской действительности», «клевета на существующий в СССР социалистический строй», сговора на «материальные условия жизни трудящихся в Советском Союзе», «распространение слухов о неизбежной войне с Америкой и победе последней». Наиболее часто такие обвинения становились результатом высказываний репатриантов относительно уровня жизни в СССР⁹¹.

Большинству привлеченных к следствию репатриантов судебные приговоры были вынесены Особым совещанием и лишь в некоторых случаях – судами. Осужденных по 58-й статье репатриантов обычно приговаривали к 10 годам ИТЛ, но практиковались и более суровые наказания, вплоть до 25 лет заключения. Репрессиям подвергся почти каждый десятый от общего числа вернувшихся в страну⁹², что существенно подорвало среди репатриантов веру в правильность сделанного ими выбора в пользу возвращения в СССР. В целом можно говорить о том, что репатрианты из Китая, добровольно вернувшиеся в СССР после войны, стали группой, в отношении которой была проведена особая репрессивная кампания. Вместе с тем нельзя не отметить, что большинство послевоенных репатриантов смогли избежать на родине политических преследований.

Большинство репрессированных в 1945–1952 гг. освободились из заключения в 1956 г. Это происходило по решению действовавших на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1956 г. выездных комиссий Верховного Совета по пересмотру дел на лиц, отбывающих наказание за политические преступления. В те годы правильность осуждения не подвергалась сомнению, но наказание ограничивалось уже отбытым сроком. Первая волна реабилитации репатри-

антов происходила в 1956–1960 гг., а вторая началась в 1989 г. и продолжается до сих пор.

Военнопленные, заключенные и репатрианты были значительными источниками пополнения трудовых ресурсов в послевоенной экономике СССР. Концепция советской миграционной политики, сформировавшаяся в условиях тоталитарного режима и мобилизационной экономики, предполагала плановое и централизованное регулирование перемещений населения. Соблюдение в первую очередь интересов государства определяло характер и направления любой регулируемой миграции и оправдывало ее социально-экономические последствия. С одной стороны, послевоенная репатриация бывших эмигрантов как одно из направлений миграционной политики строилась исключительно на основе общегосударственных императивов, не только политических, но и экономических. С другой стороны, репатриация действительно решала задачу трудоустройства нескольких тысяч советских граждан, оказавшихся за границей и лишившихся после войны источников и средств существования. Массовая послевоенная безработица в Европе и Азии, резкое падение уровня жизни наряду с ростом патриотизма подтолкнули многих, в том числе и эмигрантов, к возвращению в СССР. Хотя в послевоенное время наиболее остро ощущалась потребность в разнорабочих и промышленных рабочих, по мнению МИДа, именно за счет эмигрантских диаспор Франции, Чехословакии и Китая страна могла получить высококвалифицированные инженерно-технические, медицинские, педагогические кадры.

Вслед за первой волной эмигрантов, насильственно репатриированных в СССР в 1945 г., в 1947 г. на территорию Сибири и Урала начали поступать новые группы реэмигрантов из Китая. Централизованное управление трудовыми ресурсами и плановая экономика позволили в сжатые сроки согласовать численность данной категории мигрантов с потребностями советской экономики и обеспечить их распределение. Первые заявки от министерств на репатриантов из Китая стали поступать уже в марте 1947 г. Министерство тяжелой индустрии СССР сообщило, что может принять до 29 тыс. рабочих из Китая. К концу лета – началу осени были получены заявки на репатриантов от Министерства цветной металлургии, а также от Министерства промышленности, Министерства строительных материалов и вновь от Министерства тяжелой индустрии⁹³.

Заявки министерств и отдельных предприятий стали основой для составления предварительных планов размещения репатриантов по регионам и производственным объектам. Однако многие вопросы решались

уже по ходу прибытия репатриантов в страну. Широко практиковалось перераспределение репатриантов среди отраслей и промышленных предприятий. В целом можно утверждать, что перераспределение трудовых ресурсов шло в пользу Урала. На большинстве уральских предприятий, куда распределялись реэмигранты из Китая, в послевоенные годы продолжались строительство и наращивание производственных мощностей.

Всего же по заявкам отраслей и отдельных предприятий было распределено около 40% репатриантов, а остальные поступили в распоряжение региональных властей. Такое соотношение обусловили, с одной стороны, профессиональная и половозрастная структура въезжающих, с другой – высокая затратность при обустройстве с учетом необходимости предоставления жилья и трудоустройства членов семьи, что привело к отказам со стороны некоторых предприятий в приеме репатриантов. Более 70% прибывших (около 4,3 тыс. чел.) были признаны трудоспособными. По данным отчетов, почти две трети из них относились к категории служащих и высококвалифицированных работников индустриального производства, образования, медицины и сферы обслуживания. Доля квалифицированных рабочих составила около 17%. Вместе с тем около четверти реэмигрантов, прежде всего женщины, непосредственно перед выездом не работали, фактически являясь домохозяйками⁹⁴.

В соответствии с правительственными телеграммами и письмами из Находки от полномочного представителя Переселенческого управления в облисполкомах накануне прибытия репатриантов в срочном порядке проводились совещания с руководителями областных и городских организаций. По результатам этих совещаний составлялись предварительные планы размещения репатриированных по предприятиям и организациям в зависимости от их специальности. Отчеты переселенческих отделов свидетельствуют о том, что зачастую облисполкомы не могли в столь сжатые сроки эффективно распределить репатриантов, поскольку не имели информации о численности и профессиональном составе въезжающих⁹⁵. Часто на облисполкомы помимо трудоустройства и обеспечения жильем возлагалась задача размещения репатриантов строго по предприятиям, обозначенным в правительственном постановлении. Например, за полмесяца до прибытия репатриантов Совет министров Татарской АССР был поставлен в известность, что с первой партией в республику прибудет до 35 семей, которые должны быть распределены на предприятиях «Казаньпромстрой»⁹⁶.

Первоначальная схема размещения предполагала направление на предприятия и в ведение облисполкомов 2 091 семьи (4 255 чел.),

в том числе в Свердловскую область на 18 предприятий черной и цветной металлургии и в распоряжение облисполкома – 1 225 семей (2 387 чел.)⁹⁷, в Молотовскую область на три предприятия цветной металлургии и лесной промышленности и в распоряжение облисполкома – 218 семей (489 чел.)⁹⁸, в Челябинскую область на два предприятия цветной металлургии и в распоряжение облисполкома – 111 семей (218 чел.)⁹⁹, в Чкаловскую область на три предприятия черной и цветной металлургии и в распоряжение облисполкома – 44 семьи (102 чел.)¹⁰⁰, в Башкирскую АССР на два предприятия строительно-монтажного профиля и в распоряжение облисполкома – 93 семьи (215 чел.)¹⁰¹, в Татарскую АССР – 97 семей (215 чел.)¹⁰², в Кемеровскую область на четыре предприятия по добыче и обогащению полиметаллических руд и в распоряжение облисполкома – 201 семья (417 чел.)¹⁰³, в Тюменскую область – 34 семьи (77 чел.)¹⁰⁴, в Омскую область – 67 семей (138 чел.)¹⁰⁵.

Фактическое размещение репатриантов по состоянию на октябрь 1947 г. совпадало с первоначальными планами. Однако затем в ход репатриации и расселения были внесены существенные коррективы. К началу 1948 г. из 5 572 репатриантов, прибывших из Китая, 1 216 семей (2505 чел.) были расселены в Свердловской области, 231 семья (490 чел.) – в Молотовской, 272 семьи (549 чел.) – в Кемеровской, 187 семей (404 чел.) – в Челябинской, 66 семей (135 чел.) – в Омской, 63 семьи (118 чел.) – в Чкаловской, 32 семьи (78 чел.) – в Тюменской области, 92 семьи (213 чел.) – в Башкирской АССР и 98 семей (214 чел.) – в Татарской АССР¹⁰⁶. К июню 1948 г. в Свердловской области было размещено около 4 000 чел., в Кемеровской – 600, в Челябинской – 450, в Молотовской – 410 чел. Остальные 607 чел. были распределены по другим краям и областям РСФСР¹⁰⁷.

География размещения переселенцев из Китая с самого начала оказалась чрезвычайно широкой. В Свердловской области реэмигранты из Китая были расселены в 38 городах и районах области, в том числе в Свердловске, Североуральске, Нижнем Тагиле, Дегтярске и др.¹⁰⁸ В Челябинской области они были размещены компактно в Златоусте, Магнитогорске, Миассе и двух промышленных районах. В Башкирской АССР прибывших расселили в шести городах – Уфе, Стерлитамаке, Белорецке, Черниковске, Бирске и Давлеканове и двух районах республики. В Молотовской области репатрианты были направлены в города Соликамск, Молотов, Чусовой, Кизель, Березники, Чердын, Губаха и Юго-Камск. В Татарской АССР прибывшие из Китая советские граждане были расселены в Казани и четырех районах республики. В Кемеровской области репатрианты направлялись в Сталинск (ныне – Новокузнецк), Белово и Салаир.

Трудоустройство стало основной задачей, которую должны были решить местные власти и руководители предприятий. Лишь немногие, обычно специалисты, имели путевки, выданные им на руки в бухте Находка. Репатриантов принимали руководители предприятий, далее они проверялись как специалисты, а после, с учетом половозрастных критериев и состояния здоровья, им выдавались направления на работу. В документах сохранилась информация о трудоустройстве репатриантов в Свердловской области: «Переселенческим отделом за 2–3 дня до подхода эшелона ставились в известность предприятия, куда должны быть направлены прибывшие и вызывались представители, обычно начальник кадров... Распределялись в соответствии от заявок предприятий и наличия жилплощади... Совместно с представителями предприятия просматривались списки, а затем и люди... Все прибывающие заполняли соответствующие анкеты, автобиографии, после чего специалисты брались на особый учет. В результате просмотра отбирались инженеры, учителя, бухгалтера, специалисты, коих нельзя было использовать на данном предприятии по специальности, затем престарелые, больные от которых представители (рудников – в особенности) категорически отказывались, ввиду того, что им требовались люди, в большинстве своем годные для работы под землей или же на физическую работу, причем, представители заводов требовали направления к ним исключительно лишь мужчин, физически сильных и холостяков... Там, где некоторая часть граждан, не имеющих производственных специальностей, желая остаться в г. Свердловске изъявила желание работать на заводах, были направлены с их согласия на эти заводы, но ввиду отсутствия всяких навыков к физической работе, через некоторое время обращались к нам за содействием об устройстве их на другие места по специальности... Часто в беседах с репатриантами при определении профессии, сталкивались с явлением, что у многих имелись несколько разнородных профессий, поэтому нами эти люди легко трудоустроивались»¹⁰⁹.

На основании отчетов региональных переселенческих отделов возможно выявить региональную специфику размещения и использования реэмигрантов. Так, в Кемеровской области в отличие от размещенного здесь спецконтингента заключенных, занятого в основном в угольной промышленности, реэмигранты были задействованы на добыче и обогащении полиметаллических руд. В областях Урала большинство репатриантов использовались в трудоемких отраслях, в том числе в строительстве, горно-добывающих отраслях и на лесозаготовках, а репатрианты из Китая – на крупных предприятиях черной и цветной

металлургии. В национальных автономиях они пополнили медицинские и педагогические кадры.

В 1947–1948 гг. Переселенческое управление провело несколько проверок трудоустройства репатриантов из Китая и использования выделяемых на эти цели средств. Данные вопросы неоднократно обсуждались на закрытых заседаниях облисполкомов. В некоторых случаях проводились сплошные проверки. Ежеквартально отчеты переселенческих отделов переправлялись в Москву. Отделы осуществляли мониторинг изменения численности репатриантов, их миграции, трудоустройства, а также выполняли функции политического контроля и идеологического воспитания. В ходе проверок было выявлено несколько случаев размещения реэмигрантов на территориях спецпоселений, хотя еще в 1947 г. Совет министров РСФСР своим специальным решением потребовал не размещать указанный контингент на севере Урала, в зоне Кыштыма – Карабаша, где располагалось значительное количество спецпоселений и лагерей. Имевший место по инициативе властей Челябинской области случай отправки группы репатриантов из Китая в города Карабаш и Кыштым на медеплавильные заводы был пресечен органами МГБ¹¹⁰. Переселенческим отделом Молотовского облисполкома часть реэмигрантов была направлена в Чусовской леспромхоз, где их поселили вместе с власовцами и бандеровцами¹¹¹. Имело место несколько случаев использования репатриантов на лесозаготовках.

Свердловским переселенческим отделом 84 семьи (203 чел.) были направлены на работу и постоянное место жительства на лесозаготовку Перескачка, принадлежавший «Уралмашзаводу». Отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий, тяжелые условия труда и низкие зарплаты привели к тому, что 31 семья (71 чел.) самовольно уехала оттуда¹¹². Переселенческий отдел Молотовского облсовета направил на лесозаготовки в Ворошиловский район в Романовский леспромхоз треста «Камречлес» 176 чел. Спустя год там осталось только 36 чел.¹¹³

Летом 1948 г. последовал приказ Переселенческого управления при Совете министров РСФСР о перегруппировке тех репатриантов, которые были заняты на производстве не по специальности или без учета квалификации. Повсеместно была проведена кампания по обязательному трудоустройству всех трудоспособных глав семей, продолжено обучение производственным специальностям тех, кто не имел профессий и опыта работы. Отмечалось, что среди прочих обстоятельств первоначальные сложности с трудоустройством реэмигрантов были обусловлены отсутствием у них опыта работы в советских учреждениях.

Большие проблемы возникали с трудоустройством женщин, среди которых значительным был процент домохозяек. Так, в первых партиях прибывших в Свердловскую область их доля составляла около 30%¹¹⁴. Занятые в Шанхае, Тяньцзине и Пекине в сфере мелкого бизнеса, преимущественно в торговле и сфере услуг, многие из реэмигранток в СССР так и не смогли трудоустроиться по специальности. В этой связи МИДУ были высказаны претензии, что среди женщин, отправленных из Китая, оказался большой процент машинисток, секретарей, переводчиц, трикотажниц, парикмахеров, косметичек, шляпниц и артисток¹¹⁵. Планами на 1948 г. предусматривались полное трудоустройство домохозяек, стопроцентной охват учебой школьников и устройство детей в ясли и детские сады.

Согласно докладной записке, подготовленной Переселенческим управлением, прибывшие на конец октября 1947 г. – 2 091 семья (4 255 чел.) – были распределены в основном по следующим министерствам: цветной металлургии – 544 семьи (910 чел.), строительства предприятий тяжелой индустрии – 222 семьи (464 чел.), тяжелого машиностроения – 43 семьи (100 чел.)¹¹⁶. По данным управления, в 1949 г. 3 169 чел. были определены на работу в систему союзных и республиканских министерств, 1 098 чел. работали в металлургической промышленности, 1 000 – в системе предприятий Министерства тяжелой индустрии, 566 – на предприятиях Министерства тяжелого машиностроения, 236 – в структуре Комитета по делам искусств при Совете министров РСФСР, 61 – в здравоохранении, 56 чел. – в системе Министерства речного флота¹¹⁷.

По материалам отчетов Переселенческого управления при Совете министров РСФСР за 1949–1950 гг. можно проследить миграцию репатриантов. Несмотря на жесткие ограничения свободы перемещения, документы зафиксировали их высокую текучесть и массовый выезд за пределы территорий первоначального вселения. Переселенческие отделы через районные и городские исполкомы, а также отделы кадров предприятий разъясняли репатриантам, что они не должны самостоятельно менять места постоянного проживания. Постановлением Совета министров СССР от 20 июня 1948 г. «О порядке расселения граждан, прибывших из-за границы» переселенческим отделам были даны на этот счет особые указания. МВД настояло на том, чтобы запретить размещение репатриантов в Москве и Московской области, в Ленинграде и его пригородной зоне, в столицах союзных республик, в курортных местностях на юге, а также в пограничной полосе и запретных (режимных) областях СССР. Проживание на этих территориях было возможным при условии ходатайств отраслевых министерств, заинтересованных

в использовании репатриантов на производстве, но только после согласования с МВД и МГБ. Однако даже принятие специального постановления не смогло ограничить вторичную миграцию, направленную преимущественно в крупные города европейской и южной частей страны. Уезжавшим с предписанных мест жительства репатриантам не мешало и то, что зачастую они не имели на новом месте жилплощади, прописки, работы и, таким образом, попадали в гораздо более тяжелые материально-бытовые условия. Некоторые уезжали самовольно, другие – с санкции переселенческих отделов.

Заявки в местные переселенческие отделы и Переселенческое управление при Совете министров РСФСР с просьбой о переезде стали поступать практически сразу после прибытия мигрантов в страну. В качестве причин переезда указывались наличие родственников в других районах СССР, а также суровость климатических условий Урала и Сибири. Очень многие репатриированные переезжали на постоянное место жительства в Европейскую Россию, в частности в Москву и Воронеж, в Среднеазиатские республики, Прибалтику и южные города – Одессу, Ереван, Днепрпетровск, Николаев, Черновцы, Сухуми. Но основной отток репатриантов все же был направлен в крупные города Урала и Сибири – Свердловск, Новосибирск, Омск, Сталинск и др.

К марту 1949 г. из Свердловской области выехало более 300 бывших репатриантов, в основном по причине неустроенности. За пределы Татарии на начало 1949 г. выбыло 85 семей (105 чел.), что составило половину от прибывших. Из Челябинской области за второе полугодие 1948 г. и первый квартал 1949 г. выбыло в другие регионы 99 семей (179 чел.) из числа граждан, прибывших из-за границы. Из Кемеровской области на 1 октября 1949 г. выбыло 144 чел.¹¹⁸ Широкие масштабы вторичной миграции репатриантов стали основной причиной организации кампании по их возвращению в места первоначального вселения, которая проходила в 1949 г., но так и не увенчалась успехом.

Одной из целей, которые преследовала послевоенная репатриация из Китая, было дополнительное привлечение пусть небольших, но высококвалифицированных трудовых ресурсов для экономики и социальной сферы Урала и Сибири. Эффективность использования в СССР квалифицированной рабочей силы, прибывшей из-за границы, снижали нерациональная организация и низкий уровень производства, плохие условия труда, неразвитость социально ориентированных отраслей экономики.

ГЛАВА 4. РАСПАД ДИАСПОРЫ И ИНТЕГРАЦИЯ РЕПАТРИАНТОВ В СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 50-х – НАЧАЛО 60-х ГОДОВ)

Окончание гражданской войны в Китае и образование 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики (КНР) радикально сказались на характере советско-китайских отношений. Советское руководство, несмотря на многолетнюю поддержку китайского коммунистического движения, на государственном уровне взаимодействовало в 20–40-е годы с прозападным гоминдановским правительством, рассматривая его как центральное и заключив именно с ним большинство международных договоров. С приходом к власти Коммунистическая партия Китая стала реализовывать самостоятельную национальную политику, претендуя на доминирование в Восточной Азии, тогда как СССР продолжал рассматривать Китай как «младшего союзника» в социалистическом альянсе. Переломным в двусторонних отношениях стал Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи, подписанный в Москве 14 февраля 1950 г. Различные интерпретации соотношения принципов социалистического интернационализма и национального суверенитета были основой разногласий СССР и КНР на рубеже 40–50-х годов.

«Оттепель» в СССР и либерализация советской внешней политики привели к нормализации советско-китайских отношений, развитию двустороннего сотрудничества по всем направлениям. До конца 50-х годов руководители СССР и КНР придерживались компромиссных позиций, предпочитая не обострять отношения, несмотря на нарастающие противоречия и разногласия. Идеологические разногласия между компартиями, усилившиеся на рубеже 50–60-х годов, привели к обострению политических, экономических и демаркационных проблем, что закончилось конфронтацией, а в 1969 г. стало причиной вооруженного конфликта.

Одним из болезненных вопросов в советско-китайских отношениях в 50-е годы были оценка российско-китайских демаркационных и концессионных соглашений и ликвидация их последствий. Руководство КНР рассматривало наличие значительного количества иностранцев, посто-

янно проживавших на территории страны, как следствие российской колониальной политики в Китае и настаивало на вывозе русскоязычного населения в СССР. Уже с начала 50-х годов китайская сторона считала проведение массовой репатриации необходимым условием для нормализации отношений. Советская сторона, согласившаяся ранее на ликвидацию своих военных баз и передачу всех хозяйственных объектов, прежде принадлежавших российской стороне, Китаю, находила возможным и проведение репатриации.

В середине 50-х годов СССР сделал ставку на либерализацию своей миграционной политики и привлечение дополнительной рабочей силы из-за границы, в том числе и из Китая. Наряду с расширением использования иностранной рабочей силы в экономике предусматривалось за счет репатриантов из КНР и стран Восточной Европы привлечь дополнительные трудовые ресурсы в аграрный сектор, в первую очередь для освоения целинных и залежных земель в Казахстане и Сибири. Репатриация из Китая продолжалась до 1962 г., и в ее ходе в СССР практически полностью выехало русскоязычное население этой страны.

4.1. Репатриационная политика СССР в эпоху «великой дружбы» с Китаем

Основания для репатриации были заложены в соглашениях, подписанных в рамках договора о дружбе 1950 г., который предусматривал передачу китайской стороне прав на пользование и управление как КЧЖД, «восстановленной» в 1945 г., так и советскими военными базами в Люйшуньюкоу (Порт-Артуре) и Дайрене. Это предполагало отказ от оговоренных в 1945 г. принципов долевого финансирования смешанных советско-китайских компаний и совместного управления ими, а также постепенную замену советских служащих на китайский персонал. В конце 1952 г. Советский Союз передал Китаю КЧЖД, а к середине 50-х годов китайской стороне полностью перешло управление всеми ранее совместными объектами и их финансовый капитал.

В начале 1953 г. китайское руководство выступило с инициативой ускорить решение вопроса о пребывании в стране советских граждан¹. На уровне МИДов были проведены консультации, закончившиеся подписанием министрами иностранных дел Чжоу Эньлаем и А.Я. Вышинским предварительного соглашения по данному вопросу. С ноября 1953 г. работу по репатриации курировал заместитель министра иностранных дел

СССР В.В. Кузнецов, только что прибывший из Китая, где он работал послом. Китайской стороной среди основных причин проведения репатриации назывались массовый выезд русскоязычного населения в капиталистические страны, необходимость переселения граждан СССР как иностранцев из режимных и пограничных областей КНР, сложности с предоставлением советским гражданам избирательного права, продовольственные трудности и т.д. Репатриация предполагала учет советского населения и вывоз из КНР лиц, восстановленных в гражданстве после Второй мировой войны. Китайская сторона предполагала, что за два-три года в СССР выедет не только все русскоязычное население (русские, украинцы, евреи, татары), но и представители немногочисленных национальных диаспор из приграничных районов. В связи с репатриацией на переговорах затрагивался также вопрос о положении китайцев в СССР. По мнению китайского правительства, Советский Союз должен был пойти на предоставление постоянно проживающим на его территории китайцам советского гражданства и уравнивать их в правах с другими национальными группами.

Обе стороны могли лишь приблизительно оценить численность китайского и советского населения, проживающего на правах диаспоры в СССР и Китае. Численность натурализовавшихся в СССР после массовых репрессий периода «большого террора» китайцев составляла, по переписи 1939 г., 32 тыс. чел. Помимо этого после войны в СССР вместе с японцами было перемещено около 150 тыс. китайцев, большинство из которых к середине 1950 г. были уже репатрированы на родину.

С весны 1953 г. в СССР началась практическая реализация достигнутых договоренностей о репатриации советских граждан из КНР. В марте 1953 г. ЦК КПСС принял постановление о создании особой комиссии по проработке вопросов, связанных с репатриацией², но лишь спустя год Совет министров СССР принял первое решение о начале репатриации. В соответствии с Постановлением Совета министров СССР № 751-329с от 18 апреля 1954 г. в течение июля–августа разрешался въезд на территорию СССР на постоянное жительство 6 тыс. семей советских граждан, изъявивших желание покинуть КНР и планировавших работать на целине в районах Центральной и Южной Сибири, Южного Урала и в северо-западных областях Казахстана. Решение о содействии поэтапной репатриации было принято и Госсоветом КНР. Это позволило странам согласовать механизм и сроки репатриации.

Основной объем работ по юридическому сопровождению репатриации должен был лечь на плечи Дальневосточного отдела МИД, и к нача-

лу массовой репатриации была проведена перегруппировка советского консульского аппарата в Китае. Осенью 1954 г. были ликвидированы консульства в Кобдо и Тяньцзине, где раньше существовали значительные русские колонии, а их сотрудники усилили дипкорпус в Маньчжурии и Синьцзяне³. Реорганизация консульских округов совпала с административно-территориальной реформой в КНР. На территории созданного в 1955 г. Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) действовало пять консульств. Приграничная с СССР территория Синьцзяна теперь находилась в ведении следующих советских консульских округов: кульджинского (Кульджа), кашгарского (Кашгар), алтайского (Шара-Сумэ), тарбагатайского (Чугучак) и урумчинского (Урумчи). На территории Центрального и Северо-Восточного Китая работало восемь консульств. В период массовой репатриации работу осуществляли генеральные консулы СССР: в Шанхае – К.А. Крутиков, в Мукдене – В.Н. Верещагин, в Дайрене – А.П. Белянов, в Урумчи – С.Н. Казанский, в Харбине – И.А. Баранов, в Кашгаре – А.Н. Орлов, в Кульдже – Б.А. Шеншин, в Маньчжурии – А.А. Осипов, в Чугучаке – П.К. Романчук, в Шара-Сумэ – В.И. Ковалеров.

Помимо МИДа активное участие в приеме и устройстве переселенцев приняли Министерство сельского хозяйства и Министерство совхозов СССР, а также органы власти Казахской ССР. До августа 1956 г. вопросами репатриации продолжало заниматься Переселенческое управление при Совете министров РСФСР. После объединения в 1956 г. Главного переселенческого управления и Главного управления организационного набора их функции перешли к созданному Главному управлению переселения и организационного набора при Совете министров РСФСР, которое занималось вопросами, связанными с переселением и трудоустройством реэмигрантов. В составе объединенного управления функционировал специальный отдел по организации приема и обустройству советских граждан, прибывающих из-за границы. При органах исполнительной власти на местах также стали действовать объединенные отделы по переселению и оргнабору. Свои специфические задачи, касающиеся работы с репатриантами, выполняли также Министерство финансов и МВД, другие союзные и республиканские учреждения.

С китайской стороны репатриацию курировали специально созданные комитеты (комиссии) при провинциальных, окружных, уездных и городских департаментах иностранных дел и общественной безопасности, организованные на территориях, где компактно проживало русскоязычное население. Обычно в структуре подобных комитетов действовало пять отделов: безопасности, иностранный, судопроизводственный, здравоохран-

нения и торговли, – все они должны были обеспечивать юридическую подготовку выезда репатриантов и скупку их имущества. Комитеты возглавляли заместители председателей городских народных правительств и начальники департаментов общественной безопасности. Центральный аппарат составляли инспекторы по репатриации, а на местах действовали передвижные бригады. При некоторых комитетах были открыты специальные курсы по подготовке административных работников, непосредственно отвечавших за репатриацию⁴. Первые комитеты и комиссии появились летом 1954 г. при городских муниципалитетах Харбина, Маньчжурии, Хайлара, Якеши и других городов по линии КЧЖД. Вслед за ними окружные комиссии по репатриации возникли в приграничных районах СУАР и на территории автономной области Внутренняя Монголия⁵.

Особенно активно содействовали репатриации региональные власти северо-восточного и центрального районов Китая, а также Внутренней Монголии. Руководство северо-восточных провинций, в том числе муниципальные правительства Харбина и Маньчжурии, демонстрировало крайнюю заинтересованность в выезде русскоязычного населения именно в СССР. Китайская и советская стороны согласовывали шаги, способные ускорить репатриацию. Так, в 1954 г. правительство КНР, следуя настойчивым просьбам МИД СССР, ввело ограничения на выезд в капиталистические страны (они были сняты только в 1960 г.). Списки на выезд русскоязычного населения в Америку и Австралию предварительно согласовывались с советскими консульствами. Более того, СССР требовал привлечения к уголовной ответственности тех представителей русской колонии, которые активно выступали против репатриации на родину, агитируя за выезд в капиталистические страны. В 1955 г. СССР отказался от требования устанавливать более высокие ставки оплаты труда для советских граждан, постоянно проживающих в Китае. Репатриация сопровождалась также ликвидацией всех предприятий, находившихся в собственности советской колонии.

В позиции региональных властей СУАР в отличие от властей северо-восточных провинций по вопросам репатриации наметились значительные расхождения с Пекином. Правительство СУАР – Народный комитет, возглавляемый бывшим выпускником Университета трудящихся Востока уйгуром Сайфутдином Азизовым, а также Синьцзянское бюро КПК с самого начала крайне настороженно восприняли возможную репатриацию всего советского и просоветски настроенного населения. Содействуя репатриации русских и татар, власти СУАР встали на путь противодействия репатриации казахов и уйгур. Следует также учитывать тот

факт, что начало репатриации привело к массовой смене гражданства населением приграничья и в целом стимулировало миграционные ожидания. За этими процессами стоял целый комплекс политических и социально-экономических причин: проведение репрессивной кампании против казахов, участвовавших в повстанческом движении, начало массового переселения ханьского населения в Синьцзян, дискриминационная политика в отношении национальных меньшинств и начало социалистических преобразований в сельском хозяйстве Китая.

Несмотря на настороженную позицию властей СУАР относительно массовой репатриации, руководство КНР в 1955 г. продолжило реализацию программы по выезду советских граждан на родину. Планировалось, что репатриация охватит сельские районы Дунбэя и Синьцзяна, где проживала основная часть русскоязычного населения. СССР рассчитывал на въезд в страну 13 тыс. семей (более 60 тыс. чел.), – соответствующее постановление (№ 238-143 с) было принято Советом министров 15 февраля 1955 г. Плановые показатели были достигнуты уже к концу июня. Но, по информации МИДа, сверх утвержденных контрольных цифр в СССР могло въехать еще не менее 2,3 тыс. семей⁶, в связи с чем правительство СССР в июне и августе 1955 г. приняло дополнения к февральскому постановлению, разрешив репатриантам въезд из Китая.

Еще до начала массовой репатриации 1955 г. власти Илийского округа СУАР сделали заявление, что хозяйственная разруха в округе – это непосредственный итог подготовительного этапа репатриации. Власти Кульджинского округа также заявили, что известие о начале репатриации в СССР приведет к нарастанию слухов, падению дисциплины на производстве и повлечет за собой массовый выезд и без того немногочисленных специалистов – представителей национальных меньшинств. В марте 1955 г. секретарь Кульджинского обкома КПК Лю Цюань в беседах с советским консулом просил не отправлять в СССР руководящих работников партийных и государственных органов из числа советских граждан, а также работников Синьцзянского комбината цветных металлов⁷. Такая реакция властей СУАР несколько скорректировала официальную точку зрения Пекина. В разгар репатриации в июле 1955 г. помощник министра иностранных дел КНР Хэ Вей в беседе с временным поверенным в делах СССР в КНР Ломакиным заявил, что китайское правительство просит при проведении репатриации русскоязычного населения не призывать к выезду казахов и уйгур, не имеющих советского гражданства; более того, Китай вообще не заинтересован в выезде в СССР казахов и уйгур, поскольку они составляют основное население Синьцзяна⁸.

В мае 1955 г. МИД КНР дал рекомендации считать всех рожденных на территории страны казахов и уйгур гражданами Китая. Эти рекомендации были донесены до советских консульских работников в СУАР⁹.

Весьма привлекательными представлялись финансовые условия репатриации в СССР. Постановлениями правительства оговаривался спектр льгот переселенцам из КНР. Как и во второй половине 40-х годов, государство брало на себя затраты, связанные с приемом, транспортировкой самих переселенцев и провозом багажа от границы СССР до места назначения, а также обязательство по трудоустройству. В то же время государство отказывалось нести любые затраты в отношении лиц, заявивших о своем нежелании работать на целине. В СССР разрешался ввоз личного имущества и валюты, эквивалентной 800 руб. на человека, а с 1958 г. эта сумма была увеличена до 2 400 руб. (400 юаней)¹⁰. Советская сторона не взимала с репатриантов таможенные пошлины за провоз имущества, в то время как китайская постоянно ужесточала таможенную политику. Первоначально властями Китая был провозглашен беспоглиный и неограниченный вывоз репатриантами имущества, и это привело к оживлению местной торговли, в том числе за счет скупки выезжающими товаров китайского производства¹¹, но уже в 1955 г. были введены первые ограничения на вывоз в СССР мануфактуры, шерсти, продуктов питания. Вывозимые сверх нормы товары и продукты считались контрабандой и подлежали конфискации. В 1958 г. последовали ограничения на перевод и вывоз наличных денег, а через год вывоз национальной валюты вообще был запрещен¹².

При въезде в СССР переселенцам выплачивалось денежное пособие в размере 3 тыс. руб. на главу семьи и по 600 руб. на каждого из ее членов. С 1956 г. особо нуждающимся репатриантам выдавалось безвозвратное пособие в размере до 500 руб. на человека. Всем без исключения выплачивались суточные за время следования по территории СССР из расчета 10 руб. в сутки на человека¹³. Компенсировалась также стоимость провоза багажа в пределах двух тонн на семью. После прибытия репатриантов Сельхозбанк должен был предоставлять им льготные кредиты в размере до 10 тыс. руб. на индивидуальное строительство и 2–3 тыс. руб. на покупку скота. В июле 1956 г. правительство СССР предприняло дополнительные шаги по расширению спектра льгот для переселенцев из КНР, прибывших на постоянное жительство в Казахскую ССР.

Согласно Постановлению Совета министров СССР от 11 января 1956 г. (№ 37-26с) в страну должны были въехать 10 тыс. семей, преимущественно мигранты из Синьцзяна.

Однако из-за позиции китайской стороны плановые показатели по репатриации не были достигнуты. Власти СУАР предприняли шаги, направленные на то, чтобы ограничить выезд и переломить миграционные ожидания у населения пограничья, которые, по мнению китайской стороны, стали главной причиной напряженности в регионе. Позиция китайской стороны с этого времени стала определяющим фактором при принятии решения о выезде. В итоге количество репатриантов составило около 5% от планируемого¹⁴. Чтобы не обострять отношения, МИД СССР дал указания консульствам в Синьцзяне противодействовать ажиотажу, связанному с репатриацией: вести разъяснительную работу среди населения, объяснять нецелесообразность ликвидации хозяйств и продажи имущества, пресекать деятельность по подготовке к нелегальному переходу границы¹⁵. Несмотря на то что на территории Синьцзяна по-прежнему проживало значительное количество советских граждан, добивавшихся выезда, после серии протестов МИД КНР советская сторона была вынуждена приостановить проведение репатриации на северо-западе Китая¹⁶. Была отложена репатриация казахского населения: советские консульства в трех приграничных округах сначала приостановили свою работу, а потом вообще были закрыты. Ограниченный выезд обеспечивали лишь консульства в Урумчи и Кульдже. В 1957 г. ввиду сложившейся обстановки советская сторона сделала беспрецедентные предложения: ввести двойное гражданство для жителей приграничья или предоставить возможность оптации гражданства. Вопрос обсуждался в Министерстве внутренних дел КНР, однако китайские власти воздержались от заключения конвенции о двойном гражданстве под предлогом, что в КНР еще нет законодательства о гражданстве¹⁷. Впоследствии Закон о гражданстве 1980 г. юридически закрепил для населения Китая запрет на двойное гражданство.

В мае 1958 г. МИД СССР информировал китайскую сторону о желании продолжить репатриацию советского населения. В начале июня Пекин ответил согласием на проведение репатриации в 1958–1959 гг., требуя при этом учета специфической ситуации в СУАР. Указывалось также, что отныне Китай намерен придавать особое значение численности репатрируемых и наличию достаточных оснований к выезду: советские консульские работники должны были учитывать тот факт, что половина из тех, кто просит о выезде, не являются гражданами СССР¹⁸. Особо китайская сторона настаивала на прекращении приема в советское гражданство.

В 1958 г. КПК провозгласила курс на ускоренное развитие страны, в том числе и национальных районов, в ходе которого началась кампания по коллективизации сельского хозяйства, подразумевавшая ликвидацию индивидуальных хозяйств и создание народных коммун. Помимо этого в Китае разворачивалось освоение целинных земель. По мнению советских консульских работников, ситуация была крайне сложной, так как «если бы китайцы пошли на разрешение массовой репатриации, то действительно, некоторые районы и коммуны остались бы без населения»¹⁹. По информации консульств, количество возможных репатриантов из Китая на 1958 г. превышало 12 тыс. чел., из которых 95% приходилось на Синьцзян. Основная проблема заключалась в том, что китайская сторона активно противодействовала дальнейшей советизации казахской диаспоры, большинство которой составляли выходцы из Российской империи и СССР, и не признавала их претензий на советское гражданство. Большая часть этнических казахов имели на руках не советские заграничные виды на жительство, а временные удостоверения или заявления о приеме в гражданство; у некоторых вообще отсутствовали всякие документы. В инструкциях МИДа, разосланных консулам в городах СУАР, указывалось, что «необходимо принять во внимание позицию китайской стороны»: в первую очередь отсрочить вывоз кадровых работников и не выдавать советских заграничных видов на жительство, не извещая об этом китайские власти. Однако все попытки как советских, так и китайских властей контролировать репатриацию на этом участке границы, прежде всего репатриацию казахского и уйгурского населения, оказались малопродуктивными, поскольку массовый голод в Китае в конце 50-х годов чрезвычайно усилил миграционные ожидания.

Несмотря на решение Пекина продолжить репатриацию, власти СУАР ей противодействовали. Сначала они перенесли сроки выезда с весны на осень 1958 г., затем в марте 1959 г. в разгар подготовки к репатриации были реорганизованы комиссии, ответственные за ее проведение. В 1958–1959 гг. по Или-Казахскому автономному округу прокатилась волна преследований «националистов», в том числе граждан СССР. Пекин признавал, что репатриацию подстегивает нерешенность национального вопроса и стремление к выезду будет существовать до тех пор, пока существует фактическое неравенство казахского и уйгурского населения с китайским. Наряду с этим китайское правительство считало возможным приступить к реализации программы массового заселения СУАР, преимущественно северных приграничных территорий, этническими китайцами взамен выехавшего населения²⁰.

В связи с задержкой репатриации соответствующее Постановление Совета министров СССР вышло только 25 сентября 1958 г. (№1078-520), поэтому в нем оговаривались объемы репатриации как на текущий, так и на следующий год²¹. Несмотря на большие трудности, в 1958 г. удалось провести массовую репатриацию. В СССР въехало около 75 тыс. чел., но решения о продолжении репатриации со стороны Китая не последовало. Наконец в ноябре 1959 г. китайские власти высказали желание ее прекратить²². В октябре 1960 г. по Синьцзяну прошла агитационная кампания против выезда, в ходе которой к СССР предъявлялись претензии на часть территорий Киргизии и Казахстана. Начались политические преследования лиц, которые настаивали на выезде в СССР²³. Тем не менее, по информации консульств, заявления на выезд в СССР продолжали поступать. Китайская сторона официально разрешила выезд лишь из Кульджинского консульского округа, что и было осуществлено в ноябре–декабре 1960 г.

Совет министров СССР 21 октября 1960 г. принял новое постановление (№ 1128-471) о репатриации советских граждан и членов их семей из Синьцзяна²⁴. Консульствам в Урумчи и Кульдже было предоставлено право по согласованию с советами министров союзных республик выдавать репатриантам въездные визы в СССР. В постановлении не было указано количество семей, которые должны были въехать в СССР из Синьцзяна. В рамках реализации данного постановления по репатриационной программе в 1960–1962 гг. из СУАР легально выехало еще около 15 тыс. чел., преимущественно казахов и уйгур²⁵.

С начала 60-х годов миграция стала приобретать стихийный характер. Около 200 тыс. чел., в основном казахи и уйгуры из Синьцзяна, настаивали на предоставлении советского гражданства и репатриации в СССР, главным образом в Казахстан. Китайская сторона выразила резкое недовольство, в связи с чем советское руководство было вынуждено официально заявить о завершении репатриации в СССР. В начале 1962 г. власти СУАР почти полностью прекратили выдачу разрешений на выезд в СССР советским гражданам, желавшим возвратиться на родину. 29 мая 1962 г. в Кульдже состоялась массовая демонстрация уйгур и казахов, обратившихся к властям с просьбой разрешить им выезд к родственникам в СССР. Против митингующих было применено оружие. Имеется информация, что в подобных условиях власти Кульджинского округа с целью разрядить напряженную обстановку в регионе неофициально содействовали выезду и даже отвозили перебежчиков к советской границе.

Пик массового бегства через границу относится к апрелю–маю 1962 г., когда из Синьцзяна в СССР нелегально перешли около 67 тыс. жителей провинции. В августе 1962 г. советская и китайская стороны обменялись взаимными обвинениями в провоцировании пограничных инцидентов. Китай потребовал насильственной репатриации беженцев обратно в страну и закрыл границу. Однако уже в сентябре 1962 г. МИД КНР обратился к советскому правительству с просьбой разрешить выезд в СССР в упрощенном порядке всем, кто этого добивается. В октябре 1962 г. СССР ввел безвизовый въезд в СССР из Китая (Постановление Совета министров СССР № 2591-рс от 6 октября 1962 г.) для советских граждан и членов их семей, вследствие чего с октября 1962 г. по май 1963 г. из СУАР в Советский Союз, главным образом в Казахстан, было перемещено более 46 тыс. чел.²⁶

Имеются отрывочные сведения, в соответствии с которыми в 1963 г. количество нарушителей границы возросло до 100 тыс.²⁷, что вновь привело к ее закрытию. Существует ряд неподтвержденных свидетельств, что часть нелегальных мигрантов депортировали обратно в Китай, переместили в северные районы Казахстана. Однако никаких документальных сведений, подтверждающих эти данные, пока нет.

Осуществление репатриационной советско-китайской программы стало возможным благодаря нормализации взаимоотношений двух стран во второй половине 50-х годов. Но одновременно репатриация стала дополнительным фактором роста конфронтации. Наряду с внешнеполитическим эффектом репатриация имела долговременные внутривнутриполитические и экономические последствия как для СССР, так и для КНР. В Дунбэе, например, с выездом советского населения произошло окончательное вытеснение советских капиталов и персонала с КЧЖД и из других акционерных обществ, ранее находившихся в долевым управлении. За счет репатриации русскоязычного населения китайские власти рассчитывали сократить избыточную рабочую силу в сельском хозяйстве. На практике в результате массовой самоликвидации индивидуальных крестьянских хозяйств в приграничных районах Синьцзяна произошло значительное сокращение посевных площадей и поголовья скота.

Репатриация советских граждан параллельно с переселением в Синьцзян ханьцев позволила китайским властям изменить этническую структуру населения, достигнуть паритета между ханьским и тюркоязычным населением и ускорить процесс интеграции СУАР в состав КНР. Выезд русскоязычного населения наряду с передачей китайским властям всех хозяйственных объектов, ранее принадлежавших российской стороне,

окончательно поставил точку в истории российской колонизационной политики в этой стране.

4.2. Сокращение советской колонии в КНР

Репатриация второй половины 50-х годов сопровождалась новой волной советизации эмиграции. После Второй мировой войны советское гражданство в Китае получили 155 тыс. эмигрантов и беженцев. Масштабы советизации в Маньчжурии составили почти 70% от численности диаспоры. Вместе с тем лишь незначительная часть бурят, эвенков, татар и других этнических групп, проживавших на северо-востоке страны, восстановила после войны советское гражданство. Не охваченными советизацией оказались и отдаленные районы. В Синьцзяне, где численность перемещенных лиц оценивалась первоначально в 150 тыс. чел., волна советизации затронула лишь половину этого населения в западных районах, при том что оставшаяся половина вообще не получила никаких документов советского образца.

Советизация 50-х годов, сопровождавшаяся массовой репатриацией, с особой остротой поставила вопрос о государственной принадлежности населения китайского приграничья. СССР был заинтересован в увеличении численности своей колонии в Китае, реализуя максимально либеральную политику в области гражданства, что обеспечивало широкие возможности привлечения трудовых ресурсов из-за границы. Репатриация позволяла вывезти как русскоязычное, так и просоветски настроенное население. Китай, со своей стороны, делал ставку как на развитие двусторонних отношений с Советским Союзом, так и на сокращение иностранного влияния. При этом китайское руководство стремилось также не допустить нового витка межнациональной напряженности в Синьцзяне и оттока населения с приграничных территорий. В формирующемся институте гражданства КНР доминировали политические и этнические факторы.

Вторая волна пролонгации советского гражданства, относящаяся ко второй половине 50-х годов, затронула преимущественно приграничное население Синьцзяна. Как отмечалось ранее, основная работа по советизации населения была проведена советским консульством в Кульдже еще во второй половине 40-х годов. В то же время при проверке консульской документации за 40-е годы выяснилось, что только по кульджинскому консульскому округу около 46 тыс. ходатайств

не были рассмотрены ни консульством, ни комиссией по восстановлению гражданства²⁸, тогда как действие указа 1946 г. истекло на территории Синьцзяна в 1949 г. С документальным подтверждением гражданства сложилась сложная ситуация. Несмотря на то что частично советские заграничные виды на жительство уже были выданы, значительное их количество продолжало храниться в консульском архиве, и они выдавались по требованию. Часть населения имела на руках лишь временные удостоверения и справки о восстановлении советского гражданства. В 1954–1955 гг. консульствами была проведена огромная работа по восстановлению и пролонгации советского гражданства, учету и регистрации советского населения. Только в 1955 г. через консульство в Кульдже 19 тыс. чел. пролонгировали совзагранвиды, 7 тыс. чел. получили временные советские удостоверения, было рассмотрено 6,5 тыс. коллективных заявлений, касавшихся судеб более чем 26 тыс. чел.²⁹ Однако точный учет советского населения в округе не удалось наладить и в последующие годы. Лица, не получившие письменных подтверждений о восстановлении в гражданстве, могли обратиться в Верховный Совет СССР с соответствующим ходатайством. Это привело к тому, что в Президиумы Верховных Советов СССР, Казахской ССР и Киргизской ССР было направлено несколько тысяч коллективных (от семей) и индивидуальных (от глав семей) заявлений с просьбой восстановить в гражданстве СССР на основании Указа 1946 г. Автоматически гражданство предоставляли русским, украинцам и татарам, проживавшим в Синьцзяне. Более того, репатриация данных категорий оказалась возможной и без формальной процедуры восстановления гражданства, так как китайские власти не препятствовали их выезду.

Наибольшие проблемы возникли в приграничном Или-Казахском автономном округе СУАР. Советские консульства в Чугучаке и Шарасумэ столкнулись с большими сложностями при советизации казахской диаспоры. Во-первых, имело место противодействие со стороны региональных властей. Во-вторых, процесс смены гражданства встретил существенные препятствия, связанные с родоплеменным устройством традиционного казахского общества, предполагавшим предоставление гражданства и разрешение на выезд представителям всего рода. В 1955 г. за советским гражданством обратились сразу два казахских рода – Кирей и Тогос, один из которых откочевал на территорию Китая еще в XIX в., а другой – во время голода начала 30-х годов. Положительное рассмотрение этого вопроса могло повлечь за собой единовременный выезд в СССР более 30 тыс. чел., и с целью

избежать обострения отношений советская сторона коллективный выезд не разрешила.

Только за январь–март 1959 г. в Верховный Совет СССР поступило 50 коллективных заявлений от 3,9 тыс. семей и столько же заявлений от глав семей из числа лиц, эмигрировавших в Китай в период голода 30-х годов, с ходатайством о восстановлении в гражданстве. Заявители предупреждали, «что в случае отказа удовлетворить просьбу о возвращении нелегально перейдут границу, как они это делали в 1930–1933 гг.»³⁰. Не получив оснований для легального возвращения, в 1957–1959 гг. лидеры казахской эмиграции неоднократно обращались к советским пограничным службам с просьбой организовать условия для массового перехода границы. Будучи этнической по характеру, репатриация из СУАР привела к заметному росту числа вызовов от родственников, как давно проживавших на территории СССР, так и недавно въехавших в Казахстан и Киргизию. С октября 1960 г. оставшимся консульствам в Синьцзяне было предоставлено право по согласованию с советами министров этих двух республик выдавать въездные визы в СССР³¹.

Случаи отказа в предоставлении советского гражданства были единичными. Советская сторона не выдвигала политических обвинений ни белым эмигрантам, ни перебежчикам, не пыталась также сдерживать советизацию казахов и уйгур, чему активно противодействовала китайская сторона. Советские консульства регистрировали всех «бесподданных», создавая возможности для их выезда в СССР. Общества советских граждан, занятые совместно с консульствами учетом советского населения, также кооптировали в свой состав всех желающих. Уже в 1955 г. консульства получили разрешение выдавать вместо совзагранвидов справки, подтверждавшие, что их владельцы – «выходцы из России и СССР», причем эти справки рассматривались при переходе границы как документы, удостоверяющие личность³². В итоге за два-три года на руках у жителей советско-синьцзянского пограничья оказалось несколько десятков тысяч документов советского образца, позволявших претендовать на восстановление советского гражданства и, соответственно, на выезд в СССР. В 1959–1960 гг. китайская сторона оказалась вынуждена частично признать юридическую силу этих документов и не только выдать многим владельцам подобных справок разрешения на выезд, но даже не препятствовать нелегальному переходу границы. Однако вне этого процесса продолжала оставаться значительная часть выходцев из Российской империи, перебравшихся в Китай на волне национального движения 1916 г., равно как и перебежчиков

из СССР начала 30-х годов, которые также настаивали на получении советского гражданства.

Всего во второй половине 50-х годов восстановили или пролонгировали советское гражданство более 200 тыс. чел. Итоги советизации наглядно показывает анализ национально-государственного статуса репатриантов. В Синьцзяне в структуре выезжавших в середине 50-х годов доминировали советские граждане, составлявшие около 75%, остальные 25% были лицами без гражданства. К концу десятилетия среди репатриантов количество лиц без гражданства увеличилось до 45%³³, а в начале 60-х годов абсолютное большинство нелегальных мигрантов составляли лица без гражданства. Это кардинально отличалось от ситуации в Дунбэе. Анализ статуса выехавших в СССР из Маньчжурии показывает, что из них абсолютное большинство (96%) имели гражданство СССР, около 3% не имели гражданства и лишь 1% были натурализовавшимися (т.е. имевшими китайское гражданство) бывшими российскими эмигрантами. К окончанию процесса репатриации удельный вес граждан КНР среди репатриантов возрос до 16%. Среди нелегальных мигрантов весны 1962 г. временные документы советского образца имели 66% (среди этих документов совзагранвиды составляли менее 1%), 34% были лицами без гражданства, граждан КНР насчитывались единицы³⁴. Во второй половине 50-х годов в Дунбэе репатриация вызвала массовое сокращение советской колонии, в то время как в Синьцзяне подобное сокращение частично компенсировалось за счет советизации.

Репатриация привела к почти полному сокращению и без того немногочисленных советских колоний в городах Центрального Китая и Тихоокеанского побережья. Вследствие репатриации в СССР и выезда в капиталистические страны российская диаспора Шанхая сократилась с конца 40-х до середины 50-х годов до 1,5 тыс. чел. Плановые показатели почти точно выполнялись: за 1954–1959 гг. планировалось вывезти 435 семей, фактически же вывезли 413. В 1954 г. из Шанхая в СССР выехало 547 чел., в 1955 г. – 537, в 1958–1959 гг. – 55 чел.³⁵ На начало 1960 г. в городе продолжали оставаться 60 семей советских граждан (158 чел.), в 1960–1961 гг. уехали еще 22 чел.³⁶ Таким образом, в период репатриации из города уехали 1 161 чел., что было почти в 4 раза меньше, чем в 1947 г. Всего из 15-тысячной российской колонии Шанхая в СССР уехали почти 6 тыс. чел., остальные – в капиталистические страны.

Тенденция к полной ликвидации была характерна также для российских колоний Пекина, Тяньцзина и Мукдена. В течение года планирова-

лось вывезти всех русских из Тяньцзина (250 семей), за два года – из Мукдена (410 семей) и за пять лет – из Пекина (416 семей). Общая цифра должна была составить 1076 семей. В Тяньцзине, где массовый выезд советского населения был произведен уже в 1954 г. и его масштабы составили 521 чел., консульство продолжало действовать до конца 1959 г. на тот случай, если еще найдутся желающие уехать. В общей сложности в 1947 г. и затем в 1954 г. из Тяньцзина в СССР выехало около 1,6 тыс. чел., или треть россиян, проживавших в городе. В Мукдене число выехавших составило чуть более 1 200 чел. Во второй половине 50-х годов за счет въезда из других районов существенно увеличилась численность советской колонии в столице КНР. Одновременно отсюда за четыре года выехало 1 330 чел.³⁷ На начало 1960 г. в Пекине продолжали оставаться 467 чел.³⁸, в 1960–1962 гг. в СССР выехало еще 260 чел. На момент закрытия консульства в декабре 1962 г. на учете в пекинском консульском округе продолжали состоять около 300 чел.³⁹

На Квантунском полуострове советское население, численность которого на начало 50-х годов оценивалась приблизительно в 2–3 тыс. чел., было сконцентрировано на территории военных баз в Дальнем и Порт-Артуре. Советские войска были выведены летом 1955 г., тогда же выехали семьи советских военнослужащих. В связи с выводом советских войск с полуострова и передачей КНР военных баз китайская сторона особо настаивала на безусловном вывозе всего постоянно проживавшего здесь русскоязычного населения. Если в 1954–1955 гг. планировалось вывезти из Дальнего более 600 семей, или около 2,3–2,5 тыс. чел.⁴⁰, то в результате репатриации из города было вывезено все население трудоспособного возраста. Среди оставшихся доминировали лица старшей возрастной группы: власти города не настаивали на обязательной репатриации лиц старше 60 лет, не имевших родственников в СССР. Стариков разместили в домах престарелых, а их содержание покрывалось за счет выплат со стороны местного Общества советских граждан⁴¹. Кроме того, небольшая часть бывших русских эмигрантов добилась в эти годы выезда в капиталистические страны.

Значительное количество советских граждан проживало в автономном районе Внутренняя Монголия. Многочисленные колонии имелись в городах Маньчжурия и Хайлар и прилегающих к ним районах, а также в Трехречье и Якешинском районе. В районе действовало советское консульство, находившееся в г. Маньчжурия. Численность советского населения на начало 50-х годов здесь превышала 25 тыс. чел. В целом по консульскому округу до начала репатриации 1954 г. функционировало

четыре районных Общества советских граждан, имевших 52 местных отделения. Советские граждане проживали на территории округа в 110 городах и населенных пунктах; планировалось вывезти 4 200 семей. Массовый выезд из округа происходил в 1954–1955 гг. В 1954 г. было вывезено 1 840 семей, или 10 620 чел., преимущественно жителей г. Маньчжурия, в 1955 г. – еще 3 017 семей, или 13 223 чел.⁴² В 1955 г. основные усилия предпринимались по вывозу населения из сельских районов, где проживало около 3,8 тыс. семей советских граждан, или более 15,3 тыс. чел.⁴³, из которых на выезд были согласны лишь около 3 тыс. семей. В основном выезжали из районов, прилегающих к Хайлару, Якеши (населенные пункты по линии железной дороги), Найджин-Булаку, и из Трехречья. Всего за два года массовой репатриации из данного консульского округа выехало 23 791 чел., или 90% советского населения⁴⁴. Среди выехавших 96% составляли советские граждане, 3% – лица без гражданства и 1% – граждане КНР⁴⁵. Абсолютное большинство составляли русские.

Численность оставшихся русских, проживавших в 40 населенных пунктах, оценивалась приблизительно в 2,5 тыс. чел. Из них в Хайларе и 16 близлежащих населенных пунктах проживало 375 семей (1251 чел.), в том числе в самом Хайларе – 432 чел., в Чжаромтэ – 154, в Ацане – 120, в Найджин-Булаке – 90 чел. Следующим по численности оставшихся русских был район Трехречья, где в 16 деревнях проживало 828 чел. Крупнейшими из них по числу русских жителей продолжали оставаться Верх-Кули, Усть-Урга, Дубовая, Ключевая, Верх-Урга. В Якешинском районе проживало 359 чел., в том числе в г. Якеши – 148 чел.⁴⁶ Часть престарелых советских граждан была помещена в приют на ст. Якеши, средства на их содержание предоставило Общество советских граждан. Хотя итоговая статистика не отражает выезд в последующие годы, на основании фильтрационно-проверочных дел репатриантов можно утверждать, что репатриация оставшихся в этом регионе советских граждан продолжалась в 1956 г., когда из округа планировалось вывезти 500 чел., и в 1959 г. К концу 50-х годов в г. Маньчжурия и прилегающем к нему пос. Чжалайнор проживало всего 78 советских семей (156 чел.).

В маньчжурском консульском округе имелись две группы, активно противившиеся репатриации, – татарское население Хайлара и Якеши (600 чел.), а также старообрядцы в Трехречье и Найджин-Булаке (350 чел.), добивавшиеся выезда в Турцию и Парагвай⁴⁷. В результате часть русского населения Трехречья вообще отказалась от выезда и натурализовалась. Среди отказников преобладали в основном те, кто имел крупное скотоводческое хозяйство и не хотел его ликвидации, лица, опасавшиеся

репрессий в СССР, жены и дети граждан КНР. Потомки русских эмигрантов, преимущественно от смешанных браков, продолжают и сейчас жить в русской национальной волости Шивэй под г. Аргунь (бывший Лабдарин) автономного района Внутренняя Монголия, их численность составляет около 1,7 тыс. чел. Все они по-прежнему сохраняют традиционную культуру и обычаи, исповедуют православие, но практически не говорят на русском языке.

Основная часть населения восточной ветки Харбинской железной дороги (бывшей КЧЖД) и сельских районов Барги (аймак Хулунбуир, без учета Трехречья) находилась под юрисдикцией советского консульства Харбина. В середине 50-х годов харбинский консульский округ по численности советского населения был крупнейшим в Китае: советских граждан здесь было более 30 тыс. чел. Во время массовой репатриации из округа планировалось вывезти около 5,3 тыс. семей. На момент начала репатриации в 1954 г. 18 тыс. чел. заявили о своем желании выехать в СССР, 5 тыс. – категорически отказались возвращаться, 7 тыс. чел. подали документы на выезд в другие страны, остальные считались неопределившимися⁴⁸. Спустя год после начала выезда численность советской колонии в округе сократилась до 17,5 тыс. чел., из которых только 4 тыс. выразили желание выехать в СССР, тогда как 7 тыс. чел. отказывались от репатриации, а остальные затягивали с подтверждением своих реэмиграционных намерений. Отложить отъезд стремились не только «зачиточные» советские граждане, но и лица, имевшие высокооплачиваемую работу в китайских государственных учреждениях и на предприятиях. Крайне негативно к выезду в СССР относились также старообрядцы, проживавшие в Барге. В населенных пунктах Мэргень, Сыдаохенцзы, Чжаромтэ и Тананьхэ более 80% жителей добивались выезда в капиталистические страны. Лишь незначительная часть переселенцев-бурят, обосновавшихся в Чэнэхэне (северная часть Олетского хошуна Барги) вернулись в СССР, большинство же натурализовались⁴⁹.

Хотя китайские региональные власти и советский консульский корпус в харбинском округе придерживались единой позиции, настаивая на полном выезде советского населения, решить эту задачу не удалось. Массовый выезд из округа осуществлялся в 1954–1961 гг. и составил 19 068 чел., из которых в 1954 г. выехал 8 961 чел., в 1955 г. – 8 100, в 1958 г. – 401, в 1959 г. – 910, в 1960 г. – 407, в 1961 г. – 289 чел. Несмотря на отток населения в СССР, в провинции Хэйлунцзян к началу 60-х годов оставалось значительное количество русскоязычных жителей – советских граждан и лиц без гражданства. Из числа оставшихся 60–70% ориенти-

ровались на выезд в капиталистические страны, остальные – на натурализацию в Китае. На начало 1960 г. на консульском учете числилось 2 460 советских семей (6 141 чел.), из которых две трети проживали в Харбине, остальные – в Хулунбуире⁵⁰. По данным китайской статистики, в провинции Хэйлунцзян в 1956 г. проживал 9 301 русский, а в 1962 г. – 955⁵¹. Согласно имеющимся у нас данным, на момент закрытия в октябре 1962 г. консульства в Харбине на учете в нем состояло 2,5 тыс. советских граждан, из которых более 70% высказывали желание выехать в Австралию, Бразилию, Аргентину и другие капиталистические страны; 15–17% местных советских граждан, главным образом женщины, состоящие в браке с гражданами КНР, и их дети, высказывали желание остаться в Китае; остальные 10–12% были намерены выехать в СССР⁵².

Основная репатриация из Центрального и Северо-Восточного Китая относится к 1954–1955 гг. По плану следовало вывезти 11 975 семей, на практике было вывезено 11 092 семьи, или немногим более 47 тыс. чел.⁵³ Общее число репатриантов из этих районов КНР с учетом выезда за 1958–1961 гг. составило 49 576 чел. На начало 60-х годов на этих территориях продолжало оставаться 2 780 семей советских граждан, преимущественно русских по национальности, что составляло приблизительно 12 тыс. чел.⁵⁴ За счет двух волн репатриации, 1947 и 1954–1961 гг., численность русскоязычной диаспоры в Маньчжурии, сократилась более чем на две трети. На момент разрыва дипломатических отношений и закрытия консульства в Харбине в октябре 1962 г. численность советской колонии в Центральном и Северо-Восточном Китае оценивалась МИДом в 2,9 тыс. чел., но с учетом возможного выезда в капиталистические страны (такое намерение высказывали 70% членов колонии) могла бы составить в итоге около 800 чел. Помимо выезда в капиталистические страны резкое сокращение численности русских в эти годы было обусловлено также натурализацией. Восстановление национального статуса россиян в Китае произошло гораздо позднее, только в 80–90-е годы.

Еще более массовый характер репатриация носила в Синьцзяне, на территории которого работало пять советских консульств. Крупнейшим консульским округом в Западном Китае был кульджинский, граничивший с советскими Среднеазиатскими республиками. Именно потому, что здесь советизация была частично проведена в предшествующий период, данный консульский округ стал первым в СУАР, в котором началась репатриация. Фактически советская колония после первого этапа советизации составляла лишь около 40 тыс. чел., но рост ее численности при дальнейшей советизации, по оценкам консульства, мог бы составить, только

с учетом добывавшихся выезда в СССР, более 150 тыс. чел.⁵⁵ На практике так и случилось: в ходе репатриации численность колонии только увеличивалась. После двух лет массовой репатриации, когда из Кульджинского округа выехало более 40 тыс. советских граждан, на консульском учете числилось уже 80–100 тыс. чел.⁵⁶; еще 150 тыс. добывались выезда в СССР. На начало 60-х годов на учете продолжало оставаться 36 тыс. чел. Наиболее многочисленные и компактные советские колонии имелись в г. Кульджа, Суйдунском и Чимпанцинском уездах.

Если в первое время деятельность консульств распространялась лишь на жителей Кульджи и близлежащих районов, то с 1958 г. она охватила население 12 уездов. В 1959 г. под юрисдикцию кульджинского консульства перешли советские граждане, проживавшие на территории алтайского и тарбагатайского консульских округов, в связи с ликвидацией последних. Что касается этнического состава населения, входившего в сферу деятельности данного консульского округа, то его можно реконструировать на основе личных дел выезжавших. На середину 50-х годов 40% репатриантов составляли казахи, 25 – уйгуры, 20% – русские. Советское население выезжало преимущественно из Хоргосского, Суйдунского и Кульджинского уездов. В конце десятилетия национальный состав отъезжавших существенно изменился: казахи составляли 70%, уйгуры – 15, русские – 3%, при этом, согласно личным делам, абсолютное большинство выезжавших не знали русского языка.

В 1954 г. по плану из округа необходимо было вывезти 500 семей, а в 1955 г. – уже 5 800 семей. Планы на 1958–1959 гг. трижды корректировались ввиду неоднозначной позиции китайской стороны и составили в итоге 11 тыс. чел. Всего из округа за 1954–1962 гг. выехало 95 тыс. чел., в том числе в 1954 г. – 2 471 чел., в 1955 г. – 38 378 (в итоговую статистику за 1955 г. вошли и цифры за 1956 г. – 2 972 чел.)⁵⁷, в 1958 г. – 4 146, в 1960 г. – 1 810, в 1961 г. – 3 640 и в 1962 г. – 7 238 чел.⁵⁸ На момент закрытия консульства в середине августа 1962 г. на учете в нем числилось 17 133 чел.⁵⁹

На территории приграничного с Казахской ССР Или-Казахского автономного округа СУАР советское население обслуживалось консульствами в городах Алтай (Шара-Сумэ) (алтайский консульский округ), Чугучак (тарбагатайский консульский округ) и Урумчи (урумчинский консульский округ). Алтайский консульский округ был сформирован в 1955 г. и в том же году здесь была проведена репатриация, после чего в связи с протестами китайской стороны консульство фактически не функционировало (официально оно существовало до 1959 г.). По информа-

ции МИД СССР, на середину 50-х годов в округе проживало более 3 тыс. советских граждан, имевших на руках совзагранвиды. Основную массу лиц, ранее зарегистрированных и восстановивших советское гражданство, составляли русские – казаки и крестьяне. На 1955 г. из округа планировалось вывезти 200 семей, но в течение года план по вывозу увеличили еще на 150 семей⁶⁰. В итоге в ходе репатриации советская колония сократилась на 363 семьи (3 764 чел.). В структуре выехавших преобладали русские – 67%, казахи составили 25%, татары и уйгуры – 8%⁶¹. Уже в ходе первой волны репатриации из русских поселков Бургумского и Кабинского уездов удалось вывезти почти все население. К 1959 г. по бывшему алтайскому консульскому округу усилиями консульств в Урумчи и Кульдже вывезли 146 семей (815 чел.)⁶², преимущественно казахов. Несмотря на то что власти округа активно противодействовали советизации и репатриации проживавших на его территории казахов и уйгур, за период работы консульству удалось выдать, преимущественно лицам из числа казахского населения, около 10 тыс. советских паспортов и 8,6 тыс. документов на выезд. Помимо этого, после настойчивых требований казахской диаспоры в 1959 г. около 4,6 тыс. семей получили визы для выезда из КНР. Их выезд был осуществлен в упрощенном порядке в начале 60-х годов, а значительная часть реэмигрантов вообще перешли границу нелегально.

Схожая картина наблюдалась в тарбагатайском консульском округе. На начало 50-х годов на учете в советском консульстве в Чугучаке числилось 15 тыс. чел.⁶³ В то же время, по подсчетам работников консульства, число жителей – выходцев из Российской империи и СССР составляло 11,5 тыс. семей (более 90 тыс. чел.), или почти половину всего населения округа. Пришлое население было представлено несколькими этническими группами, среди которых доминировали казахи, русские и татары. Компактные поселения русских из числа бывших белых эмигрантов имелись в Чугучаке, Дорбульдзине, Чагантогае и других населенных пунктах. Казахи были компактно расселены в Чугучакском (4 тыс. семей), Дорбульдзинском (3 тыс. семей), Шихинском (2 тыс. семей), Чагантогайском (2 тыс. семей) и Кобукском (500 семей) уездах⁶⁴. Между тем местные власти утверждали, что в округе всего 2 140 чел. имеют советское гражданство, которое нельзя оспорить, – это только русские и татары⁶⁵. В то же время признавалось, что большая часть населения округа настроена просоветски.

В 1955 г. из округа планировалось вывезти 2 900 семей. Репатриация проводилась в течение одного года, за это время выехали 2 958 семей, или 18 551 чел.⁶⁶ Национальная структура репатриантов была сле-

дующей: казахи составляли 71%, русские – 16 (выехало почти все русское население), татары – 7, узбеки – 4%⁶⁷. На консульском учете осталось всего 2 800 чел. С большими сложностями репатриация возобновилась только спустя четыре года и координировалась уже другим консульством. В 1959 г. из Чугучака было вывезено всего 180 семей (900 чел.)⁶⁸. Прекращение официальной репатриации, совпавшее с усиливавшимися миграционными настроениями среди населения округа, привело к массовой нелегальной миграции казахов в начале 60-х годов.

Репатриация в урумчинском консульском округе также стартовала в 1955 г. В ходе ее проведения планировалось вывезти 450 семей. Общее количество вывезенных за 1955–1958 гг. составило 3 215 чел. В конце 50-х годов под юрисдикцией консульства оказалось не только советское население, проживающее в округе, но и советские граждане бывших чугучакского и алтайского консульских округов, что охватывало территорию более чем в 2 тыс. кв. км. На начало 60-х годов на консульском учете здесь числилось еще около 700 советских граждан. За 1960–1962 гг. выехало 2 133 чел., из которых лишь треть имела советское гражданство. Суммарный выезд по данному консульскому округу составил 5 348 чел.⁶⁹, и на момент закрытия консульства в июле 1962 г. на учете здесь числилось 343 чел.⁷⁰

В Южном Синьцзяне работа по репатриации проводилась советским консульством в г. Кашгаре. Кашгарский консульский округ был образован в 1955 г., хотя консульство начало работу по подготовке репатриации еще в 1954 г. На момент репатриации консульство оперировало данными о том, что на его территории имеется приблизительно 500 семей (2 тыс. чел.) выходцев из России, из которых около 75% настаивали на скорейшем выезде в Советский Союз⁷¹. В этническом составе советской колонии доминировали узбеки, уйгуры и киргизы (90%), были также казахи, русские и татары. Почти три четверти советского населения были заняты преимущественно в сельском хозяйстве, еще четверть не имела работы и никаких источников дохода. Репатриацию провели в течение года. В 1955 г. планировалось вывезти 275 семей, но на практике количество выехавших составило 2 469 чел.⁷² На момент прекращения массового выезда на учете продолжало оставаться более 1 300 чел., еще 3 тыс. чел. настаивали на восстановлении советского гражданства.

В целом по СУАР к 1960 г. было вывезено 124 978 чел. и за следующие три года – еще 14 819 чел., что суммарно составило 139 797 чел. Планомерный выезд из региона сменился в апреле–мае 1960 г. массовым бегством через границу. По данным Совета министров Казахской ССР,

число перебежчиков из приграничья составило 66 840 чел., при этом все они называли себя казахами. Таким образом, общее количество бывших жителей Синьцзяна, оказавшихся по эту сторону советско-китайской границы, включая как репатриантов, так и нелегальных беженцев, составило 229 847 чел.

После закрытия всех советских консульств численность советской диаспоры в КНР составляла, согласно консульской документации, 20 326 чел., а с вычетом нелегальных мигрантов оценивалась приблизительно в 14 тыс. чел.⁷³ Общее количество выехавших из Китая с 1954 г. до конца 1962 г. составило 279 423 чел. Таким образом, количество выехавших в СССР существенно превысило начальную численность советской колонии, которая составляла, согласно официальной информации, 155 тыс. чел.

Помимо многочисленной «местной» советской колонии на территории Китая в 50-е годы имелся значительный контингент советских специалистов, прибывших в КНР в рамках программы экономической помощи. Во второй половине 50-х годов возродилось приграничное сотрудничество, которое предусматривало как обмен делегациями, так и незначительную трудовую миграцию. В 50-х годах в КНР было командировано 15 тыс. высококвалифицированных советских гражданских и военных специалистов. Кроме того, в 1951–1962 гг. в СССР проходили производственно-техническое обучение и обучались в высших учебных заведениях более 19 тыс. китайских граждан⁷⁴. Летом 1960 г. советские специалисты были отозваны, и СССР прекратил оказание экономической помощи КНР.

Сокращение советской колонии в Китае привело к существенной трансформации ее организационной структуры и последующей ликвидации всех общественных институтов. В Маньчжурии уже в конце 1954 г. проводились мероприятия по реорганизации управления советской колонией. В связи с выездом наиболее активных представителей в местных отделениях Обществ советских граждан и Союзов советской молодежи был перевыбран актив. Новые кандидатуры лидеров колонии получили одобрение китайских отделов безопасности, а персональный состав администрации советских школ подлежал согласованию с департаментами просвещения. В 1955–1956 гг. практически все советские школы в Центральном и Северо-Восточном Китае были закрыты, дети местных советских граждан были переведены в китайские школы или стали обучаться в школах при консульствах. В 1955 г. после выезда основной массы советского населения было ликвидировано большинство отделений Обществ советских граждан. Они сохранялись только там, где русско-

язычное население превышало 100 чел., а в конце 50-х годов Общества советских граждан были ликвидированы по всей территории КНР. В связи с сокращением и ликвидацией обществ были проведены массовые сокращения в структурах предприятий и кооперативов, принадлежавших советской колонии. Частично функции советских структур самоуправления, включая консолидацию диаспор и защиту их коллективных интересов, выполняли родовые институты этнических меньшинств. Национальная (этническая) идентичность членов диаспор дополнялась осознанием общности с родственным населением в СССР. Это выражалось в отказе от натурализации в Китае, принятии советского гражданства, возрождении памяти об исторической родине, признании ее трансформации по советскому образцу, осознании необходимости возвращения и принятия ценностей и идеологием советской культуры. В целом массовая репатриация второй половины 50-х – начала 60-х годов, повлекшая за собой выезд из Китая почти всего советского населения, привела к распаду советской колонии в этой стране.

Следствием репатриации в СССР и эмиграции в другие страны в течение 1953–1963 гг. стало уменьшение в КНР численности казахов, киргизов, узбеков, татар. Как свидетельствует официальная статистика, в Синьцзяне произошло значительное сокращение численности русских и татар: в период с 1952 по 1965 г. численность русских сократилась с 22 до 0,9 тыс. чел., татар – с 7 до 2 тыс. чел.⁷⁵ Вплоть до конца 70-х годов фиксировалось уменьшение численности русской колонии, достигшей к концу десятилетия критической отметки в 600 чел. Однако начиная с 80-х годов, после официального разрешения реидентификации, направленной на восстановление национального статуса представителей национальных меньшинств, фиксируется прирост численности русского населения. На 2000 г. в КНР, согласно официальным данным, насчитывалось 10,6 тыс. русских⁷⁶.

4.3. Репатриация советских граждан из Маньчжурии и Синьцзяна

Уже к весне 1954 г., за несколько месяцев до начала массовой репатриации, по линии МИДа и других министерств и ведомств в основном были согласованы масштабы репатриации, территории вывоза и схема предварительного расселения будущих репатриантов в СССР, что нашло отражение в постановлении Совета министров СССР. Процесс репатриа-

ции предполагал подготовку выездной и въездной документации, медицинское обследование и вакцинацию переселенцев, транспортировку отъезжающих до границы, учет и фильтрацию репатриантов, их распределение по районам планового вселения. Репатриация потребовала координации работы консульств СССР в Китае как с советскими министерствами и ведомствами центрального и регионального уровней, так и с китайскими государственными учреждениями: городскими и региональными органами власти, отделами безопасности, внутренних дел, комиссиями и отделами по делам репатриации в СССР, пограничными службами. МИД должен был обеспечить оговоренные в постановлениях правительства объемы репатриации. Поистине гигантскую работу по осуществлению репатриации планировалось провести в кратчайшие сроки.

Выезд из Китая в СССР во второй половине 50-х годов осуществлялся в рамках движения по «освоению целинных и залежных земель». Помимо патриотических устремлений выезду в Советский Союз способствовал и целый спектр других причин, которые в совокупности и обеспечили массовость возвращения. К числу объективных факторов репатриации следует в первую очередь отнести экономические причины. В этот период руководство Китая приступило к последовательной реализации курса на доминирование в экономике государственного сектора и защиту национального рынка труда. В результате к середине 50-х годов ситуация с трудоустройством русских стала критической, безработица достигла 80% от экономически активной части диаспоры. Плюс ко всему, в 1954 г. СССР отказался от более высоких ставок оплаты труда советских граждан, постоянно проживающих в Китае, ликвидировав тем самым десятилетиями существовавшую разницу в оплате труда русских и китайцев.

Укрепление китайской экономики в указанные годы сопровождалось резким увеличением численности собственных национальных кадров, и в ходе проведения репатриации ограничения на отъезд рабочей силы из КНР были введены лишь в Синьцзяне, что объяснялось экономической отсталостью автономного района. Стало понятно, что в полной мере решить задачу трудоустройства нескольких десятков тысяч советских граждан, а в первую очередь речь шла о постоянно проживавших на территории северо-востока Китая, возможно только при условии проведения их массовой репатриации в СССР, который испытывал значительный дефицит рабочей силы как в индустриальном, там и в аграрном секторе экономики. Еще одним фактором, подстегивавшим репатриацию из Китая, являлся более высокий уровень жизни в СССР. Выезд в СССР стимулировали также возможности получить бесплатное образо-

вание, создать семью, разыскать ранее вывезенных и репрессированных родственников, опасения в отношении проявлений в Китае национальной дискриминации. За общим лозунгом «участия в освоении целины», что стандартно указывал в анкете каждый из репатриантов в качестве причины въезда в СССР, могли скрываться самые разные мотивы. Несмотря на это, оценивая морально-политическое состояние советской колонии в Китае, работники консульств были склонны характеризовать его как «патриотичное».

В ходе репатриации существенно выросли масштабы политико-массовой работы среди советской колонии. Силами консульств, Обществ советских граждан, Союзов советской молодежи, Обществ советско-китайской дружбы были организованы широкомасштабные агитационные мероприятия. Активисты обществ и консульские работники проводили лекции-беседы, вечера дружбы, широко демонстрировались советские кинофильмы. По радио и в советских газетах, выходивших в КНР, постоянно звучали призывы к возвращению в СССР. Большую роль в агитации сыграли «письма с мест», регулярно печатавшиеся в просоветской прессе. Материалы о жизни в СССР, на целине постоянно публиковали харбинская газета «Русское слово» и газета Общества советских граждан в Кульдже «Новый путь». Подобные публикации были призваны остановить волну слухов среди репатриантов о тяжелых условиях жизни в СССР и неизбежных репрессиях. В 1956 г. с целью стимулирования репатриации консульские работники попросили организовать через областные комитеты КПСС составление справок о трудоустройстве и материальном обеспечении лиц, выехавших из Китая⁷⁷.

В 1954 г. в русской колонии широко ходили слухи о том, что «в СССР каторжный труд, что детей будут отделять от родителей, а репатриантов ждут концентрационные лагеря», что «на целине нет продуктов, дают по одному литру воды в день на семью»⁷⁸. В середине 50-х годов появились слухи о скором приезде в КНР комиссии Международного Красного Креста, которая якобы наделена полномочиями выдавать всем желающим документы на выезд в капиталистические страны⁷⁹, о том что вопрос о положении иностранцев в КНР и их выезде будет обсуждаться на заседании ООН. По фактам распространения подобных слухов консульства совместно с китайскими органами безопасности вели работу по выявлению провокаторов. Консульства также неоднократно обращались к китайским властям с требованиями закрыть действовавшие в стране «вербовочные конторы», содействовавшие эмиграции в Бразилию и Аргентину, или хотя бы запретить их работу на период проведения репатриации в СССР.

Многие из активистов, участвовавших в движении «против возвращения в СССР», были арестованы. Целая репрессивная кампания была проведена в отношении старообрядцев, проживавших близ г. Мэргэнь. В 1954 г. попытки организовать там репатриацию вылились в вооруженное столкновение с сотрудниками китайского департамента общественной безопасности. Зачинщики были арестованы и осуждены за неподчинение законам КНР. Помимо старообрядцев против репатриации агитировали пятидесятники и мусульманское духовенство. В 1954–1955 гг. по предложению советского консульства в Харбине правительство провинции Хэйлунцзян совместно с органами безопасности и провинциальным бюро КПК провело серию заседаний, посвященных выезду старообрядцев. Консульство требовало от китайских властей принятия решения о принудительном вывозе в СССР «наиболее реакционно настроенных старообрядцев»⁸⁰. Китайские органы безопасности предоставляли советским консульствам информацию компрометирующего характера на отдельных «антисоветски настроенных» советских граждан и лиц, имеющих родственников в капиталистических странах. Вместе с тем консульства жаловались, что в преддверии репатриации из китайских тюрем были освобождены уголовные элементы из числа советских граждан⁸¹.

Помимо политико-идеологической работы на немногочисленных консульских работниках лежала задача оформления документации на всех изъявивших желание выехать в СССР. Это подразумевало легализацию документов отъезжающих, в том числе въездных виз, совзагранвидов, составление справок о составе семьи, снятии с консульского учета, формальное согласование с репатриантами (еще на территории КНР) условий расселения по областям СССР. Порядок оформления документов на выезд из КНР предусматривал личное обращение советского гражданина в уездный или окружной департамент общественной безопасности с просьбой выдать справку в связи с отъездом в СССР. Для получения подобной справки заявитель представлял документы, подтверждающие советское гражданство, оформленную советскую въездную визу и справку об увольнении с работы. После получения подобной справки заполнялись анкета и заявление. В заявлении-ходатайстве указывался состав семьи, причем для каждого ее члена требовалось персональное разрешение на выезд. Факты взяточничества имели место как с советской, так и с китайской стороны: в Синьцзяне, например, широко практиковалась приписка лиц без гражданства и граждан КНР к семьям советских граждан.

Документы на выезд были действительны только 20 дней, в течение которых репатриант должен был успеть распродать имущество и пере-

сечь границу. Китайские выездные и советские въездные визы ставились в совзагранвидах, а лицам, не имевшим ни китайских, ни советских паспортов, отделы общественной безопасности выдавали специальные удостоверения. В 1954–1955 гг. численность и состав контингента репатриантов полностью определялись именно советскими консульствами, тогда как китайские органы безопасности лишь визируют документы выезжающих и осуществляли проверку их политической благонадежности. Однако с 1956 г. решающим фактором стало решение китайской стороны. Фактически право на выезд предоставлялось только тем лицам, у которых были на руках советские заграничные виды на жительство, преимущественно русским по национальности, не имевшим постоянной работы⁸². С 1956 г. окружные отделы МИД КНР перестали выдавать документы на выезд членам семей советских граждан – уроженцам Китая, не успевшим ранее получить советский заграничный вид на жительство. Одновременно лица без гражданства стали де-факто считаться гражданами КНР.

Что касается срока действия разрешений на въезд в СССР, то они были действительны в течение 6 месяцев. В 1958 г. МИД СССР распорядился упростить порядок оформления въезда в страну из Синьцзяна, так как до 90% репатриантов были неграмотными или малограмотными. В 1959 г. для выезда стали оформлять преимущественно групповые визы. От репатриантов перестали требовать представления автобиографии, виза выдавалась на основании лишь письменного заявления и анкеты⁸³. В 1960 г. был введен индивидуальный порядок въезда, однако с середины октября 1962 г. пересечение границы упростилось: новыми правилами оформление визы вообще не предусматривалось. Прием осуществлялся по спискам, представленным китайской стороной⁸⁴.

С весны 1959 г. ввиду ужесточения процедуры выезда из СУАР и введения дополнительных проверок ранее полученные документы часто оказывались просроченными или не соответствующими новым правилам. Региональным комиссиям по репатриации было рекомендовано строго ограничивать выезд лиц без гражданства, даже если речь идет о жене или муже советского гражданина, – такая возможность предоставлялась лишь малолетним детям и престарелым. На том основании, что указ 1946 г. о восстановлении гражданства утратил силу на территории Синьцзяна, выезд был запрещен всем, у кого на руках вместо советских заграничных видов на жительство были лишь временные удостоверения или справки о восстановлении в советском гражданстве. Кроме того, с ноября 1960 г. документы отъезжающих из числа кадровых работников рассматривались

и утверждались на заседаниях парткомов, а также в обязательном порядке визируются администрацией предприятий и учреждений⁸⁵.

Советские консульства вместе с китайскими комитетами по репатриации принимали участие и в реализации имущества репатриантов, поскольку вывозить разрешалось лишь предметы личного пользования и малогабаритные вещи. Скупку движимого и недвижимого имущества репатриантов осуществляли специальные имущественные отделы при местных органах власти и государственные фирмы. В уездных городах в 1954–1955 гг. функционировали специальные рынки, на которых отъезжающие могли свободно реализовывать свое имущество. Продажа репатриантами имущества должна была осуществляться в соответствии с графиком выезда, но ввиду сложностей с реализацией большинство потенциальных репатриантов пытались продать свои вещи заблаговременно. В сельской местности сокращение поголовья скота и ликвидация индивидуальных хозяйств репатриантов наблюдались задолго до формального объявления о репатриации⁸⁶. Власти Илийского округа уже в первые месяцы 1955 г., еще до начала массовой репатриации, выражали опасение, что из-за выезда в СССР значительной части населения в округе не будет засеяно около 200 тыс. га земли. Скот также подлежал учету и продаже на местах, что предполагало в дальнейшем выплату компенсаций.

В условиях централизованной оценки и скупки имущества отъезжающих советских граждан оно было реализовано намного ниже рыночной стоимости⁸⁷. Репатриация привела к выбросу на рынок значительного количества товаров и недвижимости, повлекшему за собой неизбежное и значительное падение цен. Цены ежегодно падали в 3–4 раза⁸⁸. Особенно низко оценивались недвижимость, скот и сельскохозяйственная техника. Кроме того, если в крупных городах реализация имущества не занимала много времени, то на периферии ситуация была совершенно иной. Китайская сторона зачастую отказывалась централизованно приобретать имущество, в том числе крупное (дома, мастерские и т.п.). Большие сложности были и с продажей скота, а в 1955 г. вывоз скота из КНР был запрещен. Мотивировалось это тем, что мигранты, будучи беженцами, когда-то прибыли в Китай без скота и обзавелись им позднее, уже на китайской земле. Кроме того, его вывоз мог отрицательно сказаться на состоянии животноводства в пограничных районах⁸⁹. Между тем только в тарбагатайском консульском округе в 1955 г. у репатриантов имелось в общей сложности около 100 тыс. голов крупного и мелкого скота, и поглотить это количество местный рынок был не в состоянии. В результате значительная часть имущества отъезжающих оказалась брошен-

ной, или была передана для реализации китайским торговым фирмам и Обществам советских граждан, или перешла в собственность сельскохозяйственных коммун⁹⁰. Предполагалось, что его стоимость после реализации будет возвращена владельцам. Но в силу введения ограничений на вывоз имущества, продуктов питания, товаров и валюты (в том числе и на ее перевод за границу), а также ввиду обесценивания имущества на практике потери практически не компенсировались. Имущество, переданное для продажи Обществ советских граждан, реализовывалось в 2–3 раза ниже рыночной стоимости, а стоимость непроданного имущества составляла сотни тысяч рублей. Из-за сложностей с реализацией имущества репатриантов часто срывались сроки вывоза, а иногда они служили основанием для отказа от выезда в СССР.

В 1958 г. китайские власти вообще отказались помогать в продаже имущества отъезжающих, а в октябре 1959 г. Синьцзянское бюро КПК вынесло постановление о запрещении местным китайским организациям покупать у репатрируемых советских граждан имущество, равно как и репатриантам не разрешалось его продавать и передавать, а также уничтожать скот⁹¹. Было запрещено возвращать репатриантам и паевые взносы, внесенные при вступлении в народные коммуны и животноводческие хозяйства, доли в предприятиях со смешанной формой собственности. Были случаи, когда репатриантов увольняли с места работы, не производя расчета, у них могли также забрать документы об образовании и трудовой деятельности⁹².

В 1954 г. в рамках репатриации выезд в СССР из КНР осуществлялся через два пограничных пункта – Отпор и Хоргос. Через пограничную ст. Отпор (Забайкальск) вывозилось советское население, проживавшее в Маньчжурии, городах Центрального Китая, Тихоокеанского побережья, Квантунского полуострова. В 1954–1955 гг. работа по организации вывоза из этих районов Китая проводилась как советской, так и китайской стороной. Репатрианты доставлялись до узловых железнодорожных станций, преимущественно до Харбина и Хайлара, и далее по Харбинской железной дороге они следовали до ст. Отпор, где пересаживались из китайских вагонов в советские. Для транспортировки переселенцев по территории СССР только в 1954 г. было задействовано три десятка спецэшелонов, которые комплектовались исходя из нормы загрузки, составлявшей 700 семей, или примерно 2,5–2,8 тыс. чел. Государство несло значительные расходы на перевозку переселенцев из Маньчжурии, переправляемых по железной дороге до пограничной станции Отпор и далее до мест расселения: они колебались от 400 до 1700 руб. на чело-

века. На консульства возлагалась обязанность согласовывать с китайской стороной маршруты и график отправки репатриантов, а также оплачивать их транспортировку до границы за счет сумм, переводимых Министерством финансов СССР, и средств Обществ советских граждан. Подготовка репатриации проводилась в течение весны, а сам вывоз осуществлялся, как правило, в теплое время года.

В 1954 г. репатрианты из Синьцзяна направлялись к пограничному пункту Хоргос Талды-Курганской области Казахской ССР. Ситуацию с доставкой репатриантов до границы облегчало то обстоятельство, что автотранспорт был задействован на перевозке материалов для советско-китайских акционерных обществ, а возвращался в СССР с переселенцами. Репатрианты на грузовых автомобилях доезжали до г. Панфилов, затем до ст. Сары-Озек Туркестано-Сибирской железной дороги. Первоначально репатрианты для временного проживания помещались в бараках. На ст. Сары-Озек для этих целей использовались вагоны-теплушки. Далее переселенцы по Турксибу доставлялись в места планового вселения.

В 1955 г. в силу нарастания миграционного потока были разработаны дополнительные маршруты транспортировки переселенцев. Одним из основных стал водный путь. Переселенцы группировались в китайском городе Сандоходзы, куда их доставляли советские грузовики и автобусы, и постепенно этот небольшой порт превратился в крупный перевалочный пункт. Сначала на пристани появились армейские палатки, а в конце 50-х годов здесь были построены специальные сараи и навесы. Из Сандоходзы на баржах, принадлежащих Балхаш-Илийскому пароходству, по р. Или репатриантов доставляли до г. Илийск Казахской ССР. Иногда такие караваны из барж одновременно перевозили до полутора тысяч человек. Затем, опять же грузовым автотранспортом, переселенцев довозили до ст. Или Туркестано-Сибирской железной дороги. Ответственность за перевозки возлагалась на союзные министерства речного флота и сельского хозяйства (осуществлять их должны были МТС), а также Совет министров Казахской ССР. В связи с возрастающим потоком переселенцев весной 1955 г. на пристани Илийска и на ст. Или были оборудованы крытые навесы, построен летний приемный пункт. К 1959 г. для транспортировки репатриантов из Синьцзяна в Казахскую ССР сухопутным путем были открыты помимо Хоргоса следующие пограничные пункты: Бахты, Май-Копчегай, Карлаган, Чазы, Сумбэ. Перевозка репатриантов осуществлялась и на киргизо-китайской границе, через г. Нарын. Переселение из Синьцзяна обходилось дешево, все затраты составляли около 140 руб. на человека⁹³.

Выезд из Маньчжурии проходил четко и организованно. Совместно с МИД КНР и управлением Харбинской железной дороги был разработан график автомобильных и железнодорожных перевозок. Партии репатриантов комплектовались заранее, и время стоянки эшелонов на ст. Отпор было минимальным. В день прибытия в СССР переселенцы получали причитающиеся им денежные пособия и удостоверения о направлении на работу в совхозы. Многочисленные представители региональных и центральных структур сопровождали эшелоны с репатриантами уже с пограничных станций. На местах организация приема возлагалась на областные и краевые управления сельского хозяйства, переселенческие отделы, обкомы партии и местные администрации. Особые сложности и самые крупные затраты были связаны с перевозом имущества переселенцев, для чего иногда приходилось использовать весь автопарк хозяйства. Местные советские власти были поражены обилием у репатриантов мебели, багажа и личного имущества, особенно это относилось к выехавшим из Маньчжурии. Незабываемое впечатление приезд репатриантов произвел и на жителей советского пограничья. По воспоминаниям очевидцев, прибывающие из Маньчжурии реэмигранты вели себя совершенно свободно, были хорошо одеты и привозили с собой много имущества.

Вывоз репатриантов из Синьцзяна сопровождался большими сложностями и издержками, а графики и маршруты транспортировки неоднократно менялись. Китайская сторона практически не участвовала в перевозке людей. В связи со значительными сложностями, которые возникали при транспортировке переселенцев, их сопровождали консульские работники, в том числе нередко и лично консулы. Пересечение границы иногда занимало несколько дней, особенно много времени уходило на таможенный досмотр. Не были исключениями случаи, когда досмотр вещей отдельных советских граждан, сопровождавшийся угрозами и арестами, растягивался на две недели. Неудивительно, что подобная практика приводила к скапливанию людей на китайской стороне границы. На советских пограничных пунктах также отмечались скученность, плохие условия размещения, нехватка продовольствия и промышленных товаров.

Критическая ситуация с выездом сложилась летом 1959 г. Большое скопление людей произошло на сборных и пограничных пунктах по линии государственной границы. Наплыв начался уже с мая, многие репатрианты прибывали на границу самостоятельно. В итоге собравшиеся на китайско-советской границе советские граждане общей численностью

около 4 тыс. чел. ожидали перехода границы по полтора-два месяца. Приготовленные баржи и автотранспорт вынужденно простаивали. Как вскоре выяснилось, график вывоза был сорван из-за того, что несвоевременно были подготовлены въездные и выездные документы⁹⁴.

На пограничных пунктах осуществлялись учет, регистрация прибывающих и их распределение на постоянное место жительства. Фильтрационные процедуры в отношении репатриантов проводились на пограничных станциях Отпор и Панфилово, где располагались специальные бюро регистрации КГБ. Процедура фильтрации в отношении репатриантов из Китая предполагала заполнение специальной анкеты каждым взрослым членом семьи. Впоследствии эта анкета становилась частью фильтрационного дела, заведенного на каждого прибывшего из-за границы, которое передавалось для хранения в архивные отделы управления КГБ той области, куда направлялся человек. После этого выдавались особые справки с указанием пункта назначения. Именно эта справка давала возможность получения внутреннего советского паспорта, последующей прописки и трудоустройства⁹⁵.

Важное значение имели также медико-санитарный контроль и вакцинация переселенцев. При въезде в СССР предполагалось проведение санобработки и дезинфекции, которые часто сводились к посещению переселенцами железнодорожной или полевой бани. Всем въезжавшим в Казахстан и Среднюю Азию сделали прививки против кори и туляремии. Еще до отъезда в СССР среди них проводились предварительные медицинские осмотры, наиболее эффективно поставленные на северо-востоке Китая. О том, что в ходе этой деятельности было необходимо решать не просто профилактические задачи, свидетельствовали события в Синьцзяне в 1955 г., когда во время репатриации при переходе границы было зафиксировано несколько летальных случаев. Выявление огромного количества больных среди репатриантов настоятельно потребовало приезда в Синьцзян медицинских отрядов. Шесть медицинских работников, прибывших в Кульджу, осмотрели и вакцинировали почти 27 тыс. чел. Они выявили около 6,5 тыс. больных⁹⁶, у которых преобладали острые респираторные заболевания и кишечные инфекции. Во время транспортировки через границу среди детского населения было зафиксировано несколько случаев кори. Значительным было количество больных бронхитом, пневмонией, туберкулезом, сифилисом и др. Несмотря на требование Минздрава не отправлять в страну больных, после въезда в СССР в тяжелом состоянии ежегодно госпитализировали не менее 1,5 тыс. чел.

Репатриация в 1954 г. проводилась в два этапа: в июне и июле–августе. В СССР въехало 26 966 чел., в том числе 68% взрослых и 32% детей в возрасте до 16 лет; трудоспособных – 19 692 чел. (73%)⁹⁷. Для оплаты всех расходов, связанных с репатриацией, из резервного фонда Совета министров СССР Министерству совхозов первоначально было выделено 27 млн руб. и 13 млн руб. – Министерству сельского хозяйства⁹⁸. В целом расходы государства на перевозку переселенцев и выплату им денежных пособий составили 55,8 млн руб.⁹⁹ Ситуацию сильно осложнял тот факт, что даже к апрелю 1954 г., когда распоряжение о массовой репатриации и направлении переселенцев в аграрный сектор уже готовилось, сами работники Министерства сельского хозяйства плохо представляли себе специфику контингента, который должен был вскоре прибыть из КНР.

Главное управление МТС и механизации сельского хозяйства рассчитывало получить из Китая до 30 тыс. трактористов (!), которых планировалось в полной мере задействовать уже в посевной кампании следующего, 1955-го, года¹⁰⁰. И действительно, первые 2 тыс. семей репатриантов должны были поступить в ведение Главного управления МТС и механизации сельского хозяйства Министерства сельского хозяйства СССР, поскольку ставка делалась на укрепление кадрами машинно-тракторных станций, призванных сыграть решающую роль в подъеме сельскохозяйственного производства. Главному управлению МТС Сибири и Дальнего Востока планировалось передать 725 семей, Урала – 175, Юго-Востока – 100, МТС Казахской ССР – 1 тыс. семей¹⁰¹. Неудивительно, что встречей и распределением репатриантов в Отпоре и Хоргосе ведали представители именно этих главков. Помимо адресного распределения в систему МТС Министерство совхозов СССР получало в свое распоряжение еще 4 тыс. семей, из которых 2 730 семей планировалось расселить по девяти областям РСФСР и 1 270 семей – по пяти областям Казахской ССР¹⁰². В общей сложности переселенцев из КНР должны были принять 215 совхозов страны. Приказом по Министерству совхозов СССР от 30 апреля 1954 г. № 436-8с предполагалось направить в ведение Министерства совхозов РСФСР 2,5 тыс. семей, Министерства совхозов Казахской ССР – 1,2 тыс., Главного управления конезаводов – 190, Главного управления племенных совхозов – 110 семей¹⁰³. С середины 50-х годов в СССР ставка была сделана на дальнейшее развитие совхозного производства, и численность совхозов быстро увеличивалась как за счет их организации в местах освоения целинных и залежных земель, так и в связи с массовым преобразованием колхозов в совхозы.

Постановление правительства от 1955 г. также оговаривало плановое распределение 13 тыс. семей переселенцев из КНР: 10 тыс. семей поступали в распоряжение Министерства совхозов СССР для поселения в РСФСР и Казахской ССР, еще 2,5 тыс. семей следовало дополнительно направить в колхозы Казахской ССР, а 500 семей – в МТС Министерства сельского хозяйства¹⁰⁴. Министерство совхозов СССР планировало размещение следующим образом: в 238 совхозов Казахской ССР (15 областей) – 8,5 тыс. семей и в 132 совхоза РСФСР (шесть краев и областей) – 1,5 тыс. семей¹⁰⁵. В апреле 1955 г. распоряжением Совета министров СССР № 2705-рс была утверждена новая сетка расселения, согласно которой 500 семей направлялись в ведение Министерства совхозов Киргизской ССР при соответствующем сокращении численности переселенцев в Казахской ССР¹⁰⁶. К лету схема размещения еще раз поменялась: 8 тыс. семей направлялись в ведение Министерства совхозов Казахской ССР с целью их размещения в совхозах 14 областей, 1,5 тыс. семей – Министерству совхозов РСФСР (шесть краев и областей), 500 семей – Министерству совхозов Киргизской ССР¹⁰⁷. В РСФСР переселенцы направлялись в ведение Главных управлений совхозов Западной Сибири и Дальнего Востока¹⁰⁸. Что касается схемы территориального размещения въезжавших в страну сверх первоначальных лимитов в 2,3 тыс. семей, то судить о ней пока не представляется возможным.

К концу года Министерство совхозов СССР, столкнувшееся с финансовыми проблемами, связанными с огромными затратами на переброску трудовых ресурсов из-за границы, отказалось брать на себя новые обязательства по трудоустройству репатриантов, ранее не занятых в сельском хозяйстве. На запросы и предложения о дополнительном сверхплановом переселении советских граждан из КНР и других стран Министерство совхозов дало отрицательный ответ¹⁰⁹. Одновременно ответственные работники министерства подчеркивали, что оно по-прежнему испытывает большую потребность в трудовых ресурсах, прежде всего для животноводства.

На проведение репатриации в 1955 г. из резервного фонда Совмина СССР было выделено 92 млн руб.¹¹⁰ Всего в 1955 г. в СССР въехало 87 835 чел. (взрослые – 64%, дети до 16 лет – 36%), в том числе трудоспособных – 55 455 чел. (63%). Репатриация проводилась с апреля по сентябрь. В 1956 г. планировался не менее массовый въезд репатриантов в Среднюю Азию и Казахстан, но он так и не был осуществлен. Схема планового расселения на 1958 г. первоначально выглядела следующим образом: в Казахскую ССР должны были въехать 9 830 семей, в РСФСР – 535,

в Киргизскую ССР (три области) – 1 250, в другие республики – 70 семей¹¹¹. В реальности в 1958 г. в Советский Союз въехало 15 413 чел. (взрослые – 57%, дети до 16 лет – 43%), в том числе трудоспособных – 5 930 чел. (38,5%). В 1959 г. плановому переселению подлежало 12 440 семей, из которых в Казахскую ССР планировалось ввезти 9 390, в Киргизскую ССР – 1 050, в РСФСР – 405, в Украинскую ССР – 70 семей¹¹². На практике в 1959 г. количество репатриантов составило 43 528 чел. (взрослые – 57%, дети до 16 лет – 43%), в том числе трудоспособных – 20 704 чел. (47,6%). В последующие годы плановое расселение уже не предусматривалось, хотя количество въезжающих оставалось внушительным: за 1960–1962 гг. в СССР в рамках репатриации въехало 15 632 чел., из них взрослых – 53 %.

В возрастной структуре репатриантов из КНР из года в год все более очевидной становилась тенденция к увеличению доли несовершеннолетних. Если в 1954–1955 гг. средняя семья состояла из четырех человек, то в конце десятилетия эта цифра выросла до шести-семи человек. Увеличением доли детей в возрастной группе до 16 лет объясняется и сокращение численности трудоспособных с 73 до 46,6%. Эту тенденцию можно рассматривать как благоприятную, поскольку она способствовала росту численности трудоспособного населения внутри данной группы населения. Основная масса репатриантов находилась в репродуктивном возрасте, а среди трудоспособных доминировала молодежь в возрасте до 30 лет. Контингент репатриантов в целом формировался с учетом потребностей в рабочей силе со стороны сельского хозяйства СССР. Если в 1954 г. доминировало бывшее население крупных городов, то с 1955 г. их абсолютное большинство составляли уже сельские жители. Внешняя миграция наряду со внутренней обеспечила приток населения в центрально-азиатские и восточные районы страны. Репатриация, призванная в первую очередь реализовать потребности государства в притоке и плановом распределении населения, ненадолго вывела СССР на одну из ведущих позиций в мире по числу иммигрантов.

4.4. Экономическая и социокультурная адаптация репатриантов из Китая в СССР

Советское государство пошло по пути создания максимально благоприятных политико-правовых и экономических условий для переселенцев из КНР. Иммигранты, будучи на момент въезда в страну в своей массе советскими гражданами, автоматически получали тот же набор прав

и обязанностей, что и остальное население страны. Ограничения в выборе работы и места жительства оговаривались специально и являлись обязательным условием въезда. Только в этом случае государство гарантировало репатриантам социальную защиту и трудоустройство.

Абсолютное большинство репатриантов, прибывших из КНР в 1954 г., разместили первоначально в сельской местности, в районах освоения целинных и залежных земель. Первые 3 тыс. чел. были направлены в девять уральских и сибирских областей и краев (две трети – в Сибирь и треть – на Урал) и размещены на 160 МТС¹¹³. Еще около 3,7 тыс. чел. поступило в распоряжение МТС Казахской ССР¹¹⁴. В среднем на одну МТС пришлось по 15–20 семей. В РСФСР наиболее дисперсно переселенцы были размещены в Новосибирской области и на юге Красноярского края, где в среднем на одну МТС пришлось по пять семей.

Вторая партия репатриантов направлялась в совхозы. План расселения спустили в регионы только в июне, поставив местные власти в чрезвычайные условия¹¹⁵. Всего в совхозах на территории РСФСР было размещено 13,5 тыс. чел. (в Сибири – 8,9 тыс., на Урале – около 4,6 тыс. чел.)¹¹⁶. В северо-западные области Казахстана въехало около 7 тыс. чел.¹¹⁷ Как и в случае с первой партией, практически полностью была соблюдена первоначальная схема расселения. Среди регионов РСФСР, куда въехала основная масса реэмигрантов, выделяются Красноярский край, Чкаловская, Новосибирская и Омская области, где в совокупности было распределено около 2 тыс. семей.

В отличие от переселений из малоземельных областей СССР в районы Сибири и Дальнего Востока, проводившихся в то же время, в отношении сельскохозяйственных мигрантов из-за границы имелись ограничения на въезд в ряд сибирских регионов. Так, например, на фоне разрешения сельскохозяйственного переселения из регионов СССР в Томскую область въезд репатриантов из Китая сюда не предусматривался, поскольку Томск и прилегающие к нему районы находились на особом режиме¹¹⁸. Помимо этого, многие восточные регионы, в том числе сельскохозяйственные, не были причислены к целинным, поэтому первоначально в них не планировалось расселение реэмигрантов, прибывающих для освоения целинных и залежных земель.

Большой резонанс вызвало размещение 34 семей в одном из районов Карагандинской области, где совхоз был образован на территории бывшего исправительно-трудового лагеря, а часть сельских жителей составляли спецпереселенцы¹¹⁹. Консульство СССР в Урумчи направило В.М. Молотову и лично Н.С. Хрущеву просьбу не размещать репатриан-

тов из КНР на территориях, прилегающих к ИТЛ и спецпоселениям, так как это могло сорвать репатриацию из Синьцзяна¹²⁰. В дальнейшем схема расселения репатриантов специально согласовывалась с МВД СССР. Уже с 1953 г. система спецпоселений размывалась: часть их ликвидировались, другие переводились со спецрежима. С 1954 г. началось массовое снятие с учета различных категорий спецпереселенцев, и этот процесс продолжался до конца десятилетия. Градация населения на спецпоселенцев и неспецпереселенцев становилась все более условной. Спецпоселки практически ничем не отличались от обычных сельских населенных пунктов. Согласно воспоминаниям репатриантов, например, в совхозах Омской области, где их разместили, было много ссыльных, преимущественно немцев и эстонцев, которые, со своей стороны, воспринимали репатриантов из Китая также как высланных¹²¹.

В общем количестве трудоспособных репатриантов, въехавших из КНР в 1954 г., лица без специальности составили 53%, техники и квалифицированные рабочие – 29, служащие – 9, кустари – 5, медицинские работники – 2, инженеры и др. – 2%. Лиц, ранее занятых в сельском хозяйстве, среди переселенцев, отправленных на целину, не было. Преобладали горожане и жители железнодорожных станций, высок был процент специалистов с высшим и средним образованием, профессии которых лишь отчасти могли быть связаны с сельскохозяйственным производством. Нецелесообразность использования в сельском хозяйстве высококвалифицированных специалистов предопределила их дальнейшее перемещение в города.

Напомним, что в 1955 г. в СССР въехало 87,8 тыс. чел, в том числе 65 тыс. – из СУАР. Спущенные сверху принципы планового распределения на 1955 г. лишь частично коррелировали с этнической структурой миграционного потока. Часть русскоязычного населения из Маньчжурии и Синьцзяна распределили в Казахстан. Уйгуры оказывались преимущественно в Киргизской ССР, казахи – в Казахской ССР, хотя имели место случаи въезда казахов в Киргизию. За первую половину 1955 г. в СССР прибыло 9,5 тыс. семей (более 49 тыс. чел), которых разместили в Казахской ССР (39,4 тыс. чел.)¹²² и Киргизской ССР (3,8 тыс. чел.), а также в РСФСР (5,9 тыс. чел.). В Российской Федерации основная масса переселенцев – более 4 тыс. чел. – была направлена в Сибирь¹²³. К концу июля 1955 г. все плановые показатели по расселению на Урале и в Сибири оказались достигнутыми. Лидирующее положение в приеме переселенцев заняли Омская и Новосибирская области, в каждой из которых расселили около 400 семей¹²⁴. Подобные показатели, касающиеся въезда, считались

минимальными для областей Казахской ССР, где более 1 тыс. семей приняли Кокчетавская, Павлодарская, Кустанайская области. Ввиду отсутствия статистических материалов точно указать места первоначального расселения остальных 38,8 тыс. чел., прибывших в июле–сентябре и направленных в Казахскую ССР и Киргизскую ССР, пока не представляется возможным.

В структуре прибывших в 1955 г. 63% составили трудоспособные, среди которых крестьян и скотоводов было 64%, лиц без специальности – 18, техников и квалифицированных рабочих – около 9, служащих – около 6, кустарей – чуть более 2, медицинских работников, инженеров и лиц свободных профессий – 1%¹²⁵. Из 5,9 тыс. чел., размещенных на Урале и в Сибири в 1955 г., трудоспособными были 43,5%, из которых 55% ранее занимались сельским хозяйством или были разнорабочими¹²⁶. Столь резкое изменение в структуре занятости было вызвано изменением самого контингента репатриантов: жителей городов сменило сельское население.

За два года в СССР из КНР въехало почти 115 тыс. чел., при том что всего было принято 130 тыс. репатриантов и реэмигрантов. Репатриантов, прибывших в 1954–1955 гг., разместили исключительно в сельской местности на территории тех республик, где реализовывалась программа освоения целинных и залежных земель. Концентрация мигрантов произошла в экономически неблагополучных районах, ускоренное развитие которых только предусматривалось. Государство гарантировало и переселенцам, и принимающим организациям создание необходимых материальных условий и оказание всесторонней помощи по обустройству и адаптации переселенцев в местах вселения, по их интеграции в сельское сообщество. Однако размещение реэмигрантов и обеспечение их продуктами и товарами первой необходимости, трудоустройство, осуществление жилищной программы и социальная защита – все эти проблемы, требовавшие безотлагательного решения, легли на плечи местных властей.

В ходе транспортировки и обустройства репатриантов в местах постоянного жительства не удалось обеспечить их бесперебойное снабжение всем необходимым. Целевая система поставок постоянно давала сбои. Продовольственные ресурсы, выделенные на период транспортировки репатриантов до мест вселения, не смогли покрыть дефицита. В приграничных пунктах и по пути следования были организованы дополнительные торговые точки для продажи продуктов питания и товаров первой необходимости. По прибытии на места вселения большинству репатриантов были выделены личные приусадебные участки, которые

в 1954 г. в основном так и остались не засаженными. Лишь в ряде районов были выделены участки земли под посадку картофеля или произведены дополнительные его посадки в расчете на репатриантов. Из местных фондов прибывшим выделялись или продавались овощи и картофель, топливо, теплая одежда и обувь. Многие реэмигранты практически сразу же приобрели на личные средства и выделенные при въезде денежные пособия мелкий скот и птицу. В ряде районов вселения были отмечены перебои в снабжении хлебом и другими продуктами питания¹²⁷. Одновременно отмечались случаи, когда репатрианты из Маньчжурии раздавали имущество и продукты питания местному населению, поскольку были поражены крайне низким уровнем жизни.

Существенно осложняли ситуацию задержки с льготным кредитованием, которое государство обещало репатриантам с целью обеспечения их средствами для строительства жилья и приобретения скота. С одной стороны, существовавшие лимиты по кредитованию ограничивали возможность получения реэмигрантами средств на индивидуальное строительство, так как приоритет отдавался кадровым рабочим МТС. С другой стороны, репатрианты не торопились брать кредиты, объясняя это желанием «осмотреться на новом месте», что фактически свидетельствовало об их намерении со временем выехать из сельской местности. Повсеместно отмечались задержки в выплате единовременных пособий, которые должны были выдаваться при пересечении границы. Нередко выдавался только аванс, а остальная часть направлялась почтовыми переводами уже в места вселения. При выплате пособий объединенным семьям (преимущественно из СУАР) часто возникали споры и конфликты.

Постановления правительства определяли, что труд переселенцев из КНР может быть использован в совхозах, но при их трудоустройстве предписывалось учитывать специальность и квалификацию. Часть репатриантов при въезде в СССР высказывали желание приобрести сельскохозяйственные специальности, вследствие чего были предприняты шаги по организации ускоренных курсов для подготовки работников массовых профессий, необходимых в совхозном производстве. В то же время в составе прибывших имела большая группа лиц (инженеры горнорудной, химической и пищевой промышленности, работники искусства и печати, сферы услуг и др.), которые не могли быть эффективно использованы в совхозах. Многие не смогли трудоустроиться, либо они работали на низкооплачиваемых должностях. Чтобы избежать текучести рабочей силы и повысить производительность труда в совхозах, уже

в октябре 1954 г. исполкомам на местах рекомендовали рассмотреть вопрос о перераспределении специалистов, ранее не занятых в сельском хозяйстве, в другие отрасли. В 1955 г. на областные и краевые исполкомы возлагалась задача трудоустройства лиц, которые по своей квалификации не могли быть использованы для работы в совхозах¹²⁸. Имелись случаи, когда МТС отказывались от переселенцев и тех отправляли в колхозы. Это существенно осложняло материальное положение переселенцев, так как в колхозах в то время еще не была введена гарантированная оплата труда. В 1955 г. колхозам было рекомендовано выплачивать репатриантам из Китая ежемесячно денежные и натуральные авансы по трудодням в размере половины оплаты¹²⁹. Судя по воспоминаниям репатриантов, многие были «шокированы нищетой». Одновременно их «поражало то, что в СССР нет безработицы и всегда есть где работать».

В июне–июле 1954 г. по указанию Главного переселенческого управления Министерства сельского хозяйства СССР и соответствующего министерства РСФСР была проведена первая проверка распределения, хозяйственного и трудового устройства прибывших из Китая советских граждан¹³⁰. Было установлено, что произошли существенные изменения в схеме расселения репатриантов и их распределении между МТС, совхозами и колхозами. Основной проблемой стала жилищная. Большинство из прибывших для работы на МТС размещались во временном жилье, под которое приспособлялись школы, столовые, сельские клубы, красные уголки, конторы, палатки. Немало было и тех, кто оказался на подселении у сельских жителей. Лишь частично выполнялась программа по обеспечению репатриантов жильем за счет поставок сборных щитовых домов на четыре квартиры. Практически повсеместно размещение репатриантов было признано неудовлетворительным. Согласно материалам сводного отчета о приеме, размещении, устройстве прибывших на МТС на начало августа 1954 г., лишь 443 семьи из тысячи имели собственное жилье, тогда как 397 семей были поселены временно, 38 семей проживали в общественных зданиях, а 122 семьи находились на подселении. Наиболее тяжелой ситуация с жильем была признана в Алтайском и Красноярском краях, Иркутской и Кемеровской областях, более благополучной она оказалась на Урале¹³¹. В начале октября исполкомы областей РСФСР и Казахской ССР, куда распределили репатриантов, обязали провести очередную проверку и ликвидировать все недочеты в кратчайшие сроки, выполнив постановление правительства. Повторная выборочная проверка обеспеченности репатриантов жильем показала лишь незначительные улучшения.

Результатом проведенных проверок стал Приказ Министерства совхозов СССР от 3 ноября 1954 г. «О серьезных недостатках в размещении и трудовом устройстве в совхозах граждан, прибывших из КНР», который обязывал совхозы, принимавшие переселенцев, создать «нормальные условия для работы и оказать содействие в повышении их производственной квалификации». Весной 1955 г. в Алтайском крае, Новосибирской, Омской, Кемеровской, Челябинской и Чкаловской областях работала комиссия Госконтроля РСФСР, признавшая уровень трудоустройства и размещения переселенцев из Китая неудовлетворительным¹³². В августе 1955 г. вышел новый приказ по Министерству совхозов РСФСР об улучшении бытовых условий и трудоустройстве лиц, прибывших из Китая¹³³. В 1955 г. вопросы, связанные с переселенцами из Китая, неоднократно обсуждались высшими органами исполнительной власти и бюро краевых и областных комитетов КПСС. После проведенных проверок по Министерству совхозов РСФСР вновь последовал ряд распоряжений, направленных на улучшение бытовых условий и облегчение трудоустройства репатриантов¹³⁴. 31 декабря 1955 г. был издан приказ по Министерству совхозов СССР об устранении недостатков, в связи с чем на местах вновь были проведены проверки трудового и бытового устройства репатриантов¹³⁵.

26 октября 1956 г. ЦК КПСС принял постановление об улучшении работы с советскими гражданами, вернувшимися из-за границы на постоянное жительство¹³⁶. Решение оказалось своевременным и политически важным. Власти на местах к «новым» советским гражданам относились без особого доверия, а население зачастую воспринимало их как политических ссыльных. В постановлении подчеркивалось, что в отличие от послевоенных репатриантов, главным образом военнопленных и лиц, насильственно угнанных в Германию, большинство нынешних репатриантов и реэмигрантов никогда не были в СССР, не имеют здесь близких, а некоторые с трудом владеют русским языком. Особо отмечалась необходимость проведения политико-воспитательной работы среди репатриантов, поскольку они, проживая за рубежом, «находились под влиянием чуждой идеологии и морали», что на фоне сложностей с размещением и обустройством порождало «нездоровые настроения, недоброжелательное отношение к советской действительности, стремление уехать обратно из СССР». Констатировалось, что отмеченные недостатки и ошибки в работе с репатриантами явились следствием того, что «местные партийные и советские органы недооценивают политической важности проводимых партией и правительством мероприятий

по возвращению в СССР советских граждан, проживающих за границей»¹³⁷. Местным властям было рекомендовано активизировать работу с реэмигрантами по всем направлениям.

Сразу после въезда проводилась паспортизация, но в ряде случаев на руки паспорта не выдавались. Иногда переселенцам из Синьцзяна вместо внутренних гражданских паспортов СССР выписывались виды на жительство без указания гражданства. В связи с либерализацией политического режима в СССР во второй половине 50-х годов фактов массового террора в отношении репатриантов, приехавших в эти годы из Китая, уже не было, хотя имелись единичные случаи преследования по политическим мотивам. В соответствии с директивными распоряжениями КГБ (№ 40-16/19 – 2465 от 21 июня 1955 г. и № 146сс от 30 ноября 1955 г.) все прибывшие из-за границы подлежали постановке на оперативно-следственный учет, снятие с него планировалось произвести лишь в 80–90-е годы. В апреле 1956 г. (директивное указание № 42 сс от 17 апреля 1956 г.) на органы КГБ республик, краев и областей возлагалась задача оперативной работы с реэмигрантами, в том числе выявления фактов антисоветских действий и выезда из мест вселения, а также устранения причин их возникновения¹³⁸. В этой связи местными управлениями КГБ была проведена проверка реэмигрантов, касавшаяся и их материально-бытового устройства. В 1955–1956 гг. региональные отделы переселения и оргнабора повсеместно фиксировали значительный прирост численности данной категории за счет лиц, вывезенных из Китая «Смершем» в 1945 г. и прибывавших теперь из мест заключения¹³⁹.

В 1957 г. прошла новая кампания «по устранению недостатков в приеме и устройстве советских граждан, вернувшихся из-за границы на жительство в РСФСР». В марте 1957 г. Совет министров РСФСР вновь обязал Советы министров автономных республик, областные и краевые исполкомы, горисполкомы проверить состояние их трудового и жилищного устройства¹⁴⁰. При Главном управлении переселения и организационного набора при Совете министров РСФСР был создан специальный отдел, курировавший организацию приема и устройство прибывших из-за границы, который функционировал до конца 50-х годов¹⁴¹. В качестве неотложных мер назывались направление всех детей репатриантов в школы с учетом образовательного уровня и знания языка, выделение остро нуждающимся единовременной денежной помощи в размере до 1 тыс. руб. за счет местных бюджетов. При характеристике ситуации в 25 областях РСФСР, где оказались репатрианты и реэмигранты из КНР, Болгарии, Венгрии, была высоко оценена работа с репатриантами из Китая

алтайского и красноярского краевых, челябинского городского отделов переселения и оргнабора. Неудовлетворительной признавалась деятельность новосибирского, иркутского областных и свердловского городского отделов¹⁴². Вместе с тем, как показала практика, прием репатриантов из КНР оправдывал себя гораздо больше, чем, например, размещение в Казахской ССР советских граждан из Болгарии, из числа которых на целине осталось не более 16%¹⁴³. Всем исполкомам на местах было предписано принять решения по выполнению распоряжений республиканского правительства, оформленных в виде постановления Совета министров РСФСР¹⁴⁴.

За этим последовали новые проверки, организованные Главным управлением переселения и организационного набора рабочих. В ходе тотальной проверки трудового и жилищно-бытового устройства советских граждан, прибывших из-за границы на постоянное жительство в РСФСР, по состоянию на начало 1958 г. было установлено, что на территории РСФСР проживало 6 176 семей (19 020 чел.) из числа переселенцев, в первую очередь из Китая и Болгарии. Количество трудоспособных составляло 10 256 чел., из них 8 985 чел. было трудоустроено. В коммунальных и ведомственных квартирах проживало 4 336 семей, в собственных домах – 956 семей, еще 884 семьи снимали частное жилье. Почти все дети школьного возраста посещали учебные заведения. Что касается финансовой помощи переселенцам, то государство выделило кредитов на общую сумму 6 млн руб. Кроме того, 473 семьи получили единовременные компенсации на общую сумму 500 тыс. руб.¹⁴⁵

Постепенно все более массовый характер стал приобретать переезд репатриантов в города, преимущественно в областные центры, а молодежь покидала сельскую местность буквально за два-три года. Власти признавали высокую текучесть кадров из числа репатриантов, распределенных на МТС и в совхозы, объясняя ее тем, что среди прибывших имеются люди, которые «основной целью считают выезд из Китая в СССР, устройство в крупных городах, таким образом используя в личных целях патриотическое движение работать на освоении целинных и залежных земель»¹⁴⁶. Сами реэмигранты в качестве причин для выезда из сельской местности обычно называли низкий уровень жизни, ограниченные социальные и экономические возможности на селе, желание продолжить обучение. Кроме того, не следует забывать, что массовая репатриация советского населения из-за границы, проходившая во второй половине 50-х годов, совпала с мощным миграционным потоком сельского населения в города, вызванным экономическими и политическими причинами, в том числе выдачей паспортов сельскому населению.

Первые два года власти предпринимали попытки ограничить вторичную миграцию репатриантов, уже по территории СССР, и основной отток населения в города относится к 1957–1960 гг. К концу 50-х годов трудовые мигранты из Китая, прибывавшие на целину, сконцентрировались в крупных городах и лишь частично – в малых и средних населенных пунктах. Крупные промышленные, образовательные и научные центры предоставляли репатриантам гораздо больше возможностей для жизни, учебы и работы. Эту тенденцию зафиксировали все переселенческие отделы. Так, например, из сельскохозяйственной Курганской области за первые три года выехала четвертая часть репатриантов, а за последующие три года – еще более трети. Оставшиеся проживали в областном центре и работали на промышленных предприятиях¹⁴⁷. К концу десятилетия репатрианты из КНР расселились во всех восточных регионах РСФСР. С начала 1961 г. учет численности и миграции репатриантов по РСФСР уже не производился.

Вторичное переселение с мест первоначального вселения носило не менее интенсивный характер и в других республиках. В качестве его мотивов могли выступать желание воссоединить семью, проявления национальной розни, хозяйственная неустроенность, специфика климата и т.д. В октябре–ноябре 1955 г. около 850 семей (4,4 тыс. чел.) переселились из Ошской и Джелалабадской областей Киргизской ССР в Семипалатинскую область Казахской ССР, и власти последней столкнулись с необходимостью принять в 2 раза больше переселенцев, чем это планировалось первоначально. Этот вопрос в 1956 г. трижды обсуждался на Бюро ЦК КПСС Казахской ССР. Основная сложность заключалась в том, что при переезде из региона в регион были частично растрочены средства, полученные от государства при въезде, а выдача новых не предполагалась¹⁴⁸. Комплексные проверки трудоустройства и хозяйственного обустройства проводились в Казахской ССР неоднократно в 1956–1957 и 1959 гг.

В Казахской ССР программа государственной поддержки оралманов (репатриантов) осуществлялась до середины 60-х годов. Согласно Постановлению Совета министров Казахской ССР от 24 мая 1962 г. (№ 380-51 сс) переселенцы, прибывшие в республику нелегально, весной 1962 г. были расселены в Алма-Атинской, Восточно-Казахстанской и Семипалатинских областях. Планировалось потратить 4,4 млн руб. на возведение жилья, а также выделить кредиты на сумму 3,8 млн руб., которые предназначались на индивидуальное строительство и покупку скота. Переселенцы освобождались от уплаты подоходного налога на срок до пяти лет, на них распространялись те же самые льготы, что и на ос-

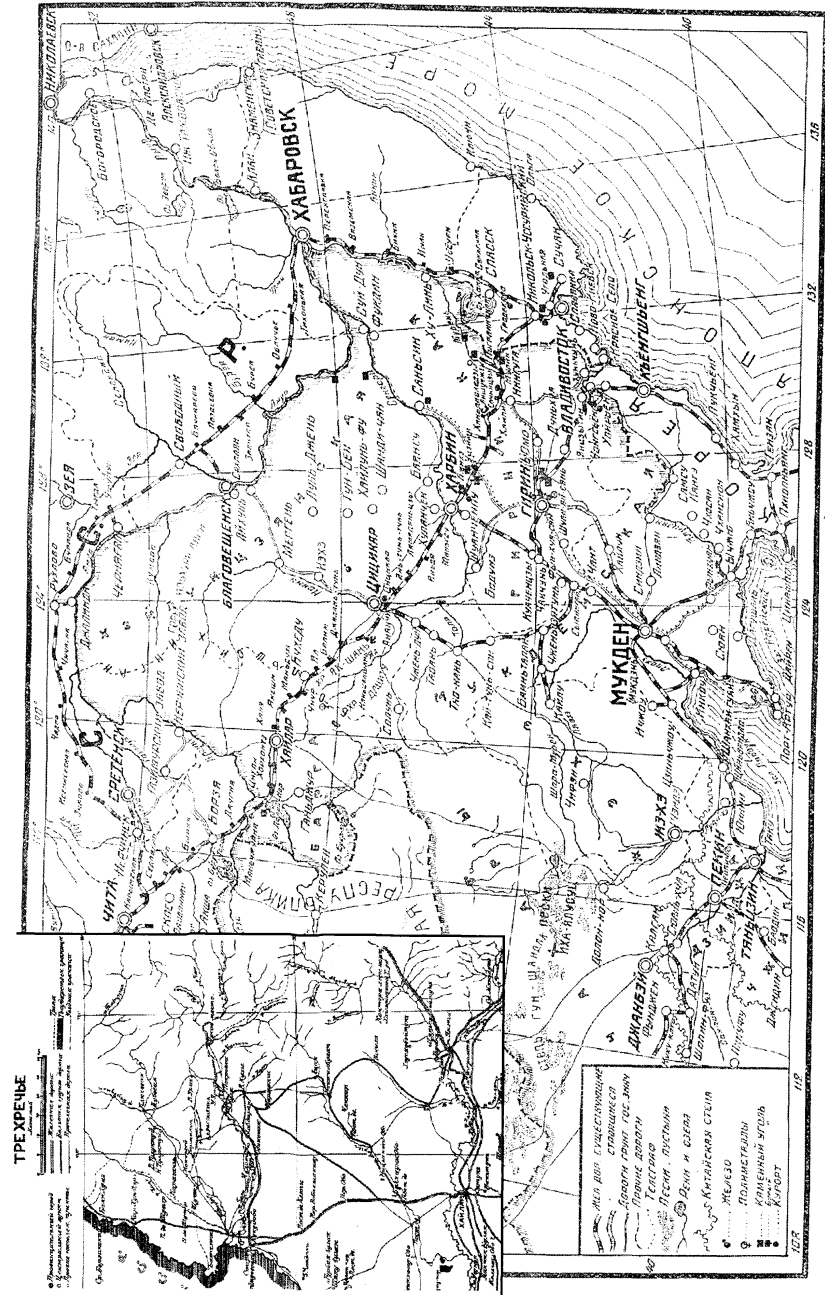
Фотографии

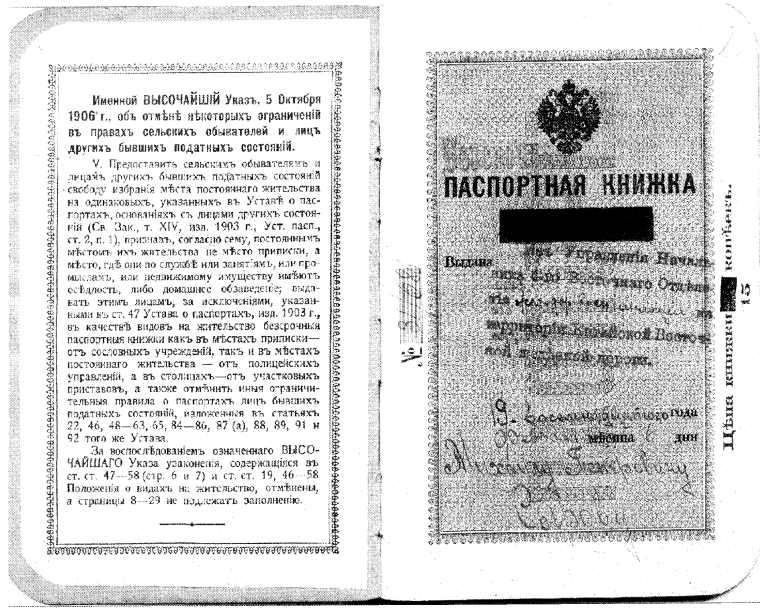
Свято-Николаевский кафедральный собор в Харбине. 1920-е годы
(фото из альбома «Архитектура Харбина»)

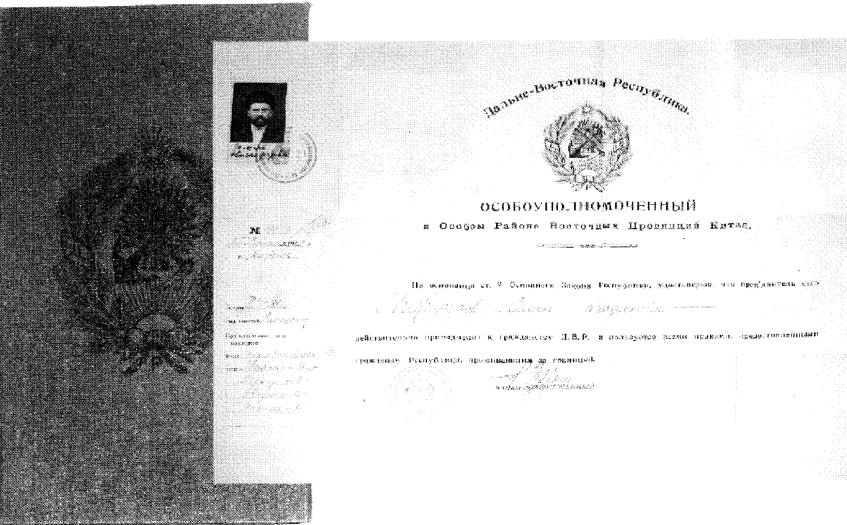
Харбин. Новый город. Магазин «Чурин». 1920–1930-е годы
(из частной коллекции М.Ф. Ефименко, г. Хабаровск)

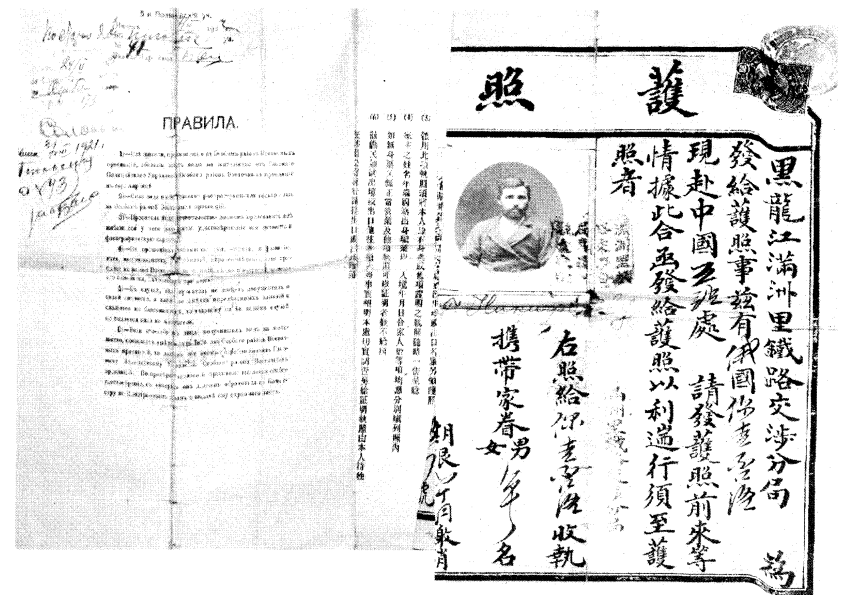
Китайско-Восточная железная дорога и Трехречье. Конец 1920-х годов
(карты из Сибирской советской энциклопедии и журнала «Вестник Маньчжурии»)

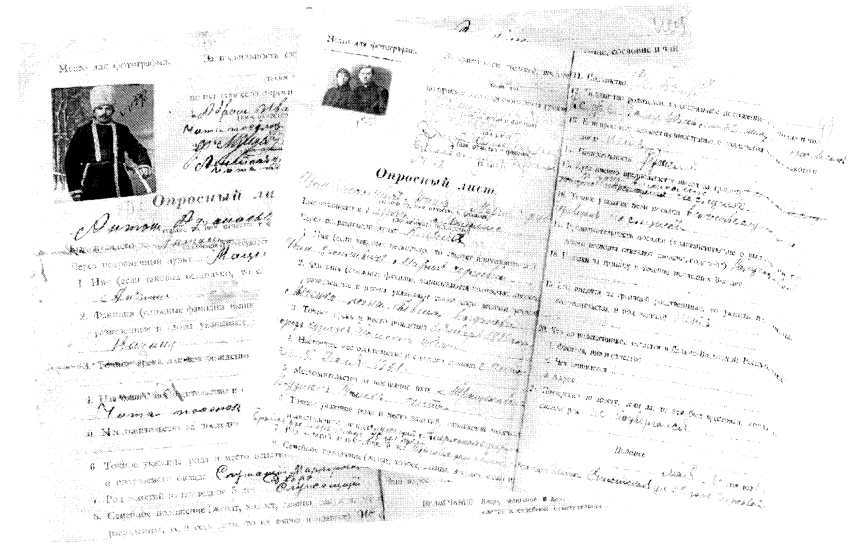
Паспорт российского образца, выданный на территории полосы отчуждения КВЖД в феврале 1918 г. (из коллекции ГААОСО)

Паспорт С.А. Никифорова – особоуполномоченного ДВР в Особом районе восточных провинций. 1921 г. (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 42144)

Вид на жительство С.А. Никифорова в Особом районе восточных провинций. 1921 г. (ГААОСО. Ф. Р-1 Оп. 2. Д. 42144)

Опросные листы для получения загранпаспортов для выезда из ДВР и РСФСР в Маньчжурию. 1922 г. (ГАЧО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 89. Л. 99, 405)

АНКЕТА

АНКЕТА

ВОПРОСЫ

ОТВЕТЫ

1. В каком месте рождения?

2. Семейное положение?

3. Образование?

4. Профессия?

5. Место службы?

6. Государственные награды?

7. Семейные отношения?

8. Религиозные убеждения?

9. Политические взгляды?

10. Другие сведения?

11. Характеристика личности?

12. Характеристика семьи?

13. Характеристика соседей?

14. Характеристика друзей?

15. Характеристика знакомых?

16. Характеристика врагов?

17. Характеристика других лиц?

18. Характеристика других сведений?

19. Характеристика других сведений?

20. Характеристика других сведений?

21. Характеристика других сведений?

22. Характеристика других сведений?

23. Характеристика других сведений?

24. Характеристика других сведений?

25. Характеристика других сведений?

26. Характеристика других сведений?

27. Характеристика других сведений?

28. Характеристика других сведений?

29. Характеристика других сведений?

30. Характеристика других сведений?

31. Характеристика других сведений?

32. Характеристика других сведений?

33. Характеристика других сведений?

34. Характеристика других сведений?

35. Характеристика других сведений?

36. Характеристика других сведений?

37. Характеристика других сведений?

38. Характеристика других сведений?

39. Характеристика других сведений?

40. Характеристика других сведений?

41. Характеристика других сведений?

42. Характеристика других сведений?

43. Характеристика других сведений?

44. Характеристика других сведений?

45. Характеристика других сведений?

46. Характеристика других сведений?

47. Характеристика других сведений?

48. Характеристика других сведений?

49. Характеристика других сведений?

50. Характеристика других сведений?

51. Характеристика других сведений?

52. Характеристика других сведений?

53. Характеристика других сведений?

54. Характеристика других сведений?

55. Характеристика других сведений?

56. Характеристика других сведений?

57. Характеристика других сведений?

58. Характеристика других сведений?

59. Характеристика других сведений?

60. Характеристика других сведений?

61. Характеристика других сведений?

62. Характеристика других сведений?

63. Характеристика других сведений?

64. Характеристика других сведений?

65. Характеристика других сведений?

66. Характеристика других сведений?

67. Характеристика других сведений?

68. Характеристика других сведений?

69. Характеристика других сведений?

70. Характеристика других сведений?

71. Характеристика других сведений?

72. Характеристика других сведений?

73. Характеристика других сведений?

74. Характеристика других сведений?

75. Характеристика других сведений?

76. Характеристика других сведений?

77. Характеристика других сведений?

78. Характеристика других сведений?

79. Характеристика других сведений?

80. Характеристика других сведений?

81. Характеристика других сведений?

82. Характеристика других сведений?

83. Характеристика других сведений?

84. Характеристика других сведений?

85. Характеристика других сведений?

86. Характеристика других сведений?

87. Характеристика других сведений?

88. Характеристика других сведений?

89. Характеристика других сведений?

90. Характеристика других сведений?

91. Характеристика других сведений?

92. Характеристика других сведений?

93. Характеристика других сведений?

94. Характеристика других сведений?

95. Характеристика других сведений?

96. Характеристика других сведений?

97. Характеристика других сведений?

98. Характеристика других сведений?

99. Характеристика других сведений?

100. Характеристика других сведений?

Анкеты граждан, выезжающих в Китай. 1922 г.
(ГАЧО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 90. Л. 8, 9)

Бывший бай К. Акымбаев и группа перебежчиков-алтайцев, пытавшихся нелегально перейти границу в 1930 г.
(ОХСД ГАСРА Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 650. Т. 5. Л. 563, 681)

Учетно-финансовый документ и предельная СССР ступень на территории СССР

Подлежит представлению в Административный Отдел Исполкома в течение 15 дней со дня выдачи.

КАРТОЧКА

для учета проживающих за границей граждан СССР.

Фамилия, имя и отчество: *Кулишев Павел Васильевич*

Время рождения: *31/1-1909*

Отношение и обязательной военной службе: *Военнообязанный*

Для среднего, старшего и высшего персонала: *Военнообязанный*

Для остальных военнообязанных и военнообязанных: *Военнообязанный*

Где не числится с 1 мая 1932 года выезда за границу: *1. Май 1932 года на учете находился за границей.*

Подпись: *М.М. 10. июля 1932*

Учетная карточка проживающих за границей граждан СССР
(ГАСО. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 6810)

PASSEPORT

Въезд и выезд. Visas.

Союз Советских Социалистических Республик.

Министерство внутренних дел СССР и Управления.

ВИД НА ЖИТЕЛЬСТВО.

PASSEPORT. UNION DES REPUBLIQUES SOVIETIQUES SOCIALISTES.

REPRESENTATION CONSULAIRE

Consulat General de l'U.R.S.S. à Paris.

Présidence de tous les pays, unless noted.

1937

Советский вид на жительство с визой для въезда в СССР
(ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8271)

Проводы советской администрации КВЖД, выезжающей в СССР после продажи дороги (7 июля 1935 г., Харбин)

Ю.В. Рудый, С.М. Кузнецов, М.М. Славущкий, Маришима

Архивно-следственное дело осужденного по «харбинской операции» (ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 12397)

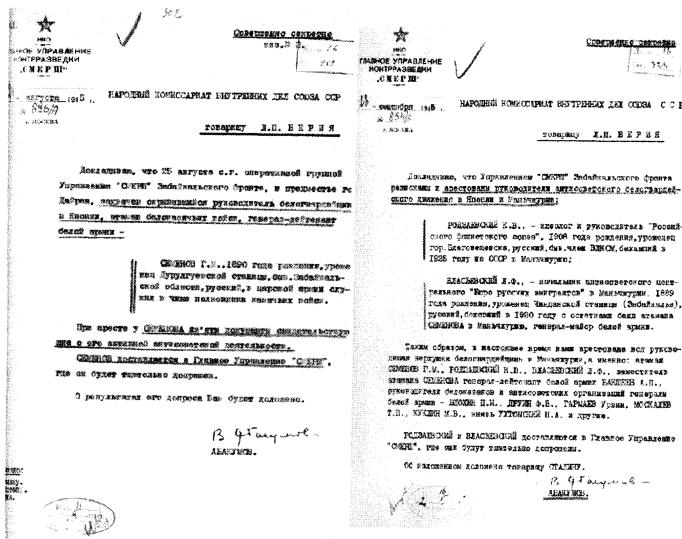

Около поезда на ст. Харбин (АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 13. Д. 34)

Докладная записка о выполнении оперативных приказов НКВД СССР по состоянию на 1 января 1938 г.

№ п/п	Имя	Фамилия	Возраст	Профессия	Образование	Служба	Степень	Срок службы	Степень	Срок службы	Степень	Срок службы	Степень	Срок службы	Степень	Срок службы	Степень	Срок службы	Степень	Срок службы
1	Иванов	Иван	35	Инженер	Высшее	Служба	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года
2	Петров	Петр	40	Учитель	Среднее	Служба	Учитель	5 лет	Учитель	5 лет	Учитель	5 лет	Учитель	5 лет	Учитель	5 лет	Учитель	5 лет	Учитель	5 лет
3	Сидоров	Сидор	28	Рабочий	Среднее	Служба	Рабочий	2 года	Рабочий	2 года	Рабочий	2 года	Рабочий	2 года	Рабочий	2 года	Рабочий	2 года	Рабочий	2 года
4	Климов	Клим	32	Механик	Среднее	Служба	Механик	4 года	Механик	4 года	Механик	4 года	Механик	4 года	Механик	4 года	Механик	4 года	Механик	4 года
5	Васильев	Василий	38	Инженер	Высшее	Служба	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года	Инженер	3 года
6	Мухоморов	Мухоморов	45	Учитель	Среднее	Служба	Учитель	10 лет	Учитель	10 лет	Учитель	10 лет	Учитель	10 лет	Учитель	10 лет	Учитель	10 лет	Учитель	10 лет
7	Попов	Попов	30	Рабочий	Среднее	Служба	Рабочий	3 года	Рабочий	3 года	Рабочий	3 года	Рабочий	3 года	Рабочий	3 года	Рабочий	3 года	Рабочий	3 года
8	Смирнов	Смирнов	42	Инженер	Высшее	Служба	Инженер	5 лет	Инженер	5 лет	Инженер	5 лет	Инженер	5 лет	Инженер	5 лет	Инженер	5 лет	Инженер	5 лет
9	Новиков	Новиков	35	Рабочий	Среднее	Служба	Рабочий	4 года	Рабочий	4 года	Рабочий	4 года	Рабочий	4 года	Рабочий	4 года	Рабочий	4 года	Рабочий	4 года
10	Кузнецов	Кузнецов	48	Учитель	Среднее	Служба	Учитель	12 лет	Учитель	12 лет	Учитель	12 лет	Учитель	12 лет	Учитель	12 лет	Учитель	12 лет	Учитель	12 лет

Докладная записка о выполнении оперативных приказов НКВД СССР по состоянию на 1 января 1938 г. (из коллекции АУ ФСБ по Читинской области)

Докладные записки ГУКР «Смерш» НКВД об аресте лидеров белой эмиграции Г.М. Семенова, К.В. Родзаевского и Л.Ф. Власьевского (фото из альбома «"Смерш": Исторические очерки и архивные документы»)

Отплытие репатриантов в СССР на пароходе «Ильич» (15 августа 1947 г., Шанхай) (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 495. Л. 101)

Экстренный выпуск шанхайской газеты «Новости дня» о начале репатриации в СССР (30 июня 1947 г.). Справка советского консульства г. Дальний о возбуждении ходатайства о восстановлении советского гражданства. Удостоверение члена Общества советских граждан в г. Циндао (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 495. Л. 87; ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп.1 Д. 772; Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 2160)

Не многим ведь дано то счастье,
 Когда, молившись всем богам,
 Пройдя сквозь бури и ненастья,
 Плынешь к родимым берегам.
 Родной страны плавучий остров,
 Прорезав мили чуждых вод,
 Тебя по-дружески так просто
 Домой на родину везет...
 Простив и пожалевав, как мать родная,
 Манит она, улыбкою дая.
 Бодрей, товарищи, теперь уж знаем,
 Что будем жить, трудиться мы не зря.

(Стихи из стенгазеты репатриантов)

Группа репатриантов на палубе (ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6сч. Д. 495. Л. 5, 80)

Оркестр О. Лундстрема. 1947 г., Шанхай
(ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 495. Л. 100)

Богослужение по случаю освобождения Красной Армией Харбина (10 августа 1945 г.)
(из коллекции РГАКФД. № 092031)

Продажа красных флажков. Перед митингом русского населения в честь победы над Японией (2 сентября 1945 г., Харбин) (из коллекции РГАКФД. № 0294779)

Служащие акционерного общества «Чурин и К» – участники митинга, посвященного победе над Японией (21 мая 1946 г., Харбин)
(из коллекции РГАКФД. № 0217213)

Документы следственного (АУ ФСБ по Читинской

дела К.П. Нечаева области. Д.П-15330. Л. 7, 12, 88, 95-96).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНА СССР ОБ ОБЕСЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Секция безопасности государства

Допрошенная дата: 13.10.1946

1. ...

2. ...

3. ...

4. ...

5. ...

6. ...

7. ...

8. ...

9. ...

10. ...

11. ...

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

ПРОТОКОЛ

13.10.1946

1. ...

2. ...

3. ...

4. ...

5. ...

6. ...

7. ...

8. ...

9. ...

10. ...

11. ...

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

Протокол задержания и постановление об аресте ОКР «Смерш»

ПРОТОКОЛ

13.10.1946

1. ...

2. ...

3. ...

4. ...

5. ...

6. ...

7. ...

8. ...

9. ...

10. ...

11. ...

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

Постановление о выделении материалов к судопроизводству и протокол об окончании следствия

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик.

В - делном 1946 года Военный трибунал ВЧК СССР

Монголо-Орхон

1. ...

2. ...

3. ...

4. ...

5. ...

6. ...

7. ...

8. ...

9. ...

10. ...

11. ...

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

Приговор Военного трибунала 6-й гвардейской танковой армии

1. ...

2. ...

3. ...

4. ...

5. ...

6. ...

7. ...

8. ...

9. ...

10. ...

11. ...

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНА СССР ОБ ОБЕСЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Секция безопасности государства

Управление НКРБ по Читинской области

1. ...

2. ...

3. ...

4. ...

5. ...

6. ...

7. ...

8. ...

9. ...

10. ...

11. ...

12. ...

13. ...

14. ...

15. ...

Документы о расстреле К.П. Нечаева

Выписка из протокола № 21

Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР

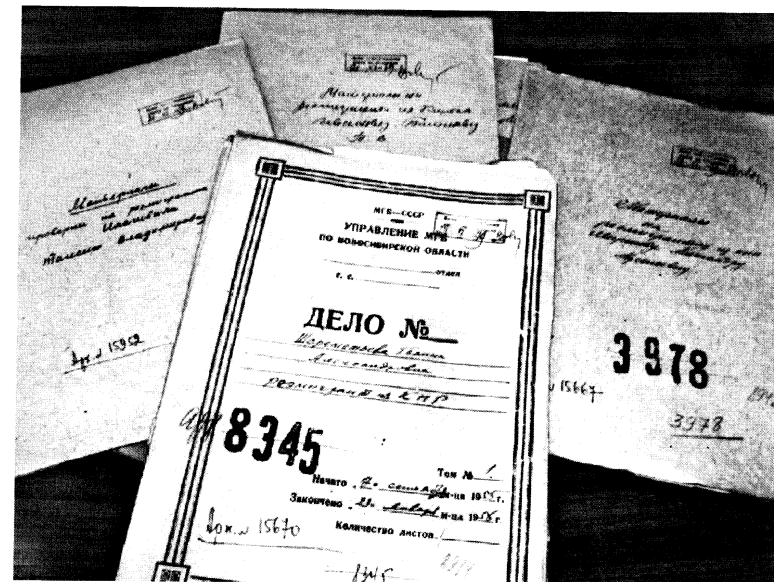
от 27 _____ 1950 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>Зайцев Борис Александрович 1905 г.р., уроженец г. Ленинград, в настоящее время проживает в г. Ленинград.</p> <p>Общ. по ст. 58-4, 58-10 ч 1, 17-58-11, 58-10 ч 1 и 58-11 УК РСФСР.</p>	<p>ЗАТ. Зайцев Борис Александрович за участие в работе ряда эволюционных организаций (Инт. шпионскую деятельность, высылка в трудовые лагеря немецких и японских военнопленных и высылка в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет, считая срок с 24 февраля 1949 г.</p>

Исполнитель: *[Подпись]*

Нач. Секретариата Особого Совещания

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов нередки были случаи осуждения добровольно вернувшихся в СССР репатриантов (ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 1905)

Проверочно-фильтрационные дела на репатриантов из Китая 1947, 1954–1959 гг. (из коллекции ГАНУ. Ф. 208)

Генерал-майор Б.А. Остроградский. В 1920–1930-е годы состоял членом монархических и эмигрантских организаций. В 1946 г. получил советское гражданство и в ноябре 1947 г. в преклонном возрасте вернулся с семьей в СССР. В марте 1949 г. осужден военным трибуналом МВД на 25 лет ИТЛ. Умер в сентябре 1950 г., реабилитирован в 1992 г. (ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 990)

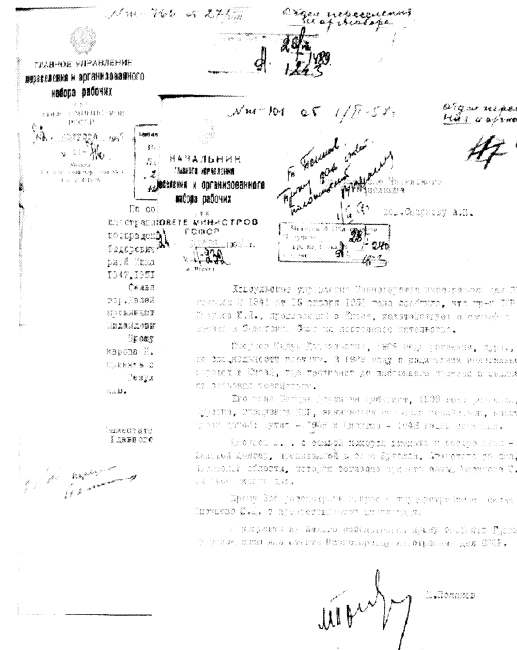
Фотографии из личного архива реэмигранта Демиденко, ставшие основанием для обвинений его в «службе на американскую разведку» (ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10157. Л. 20–21)

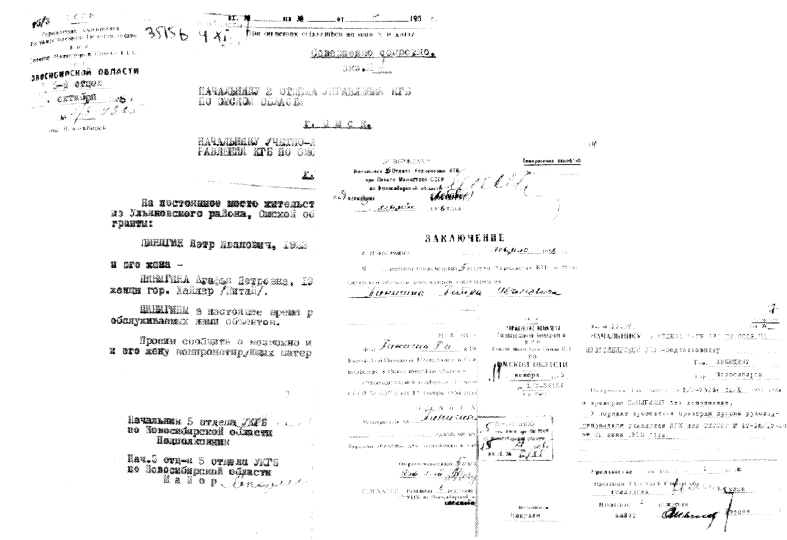
Закладка памятника в честь советско-китайской дружбы. Ученики советской школы № 1 в Порт-Артуре. Окончание школы в мае 1955 г. совпало с выводом советских войск (из частной коллекции Л.П. Приходько, г. Новосибирск)

Прибытие в Харбин советских специалистов для оказания помощи в строительстве инженерных объектов. 1955 г. (фото из альбома «Россияне в Харбине»)

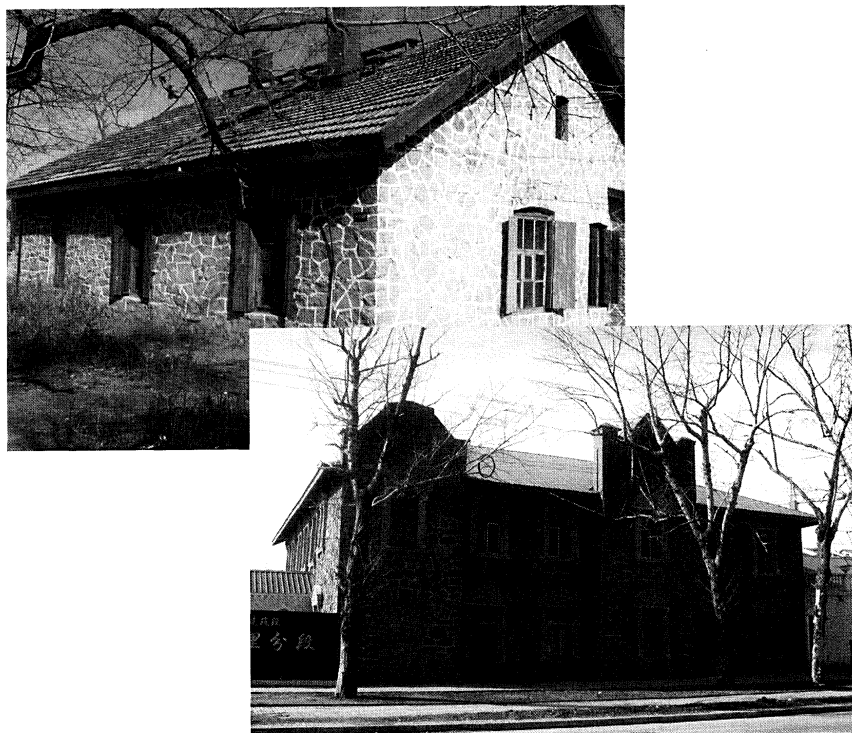
Запросы МИДа в Главное управление переселения и оргнабора рабочих при Совете министров РСФСР о размещении на постоянное жительство вне целинных районов репатриантов из КНР (ГАНО. Ф. 1591. Оп. 4. Д. 8. Л. 16)

Требование на проверку дела репатрианта из КНР по спискам БРЭМ. Заключение УКГВ по Новосибирской области о сдаче дела на хранение в учетно-архивный отдел (ГАНО. Ф. 208)

Набережная Вампу, Шанхай (фото сделано в наши дни)

Русская застройка г. Маньчжоули (фото сделано в наши дни)

тальных репатриантов из КНР. В июне 1962 г. по распоряжению Совета министров Казахской ССР этой группе переселенцев были произведены выплаты дополнительных денежных пособий по 30 руб. на человека, им выделялось продовольствие из резервных фондов¹⁴⁹.

Постановление Совета министров СССР от 8 октября 1962 г. (№ 741-85 с), посвященное репатриантам, уже не содержало названий районов вселения. Выезд был возможен во все области Казахской ССР, Узбекской ССР и Киргизской ССР, а также в РСФСР в зависимости от желания репатриантов. Однако приоритетными по-прежнему назывались Алма-Атинская, Актюбинская, Восточно-Казахстанская, Джамбульская, Кзыл-Ординская, Карагандинская, Уральская и Чимкентская области¹⁵⁰. Репатриантам оплачивались расходы на проезд и провоз багажа от границы до мест вселения, суточные в расчете 1 руб. на человека, единовременные денежные пособия в размере 300 руб. на главу семьи и 60 руб. на каждого члена семьи.

В 1965 г. проводились проверки хозяйственно-бытового и трудового устройства граждан, прибывших из КНР в 1962 г. Поставленная задача обеспечить всех переселенцев собственным жильем так и не была выполнена, около 10% продолжало жить в неблагоустроенных помещениях и на подселении у родственников¹⁵¹. Все переселенцы были трудоустроены, не работали лишь многолетние женщины. Особо остро стоял вопрос выплаты пенсий и государственных пособий. В ряде случаев пенсия не выплачивалась из-за отсутствия документов о наличии трудового стажа в КНР или в связи с перерывом в трудовой деятельности в период реорганизации колхозов в совхозы. Проверкой также было установлено, что треть детей репатриантов обучались в школах-интернатах¹⁵².

В 50-е годы Советское государство разрабатывало и осуществляло достаточно либеральную репатриационную политику. Был накоплен значительный опыт, позволивший максимально быстро реинтегрировать этнических переселенцев на исторической родине. Несмотря на значительный реэмиграционный поток на Урал и в Сибирь во второй половине 50-х годов, восточные регионы страны продолжали терять население в результате неэквивалентного миграционного обмена с другими территориями СССР. Политика поощрения этнической миграции в Казахстан во второй половине 50-х – начале 60-х годов привела к увеличению численности титульной нации за счет репатриантов и в целом способствовала росту казахского населения республики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эмиграционное движение населения из Российской империи и СССР в Китай продолжалось на протяжении последней четверти XIX – первой трети XX в. Окончательная демаркация границы, интенсивная маятниковая миграция населения приграничья, значительная по масштабам нелегальная миграция, обусловленная социальными катаклизмами (революциями, войнами, коллективизацией и сопровождавшим ее голодом), привели к образованию на территории Китая крупных диаспор – не только русских, но и ряда других этнических групп. Суммарно эмиграция из России в Китай в этот период превысила полмиллиона человек.

Наряду с безвозвратной миграцией протекали масштабные процессы возвратной миграции из Китая, вызванные как политической и экономической нестабильностью в принимающих регионах, так и целенаправленной политикой, проводимой обоими государствами. В ходе репатриации из Китая удалось вернуть на родину около 400 тыс. чел., что с учетом массового нелегального возвращения вполне сопоставимо с масштабами эмиграционного движения. Репатриационная политика СССР была достаточно либеральной, хотя в ней присутствовала как добровольная, так и принудительная составляющая. При проведении репатриации доминировали политические цели, в подчиненном отношении к которым находилось решение экономических и гуманитарных задач.

Российская диаспора в Китае не была статичной, пройдя путь от зарождения до распада. Ранняя эмиграция, будучи трудовой по характеру, стала базой для образования диаспоры. Формирование культурной целостности произошло за счет притока интеллектуальной элиты. В 10–30-е годы, в период роста, диаспора интегрировала в себя ранее сложившиеся старожильческие, торговые, этнические и религиозные общины, а также всех эмигрантов и беженцев. На основании изучения различных эмигрантских центров и территорий компактного проживания установлено, что эмигрантское сообщество обладало сложной и многоуровневой организационной структурой (имело собственные

социальные институты и общественные организации), которая являлась одновременно условием и следствием адаптации эмигрантов к новой социально-экономической и этнокультурной среде обитания. Наряду с многонациональной структурой диаспоры ее отличительной, специфичной чертой на протяжении всей полувековой истории оставался национально-государственный компонент, что объясняет наличие в ней двух политически противопоставленных составляющих – белой эмиграции и советской колонии, из которых доминировала в разное время то одна, то другая. Диаспора эволюционировала, но логика ее развития была предопределена. Несмотря на далеко не исчерпанный политический, организационный и культурный потенциал, ее распад был ускорен внутренними процессами и внешнеполитическими событиями.

Российскую диаспору в Китае можно рассматривать как этническую, культурную и политическую общность. Ее история наглядно доказывает, что данная общность представляла собой не просто совокупность мигрантов из России (СССР), но обладала специфической ментальностью и воспринималась принимающим обществом в качестве особого социокультурного феномена. Ментальность российской диаспоры базировалась на коллективной памяти об общей родине, ностальгии и активном политизированном дискурсе о родине, «сопричастности» всему, что в ней происходило, популярности идеи «возвращения». Характерной чертой большинства членов диаспоры было убеждение, что они должны коллективно служить сохранению (восстановлению) родины и ее процветанию. В ряде случаев именно вера в эту миссию обеспечивала солидарность диаспоры и ее активность. Наличие всех вышеперечисленных признаков позволяет характеризовать российскую эмигрантскую общину в Китае в первой половине XX в. как диаспору классического типа.

Интеграция мигрантов из России (СССР) в китайское общество происходила преимущественно в рамках своих этнических групп. Говоря о реализованной при этом модели интеграции, целесообразно характеризовать ее как аккультурацию, подразумевая частичное усвоение иммигрантами обычаев и культуры принимающего общества при сохранении собственной этнической идентичности. Что касается русских, то в силу национальных и культурных отличий их стремление к натурализации и ассимиляции в Азии было выражено крайне незначительно. Власти Китая де-факто всегда признавали русских этническим меньшинством, но юридическое признание этого состоялось уже

после выезда абсолютного большинства русских из страны. Интеграция казахов и уйгур облегчалась тем, что для российско-китайского приграничья было характерно этническое и религиозное единство населения. Допуская иммиграцию, принимающее общество не было настроено на полную ассимиляцию мигрантов. В условиях сосуществования культур в отношении русскоязычных переселенцев в Китае на протяжении нескольких десятилетий доминировали факторы, не способствовавшие ассимиляции диаспоры. Русские имели возможность компактно проживать в окружении представителей своей этнической группы, получать образование на родном языке, в том числе высшее, придерживаться национальных традиций, исповедовать традиционную религию, пропагандировать и развивать национальную культуру. Лишь в годы «культурной революции» правительство Китая пошло на ликвидацию русских кладбищ и уничтожение православных храмов. Ассимиляционные процессы, в том числе культурные, не могли не затронуть второе и третье поколения эмигрантов, но зачастую они оказались прерванными в силу возвратной миграции.

Адаптация репатриантов из Китая на исторической родине была связана не с получением советского гражданства, так как натурализация часто происходила задолго до возвращения в СССР, а определялась готовностью мигрантов интегрироваться в структуры советского общества, принять произошедшие в стране политические и социально-экономические перемены, усвоить новые культурные ценности. При этом приблизительно половина репатриантов (те, кто родился уже в эмиграции) представляли собой особую группу, для которой была характерна социокультурная двойственность: они знали родной язык, культуру, традиции, но ассоциировали себя как с СССР, так и с той страной, где они родились и выросли. Существенное влияние на процесс интеграции на исторической родине оказывали факторы объективного плана, где доминировали политические и экономические составляющие. Успешность адаптации определялась как субъективными, прежде всего психологическими, факторами, так и усилиями советского правительства и региональных властей, направленными на максимальное ускорение реинтеграции этнических переселенцев на исторической родине. Благодаря единству культуры и отсутствию конкуренции на рынке труда не произошло отторжения обществом новых мигрантов, хотя в массовом сознании советских людей применительно к этой группе населения на долгие годы закрепился термин «харбинцы».

Эмиграция и реэмиграция оказали значительное влияние на многие стороны жизни и советского, и китайского общества. Если говорить о демографических и социально-экономических последствиях эмиграции для Китая, то она отразилась на структуре населения и повлияла на рынок труда. Хотя Китай не принадлежит к числу стран, где прирост населения происходил в значительной степени за счет миграции, тем не менее есть основания говорить о количественном увеличении за счет мигрантов из России нескольких этнических групп в этой стране – казахов, русских, татар, тувинцев, бурят и др. Но так как эмиграция оказалась в целом сопоставима с реэмиграцией, она не оказала долговременного влияния на численность и структуру населения.

Иммиграция из России способствовала росту китайской экономики, притоку в страну капиталов и западных технологий. Численность приезжавшего в Китай русскоязычного населения на протяжении двух первых десятилетий XX в. обуславливалась исключительно потребностями регионального рынка труда, поскольку благодаря мигрантам динамично развивались целые отрасли экономики. Конкуренция на рынке труда, приведшая к некоторой социальной напряженности, возникла только с 20-х годов. Несмотря на высокую экономическую мобильность мигрантов, в результате политики постепенного вытеснения русских капиталов из экономики Китая уровень безработицы среди русскоязычного населения неуклонно рос во всех сферах занятости, что и предопределило возвращение большей его части в СССР. Выезд русскоязычного населения наряду с передачей Китаю хозяйственных объектов, ранее принадлежавших России, как уже говорилось, окончательно поставил точку в истории российской колонизационной политики в этой стране.

Для России (СССР) достаточно очевидны отрицательные последствия эмиграции. Прежде всего, это потеря страной значительных трудовых ресурсов из числа экономически активного населения. Кроме того, происходил масштабный вывоз капитала. В то же время хозяйственное освоение Маньчжурии дало существенный импульс развитию российского Дальнего Востока, принесло экономические и геополитические дивиденды. Хотя эффект репатриаций существенно снизили массовые репрессии (на долю харбинцев пришлось одна из самых масштабных операций периода «большого террора»), ограничения на перемещения и экономическую деятельность. В долгосрочной перспективе страна все же получила определенные экономические пре-

имущества, поскольку реэмигранты частично ввезли в нее накопленные за период эмиграции капиталы, не растеряли, а в ряде случаев приобрели опыт хозяйствования в условиях иной модели экономики.

Культурная жизнь эмиграции характеризовалась широтой и многоаспектностью. Она находила свое выражение как в институциональных формах, так и в воспроизводстве национальных традиций, языка, самосознания. Сложились механизмы межкультурного взаимодействия. Культурная миссия российской эмиграции в Китае состояла в том, что она способствовала принятию и усвоению китайской культурой основ и стереотипов западной цивилизации, в том числе русской культуры. Межкультурный диалог способствовал восприятию как традиционных российских, так и новых советских ценностей. Именно культура является долговременным фактором сотрудничества между Россией и Китаем, содействуя взаимопониманию и развитию двусторонних отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВЕКА)

¹ *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2000. С. 5.

² *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2003. С. 137.

³ *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы... С. 128.

⁴ Подробнее см.: *Пак Б.Д.* Россия и Корея. М., 2004; *Нам И.В.* Страницы истории общественного самоуправления у корейцев русского Дальнего Востока // Диаспора. М., 2001. № 2–3. С. 149–150.

⁵ *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы... С. 158.

⁶ Там же. С. 156–157.

⁷ *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. С. 235.

⁸ *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы... С. 162–163. Подробнее см.: «Маньчжурский клин»: история, народы, религии / Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П. и др. Благовещенск, 2005.

⁹ *Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы... С. 113.

¹⁰ *Андреев Ч.Г.* Формирование многонационального населения Забайкалья в 1897–1914 гг. // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск, 1989. Ч. 1. С. 123.

¹¹ *Мендикулова Г.М.* Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развал. Алматы, 1997. С. 83.

¹² Там же. С. 58.

¹³ *История Казахской ССР: В 2 т.* Алма-Ата, 1957. Т. 1. С. 578.

¹⁴ *Мендикулова Г.М.* Исторические судьбы... С. 88; *Моисеев В.А.* Россия и Китай... С. 309.

¹⁵ *Комиссарова Е.Н.* Белогвардейская эмиграция в Синозьяне в 1920–1935 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. С. 69.

¹⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3601. Л. 42.

- ¹⁷ *Особый район Восточных Провинций Китайской Республики: Справочные сведения об административном и судебном устройстве района.* Харбин, 1927. С. 10.
- ¹⁸ *Белоглазов Г.П.* Сельские поселения русских военных колонистов в Маньчжурии (конец XIX – начало XX в.) // *Россия и АТР.* Владивосток, 1997. № 4. С. 38.
- ¹⁹ *Белоглазов Г.П.* Из истории русской гражданской земледельческой колонизации в Маньчжурии в начале XX в. // *Россия и АТР.* Владивосток, 1998. № 1. С. 16.
- ²⁰ Там же. С. 13–18.
- ²¹ Еще с XVIII в. русские из Забайкалья занимались нелегальной добычей золота и угля в пределах Хулунбуира. «Золотая лихорадка» в Хулунбуире достигла своего пика в 80-е годы XIX в. Основной район золотодобычи образовался на правой стороне Амура в местности Желтуга, расположенной в долине небольшой реки р. Желта (кит. назв. Мохэ), притоке р. Албазихи, напротив казачьей станицы Игнашино Амурской области. В эпоху Желтугинской республики число старателей из России составляло, по разным оценкам, от 3 до 12 тыс. чел. ежегодно. Из-за многочисленных протестов китайской стороны власти Дальнего Востока были вынуждены запретить переходы границы с целью добычи золота, и российские золотопромышленники вернулись в регион только в первые годы XX в.
- ²² *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 202.
- ²³ *Кармазов В.А.* Торговля и промышленность района западной линии КВЖД // *Вестник Маньчжурии.* Харбин, 1933. № 17. С. 57.
- ²⁴ *Великая Маньчжурская империя: К 10-летию юбилею.* Харбин, 1942. С. 106; Омские харбинцы. Омск, 1998. № 9; Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3251. Оп. 1. Д. 39. Л. 56–56 об.
- ²⁵ *Кармазов В.А.* Торговля и промышленность... С. 58.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Великая Маньчжурская империя...* С. 106.
- ²⁸ *Кармазов В.А.* Торговля и промышленность... С. 62.
- ²⁹ *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая... С. 202.
- ³⁰ *Кармазов В.А.* Торговля и промышленность... С. 64, 67.
- ³¹ Там же. С. 65.
- ³² *Исторический обзор КВЖД. 1896–1923.* Харбин, 1923. Т. 1. С. 618–629.
- ³³ *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая... С. 202.
- ³⁴ *Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога.* Харбин, 1922. С. 692.
- ³⁵ *Тарасов А.* Русские в приграничном Китае / www.asiapacific.narod.ru.
- ³⁶ *Кармазов В.А.* Хинганская провинция // *Вестник Маньчжурии.* 1934. № 1. С. 37–38.
- ³⁷ *Кармазов В.А.* Трехречье (за период 1924–1933 гг.) // *Вестник Маньчжурии.* 1934. № 5. С. 62–63; Омские харбинцы. Омск, 1998. № 4; ГАОО. Ф. 3251. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.
- ³⁸ *Кармазов В.А.* Торговля и промышленность... С. 60.
- ³⁹ *Овдиенко И.Х.* Внутренняя Монголия. М., 1954. С. 145.

⁴⁰ *Перминов В.В.* Начало и конец русского Трехречья / <http://213.59.235.32/?news=325&line=firms&page=5>.

⁴¹ *Кармазов В.А.* Чэнэхэн: По районам Барги // *Вестник Маньчжурии.* 1933. № 13. С. 53. Во второй половине 20-х годов руководителем бурятского хошуна являлся У.Г. Гармаев.

⁴² *Кармазов В.А.* Чэнэхэн: По районам Барги ... С. 55–56.

⁴³ *Кармазов В.А.* Кочевая Барга // *Вестник Маньчжурии.* 1928. № 8. С. 51, 54.

⁴⁴ *Русские эвенки в китайской тайге* / <http://www.infpol.ru/12032003/evenki.html>; *Из отчета* о научной командировке в КНР сотрудников Института по проблемам малочисленных народов Севера / <http://ilin.sakhaopenworld.org/2004-6/28/htm>.

⁴⁵ *Давидов Д.А.* Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Таонань-фу). Владивосток, 1911. С. 69–75.

⁴⁶ *Абеленцев В.Н.* Силуэты амурских атаманов: Генерал Е.Г. Сычев // К 80-летию окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2002. С. 56–58; *Амурская казачья эмиграция в Маньчжурии (1918–1945)* / http://kazakforum.jino-net.ru/history_amur_13.htm.

⁴⁷ *Лазарева С.И.* Российская эмиграция в Китае между двумя мировыми войнами // *Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков.* Матер. междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 20–21.

⁴⁸ *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая... С. 139–140.

⁴⁹ Там же. С. 299.

⁵⁰ Приведены данные из работ: *Жао Ланлунь.* Общие сведения о проживавших в Харбине русских эмигрантах в период 1917–1931 гг. // *Бэйфан вэнью.* 2000. № 1. С. 81; *Лазарева С.И.* Российская эмиграция в Китае... С. 21.

⁵¹ Жао Ланлунь, основываясь на данных японского «Маньчжурского экономического ежегодника», приводит следующие цифры на 1927 г. – 25 637 чел., на 1929 г. – 26 704 чел. См.: *Жао Ланлунь.* Общие сведения... С. 81. По данным С.И. Лазаревой, численность советских граждан в 1929 г. составила 26 812 чел. См.: *Лазарева С.И.* Российская эмиграция в Китае... С. 21. По данным Генерального консульства в Харбине на 1 января 1929 г. советская колония в харбинском округе насчитывала 24 854 чел. (Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 100. Оп. 12. П. 15. Д. 13). На 1930 г. советская колония в харбинском округе составила 30 тыс. чел. (Там же. Оп. 13. П. 160. Д. 2. Л. 57).

⁵² По данным Жао Ланлуна, в 1927 г. в Харбине насчитывалось белоэмигрантов – 30,3 тыс. чел., советских граждан – 27,3 тыс. чел., в 1929 г. – 30,4 и 26,7 тыс. чел.; в 1930 г. – 31,6 и 27,3 тыс. чел.; в 1931 г. – 34,5 и 27,6 тыс. чел. См.: *Жао Ланлунь.* Общие сведения... С. 81. На 1934 г. в Харбине насчитывалось 35,6 тыс. белоэмигрантов и 25 тыс. советских граждан. См.: *Ли Сингэн.* Фэнной фупин: эго цяо-минь цзай Чжунго (Ряска на ветру: российская эмиграция в Китае (1917–1945)). Пекин, 1997. На 1934 г. Ши Фан и др. приводят следующие данные: белоэмигрантов – 34,2 тыс., советских граждан – 20,8 тыс. чел. См.: *Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан.* Хаэрбин эяо ши (История русской эмиграции в Харбине). Харбин, 1998. С. 153.

- ⁵³ *Василенко Н.А.* Из истории формирования российского населения в Маньчжурии (1897–1917 гг.) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе... Кн. 2. С. 10; *Исторический обзор КВЖД.* 1896–1923. Харбин, 1923. С. 618–629.
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 8. П. 4. Д. 110. Л. 12.
- ⁵⁵ Там же. Л. 16 об.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Великая Маньчжурская империя: К 10-летию юбилею.* С. 105.
- ⁵⁸ *Исторический обзор КВЖД...* С. 618–629.
- ⁵⁹ *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая... С. 202.
- ⁶⁰ *Северная Маньчжурия...* С. 692.
- ⁶¹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 8. П. 4. Д. 110. Л. 16 об.
- ⁶² *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 66.
- ⁶³ *Серебрянников И.И.* Великий отход: Рассеивание по Азии белых русских армий, 1919–1923. Харбин, 1936. С. 212.
- ⁶⁴ Русское слово. Харбин, 1930. 14 февр.; и др.
- ⁶⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 8. П. 4. Д. 110. Л. 520.
- ⁶⁶ *Ван Чжичен.* Шанхай эяюши (История русской эмиграции в Шанхае). Шанхай, 1993. С. 84–86.
- ⁶⁷ Русское слово. 1930. 14 февр.; АВП РФ. Ф. 100. Оп. 15. П. 166. Д. 51.
- ⁶⁸ *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 38. Данные, приведенные М. Раевым, взяты из: *Simson J.H.* The Refugee Problem. Report of a Survey. London; New York; Toronto, 1939. P. 81–82.
- ⁶⁹ *Попов А.В.* Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 194–201.
- ⁷⁰ *Моисеев В.А.* Россия и Китай... С. 198.
- ⁷¹ Там же. С. 198.
- ⁷² Там же. С. 295.
- ⁷³ *Комиссарова Е.Н.* Белогвардейская эмиграция в Синьцзяне... С. 135.
- ⁷⁴ Там же. С. 171.
- ⁷⁵ *Петров В.И.* Мятежное «сердце» Азии: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 451.
- ⁷⁶ *Народности* в Синьцзяне, не относящиеся к тюркской группе (дауры, таджики, русские) / <http://ru1.chinabroadcast.cn/1/2005/04/10/1@61431.htm>.
- ⁷⁷ *Мендикулова Г.М.* Исторические судьбы... С. 83.
- ⁷⁸ *Сыроежкин К.Л.* Казахи в КНР: Очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы, 1994. С. 87.
- ⁷⁹ *Брук С.И.* Этнический состав в Синьцзянском уйгурском автономном районе // Сов. этнография. 1956. № 2. С. 92.
- ⁸⁰ *Бармин В.А.* Из истории миграционных процессов в приграничных районах Среднеазиатских советских республик и Синьцзяна в 30–40-е гг. XX в. //

Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. Барнаул, 2002. С. 130.

⁸¹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 123.

⁸² *Татары в Китае* / http://ymyt.com/ru/1/95_1.shtml.

⁸³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 30. П. Д. 34. Л. 1.

⁸⁴ *Монгуш М.В.* Тувинцы Монголии и Китая: этнодисперсные группы (история и современность). Новосибирск, 2002. С. 21–22; Центральный государственный архив Республики Тыва (ЦГА РТ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 479. Л. 35.

⁸⁵ С 1922 г. по август 1925 г. въехало 1 773 чел. (Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-364. Оп. 6. Д. 1. Л. 56).

⁸⁶ *Кабузан В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). СПб., 1996. С. 231.

⁸⁷ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36001. Л. 11–11об.

⁸⁸ *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.* М., 1923. Ст. 2.

⁸⁹ *Собрание законов СССР.* 1924. Ст. 202.

⁹⁰ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 7. П. 105. Д. 3. Л. 710.

⁹¹ Там же. Оп. 9. П. 119. Д. 40. Л. 55.

⁹² Там же. Оп. 11. П. 143. Д. 93. Л. 36, 40 и др.

⁹³ Там же. Оп. 12. П. 15. Д. 13. Л. 1.

⁹⁴ Там же. Оп. 14. П. 16. Д. 2. Л. 61.

⁹⁵ Там же. Л. 62.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ *Собрание узаконений...* 1921. Ст. 578.

⁹⁸ *Собрание узаконений...* 1922. Ст. 646.

⁹⁹ *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости: Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. М., 1991. С. 157.

¹⁰⁰ АВП РФ. Ф. 308. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 65; Ф. 100. Оп. 15. П. 166. Д. 51. Л. 2.

¹⁰¹ *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости... С. 118.

¹⁰² *Собрание узаконений...* 1921. Ст. 611.

¹⁰³ АВП РФ. Ф. 2. Оп. 9. П. 117. Д. 14. Л. 24.

¹⁰⁴ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 36. Л. 25.

¹⁰⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 8. П. 11. Д. 8. Л. 3.

¹⁰⁶ Там же. Л. 192.

¹⁰⁷ Там же. П. 6. Д. 16. Л. 36.

¹⁰⁸ Там же. Л. 22, 24.

¹⁰⁹ Там же. Л. 700.

¹¹⁰ Там же. П. 11. Д. 8. Л. 220, 225.

¹¹¹ *Комиссарова Е.Н.* Белогвардейская эмиграция... С. 105; АВП РФ. Ф. 2. Оп. 4. П. 102. Д. 6. Л. 8, 44.

¹¹² *Собрание узаконений...* 1924. Ст. 508.

- ¹¹³ АВП РФ. Ф. 2. Оп. 9. П. 117. Д. 14. Л. 96.
- ¹¹⁴ Комиссарова Е.Н. Белогвардейская эмиграция... С. 105; АВП РФ. Ф. 2. Оп. 9. П. 117. Д. 14. Л. 24.
- ¹¹⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 547–548.
- ¹¹⁶ Национальный архив Республики Бурятия (НА РБ). Ф. 278. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–1 об; Ф. 30. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
- ¹¹⁷ Аблажей Н.Н. Эмиграция бурят в Монголию и реэмиграция в 1920-е годы // Вестник НГУ. Новосибирск, 2005. Сер.: история, филология. Т. 4. Вып. 2. С. 71–76.
- ¹¹⁸ Фельштинский Ю. К истории нашей закрытости... С. 67.
- ¹¹⁹ Там же. С. 111.
- ¹²⁰ Там же. С. 112.
- ¹²¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 206. Д. 24. Л. 1.
- ¹²² ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1090. Л. 1–2 об.
- ¹²³ Там же. Д. 1091. Л. 18–20.
- ¹²⁴ Там же. Д. 1090. Л. 1–2 об.
- ¹²⁵ Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 474. Оп. 1. Д. 85. Л. 211.
- ¹²⁶ Там же. Д. 122. Л. 180, 200.
- ¹²⁷ Там же. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 92. Л. 111–117.
- ¹²⁸ ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 53.
- ¹²⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3601. Л. 234–235.
- ¹³⁰ Там же; НАРБ. Ф. 248. Оп. 1 с. Д. 334. Л. 1.
- ¹³¹ НАРБ. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 414. Л. 64; Д. 65. Л. 52.
- ¹³² Под грифом секретности: Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928–1957 гг. Усть-Каменогорск, 1998. С. 23 (Постановление СНК Казахской АССР о мерах по борьбе с нелегальными откочевками кулацко-байских хозяйств из пограничных районов в Китай от 3 апреля 1930 г.).
- ¹³³ Жеребцов Г.А. Крестьянские восстания в Забайкалье: Конец двадцатых – начало тридцатых годов двадцатого столетия. Чита, 2005: *Он же*. Борзинское эмиграционное движение в 1925–1926 годах // Народы Забайкалья: возрождение и развитие: Сб. мат. науч. конф. Чита. 1997. С. 51–52.
- ¹³⁴ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918–1920). М., 1964. С. 133.
- ¹³⁵ УВэньсянь, Чжан Сюань. Хоэрватэ юй чжундун телу (Хорват и КВЖД). Чанчунь, 1993. С. 147.
- ¹³⁶ Катица М.С. Советско-китайские отношения. М., 1958. С. 83.
- ¹³⁷ Документы внешней политики... М., 1959. Т. 3. С. 216.
- ¹³⁸ Ли Сингэн. Ряска на ветру... С. 66.
- ¹³⁹ Северная Маньчжурия... С. 41.
- ¹⁴⁰ Ли Сингэн. Ряска на ветру... С. 75–76; Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД. Харбин, 1927. С. 39–40.

- ¹⁴¹ Ли Сингэн. Ряска на ветру... С. 77–78.
- ¹⁴² Там же. С. 78.
- ¹⁴³ Там же. С. 81.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 72.
- ¹⁴⁵ Новости жизни. Харбин, 1926, 31 марта; Политехник. Сидней, 1979. № 10. С. 193–194.
- ¹⁴⁶ Справочник по Северной Маньчжурии... С. 21–22.
- ¹⁴⁷ Ли Сингэн. Ряска на ветру... С. 74.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 9. П. 119. Д. 40. Л. 301.
- ¹⁵⁰ Вопрос о распространении действия на территории Китая Женевской конвенции 1928 г. поднимался русской колонией перед представителями Лиги Наций и правительством Китая неоднократно. В 1932 г. во время встречи представителей Харбинского комитета помощи русским беженцам с уполномоченным Лиги Наций Р. Киси, проводшим консультации по этому вопросу с правительством Китая, тот заявил, что Китай не планирует введение нансеновских паспортов (Заря. Харбин, 1932. 18 мая). О результатах визита представителя Лиги Наций было доложено руководству СССР (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 16. П. 31. Д. 13. Л. 160).
- ¹⁵¹ Комиссарова Е.Н. Белогвардейская эмиграция... С. 170.
- ¹⁵² Ван Чжичен. История русской эмиграции... С. 77.
- ¹⁵³ Раев М. Россия за рубежом... С. 235.
- ¹⁵⁴ См.: Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.

Глава 2. ЭВОЛЮЦИЯ ЭМИГРАНТСКОГО СООБЩЕСТВА (КОНЕЦ 20-Х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 40-Х ГОДОВ)

¹ Обвинения в подрывной работе выдвигались неоднократно. С ними связан, в частности, обыск советского посольства в Пекине в 1927 г. (см.: *Huston J.C. Bolshevik Activities in China. Some Documents seized in the Soviet Military Attaches Office at Peking on April 6, 1927.* P. 12). В отношении обыска консульства в Харбине, проведенного 27 мая 1929 г., 28 мая были даны официальные разъяснения (см.: *Великая Маньчжурская империя: К десятилетию существования.* Харбин, 1942. С. 268).

² Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 100. Оп. 12. П. 15. Д. 13. Л. 1–2.

³ Эта цифра названа в ноте от 13 июля 1929 г. (см.: *Документы внешней политики СССР.* М., 1967. Т. 12. С. 380–382; Красное знамя. Владивосток, 1929. 16 июля).

⁴ Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 7. Д. 111. Л. 25.

⁵ Там же. Д. 101. Л. 12.

- ⁶ Жао Ланьлунь. Общие сведения о проживающих в Харбине русских эмигрантах в период 1917–1931 гг. // Бэйфан вэньу. Харбин, 2000. № 1. С. 81–86.
- ⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 112. Л. 330.
- ⁸ Галенович Ю.М. «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений. М., 1992. Т. 2, кн. 1. С. 106–107.
- ⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 101. Л. 12; Д. 112. Л. 85.
- ¹⁰ Там же. Д. 112. Л. 360.
- ¹¹ Там же. Д. 111. Л. 13.
- ¹² Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3601. Л. 141.
- ¹³ Там же. Л. 336, 339 и др.
- ¹⁴ Красное знамя. Владивосток, 1929. 10 авг.; 20 авг.
- ¹⁵ Известия. 1929. 17 окт.; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 112. Л. 321 об.
- ¹⁶ Русское слово. Харбин, 1929. 15 сент.; Известия. 1929. 17 окт.; и др.
- ¹⁷ Известия. 1929. 8 окт.
- ¹⁸ Известия. 1929. 7 дек.
- ¹⁹ Сов. Сибирь. Новосибирск, 1929. 2 нояб.
- ²⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 112. Л. 222.
- ²¹ Красная звезда. 1929. 6 окт.; 12 окт.
- ²² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 101. Л. 8, 13.
- ²³ Руль. Берлин, 1929. 17 дек.
- ²⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 11. Л. 13.
- ²⁵ Там же. Д. 112. Л. 374.
- ²⁶ Там же. Д. 111. Л. 137.
- ²⁷ Балакиш П.П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк, 1958. Т. 1. С. 157.
- ²⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 111. Л. 124; см. также: Красное знамя. 1929. 4 дек.
- ²⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 111. Л. 124.
- ³⁰ Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 75. Оп. 1. Д. 1005. Л. 57–58.
- ³¹ Красное знамя. 1929. 24 нояб.
- ³² Писаревская Я.Л. Две России в Маньчжурии // Новый исторический вестник. М., 2000. № 2 / http://www.nivestnik.ru/2000_2/4.shtml.
- ³³ Рупор. Харбин, 1935. 4 июля.
- ³⁴ ГАЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 590. Л. 102; Д. 1005. Л. 3.
- ³⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 600. Л. 67.
- ³⁶ Сов. Сибирь. 1929. 24 дек.
- ³⁷ ГАЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 1005. Л. 58.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 13. П. 156. Д. 2. Л. 63–64.
- ³⁹ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений с Китаем, 1917–1974. М., 1977. С. 112.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 15. Д. 53. Доклады консульств в Цицикаре и Пограничной (б/н); Оп. 18. П. 39. Д. 18. Л. 22.

⁴¹ Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан. Хаэрбин эцяо ши (История русской эмиграции в Харбине). Харбин, 1998. С. 153.

⁴² АВП РФ. Ф. 100. Оп. 18. П. 40. Д. 28. Статья из газеты «Харбин Симбун» от 30 авг. 1934 г. (б/н).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Харбинское время. Харбин, 1934. 27 авг.

⁴⁵ Заря. Харбин, 1935. 14 марта.

⁴⁶ Рупор. Харбин, 1935. 11 янв.; 20 февр.

⁴⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 1071. Л. 94.

⁴⁸ Там же. Д. 1056. Л. 107; см. также: Правда. 1935. 15 марта.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1056. Л. 107, 111.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 11. Д. 13. План эвакуации от 18 апр. 1935 г. (б/н).

⁵¹ ГАЧО. Ф. Р-604. Оп. 29. Д. 76. Л. 265.

⁵² Там же. Д. 78. Л. 58.

⁵³ Сов. Сибирь. 1935. 10 апр.; 14 апр.

⁵⁴ Отпор. 1935. 8 апр.

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 15. Д. 13. Сообщение от 28 марта 1935 г. (б/н).

⁵⁶ Между Россией и Сталиным. Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 34–35.

⁵⁷ Там же. С. 36.

⁵⁸ Между Россией и Сталиным... С. 42; Рупор. 1935. 4 июля.

⁵⁹ Заря. 1936. 2 мая; 21 июля.

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 15. Д. 53. Доклад консульства на ст. Пограничная за первую половину 1935 г. (б/н).

⁶¹ Там же. Оп. 2. П. 11. Д. 13. Сообщение М.М. Славущкого от 29 апреля 1935 г. (б/н).

⁶² Рупор. 1935. 24 марта.

⁶³ АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 15. Д. 53. Доклад консульства на ст. Пограничная за первую половину 1935 г. (б/н).

⁶⁴ Там же. Оп. 2. П. 11. Д. 13. Сообщение от 18 мая 1935 г. (б/н).

⁶⁵ «Служить Родине приходится костями...»: Дневник Н.В. Устрялова, 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5–6. С. 3–100; АВП РФ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 13. Сообщение в НКВД от М.М. Славущкого от 18 мая 1935 г. (б/н).

⁶⁶ Число репатриантов, отбывших со ст. Маньчжурия на ст. Отпор, см. в АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 11. Д. 13: 19 мая, эшелон № 1 – 200 чел.; 30 мая, № 10 – 127 чел.; 2 июня, № 12 – 328 чел.; 3 июня, № 13 – 341 чел.; 4 июня, № 14 – 213 чел.; 5 июня, № 15 – 164 чел.; 9 июня, № 16 – 174 чел.; 10 июня, № 18 – 257 чел.; 11 июня, № 20 – 255 чел.; 13 июня, № 22 – 256 чел.; 14 июня, № 23 – 254 чел.; 16 июня, № 23 – 245 чел.; 18 июня, № 28, – 331 чел.; 19 июня, № 29 – 178 чел., № 30 – 287 чел.; 20 июня, № 31 – 305 чел., № 32 – 213 чел., по другим данным – 338 чел.; 21 июня, № 33 –

264 чел., № 34 – 213 чел.; 22 июня, № 35 – 135 чел., № 36 – 288 чел.; 23 июня, № 37 – 277 чел.; 25 июня, № 41 – 239 чел.; 26 июня, № 42 – 187 чел., № 43 – 213 чел.; 27 июня, № 44 – 310 чел.; 28 июня, № 45 – 340 чел.; 29 июня, № 46, 47 – 431 чел.; 30 июня, № 45 – 340 чел.; 3–4 июля, № 55, 56 – 461 чел.; 5 июля, № 57 – 207 чел.; 6 июля, № 58 – 251 чел.; 7 июля, № 59 – 306 чел.; 8 июля, № 60 – 308 чел.; 9–10 июля, № 61 – 304 чел., № 62 – 246 чел., № 63 – 251 чел.; 15 июля, № 70 – 248 чел.; 13 июля, № 66 – 286 чел., № 67 – 202 чел.; 14 июля, № 68 – 222 чел., № 69 – 219 чел.; 16 июля, № 72 – 308 чел.; 18 июля, № 73 – 208 чел.; 19 июля, № 74 – 194 чел.

⁶⁷ Известия. 1935. 5 июля.

⁶⁸ АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 11. Д. 13. Сведения от 31 июля 1935 г. (б/н).

⁶⁹ Ли Сингэн. Фэньюй фулин: эго цяоминь цзай Чжунго (Ряска на ветру: российская эмиграция в Китае (1917–1945)). Пекин, 1997. С. 111.

⁷⁰ Заря. 1935. 23 авг.

⁷¹ АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 11. Д. 7. Л. 12.

⁷² Там же. П. 15. Д. 53. Доклад консульства ст. Пограничная за первую половину 1935 г. (б/н).

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1056. Л. 112.

⁷⁴ АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 11. Д. 13. Распоряжение главного таможенного управления от 25 марта 1935 г. (б/н).

⁷⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1056. Л. 107, 111.

⁷⁶ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 215. Л. 26.

⁷⁷ Там же. Л. 3, 5, 9–10.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1071. Л. 95.

⁷⁹ ГАНУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2559. Л. 26.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1071. Л. 94.

⁸¹ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 495. Л. 2.

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1076. Л. 61.

⁸³ Там же. Д. 1073. Л. 77.

⁸⁴ АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 11. Д. 13. Сообщение из газеты «Заря» от 23 авг. 1935 г. (б/н).

⁸⁵ Там же. Информация ТАСС от 29 авг. 1935 г.; сообщение из газеты «Кочуцу» от 26 авг. 1935 г. (б/н).

⁸⁶ Заря. 1936, 26 июня.

⁸⁷ См. подробнее: *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. С. 292.

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 12. П. 15. Д. 13. Л. 115.

⁸⁹ Заря. 1936. 15 мая.

⁹⁰ *Жао Ланлунь.* Общие сведения... С. 81–86.

⁹¹ Заря. 1938. 22 июля.

⁹² Заря. 1938. 15 мая – 12 нояб.

⁹³ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36708. Л. 2.

⁹⁴ *Лазарева С.И.* Российская эмиграция в Китае между двумя мировыми войнами: динамика, численность и состав // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков: Мат. междунар. науч.-практ. конф. Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 23.

⁹⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36001. Л. 11–11об.

⁹⁶ Там же. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. Воспоминания В. Серебрякова «Полжизни в эмиграции: Воспоминания о далеком прошлом». Ч. 2. С. 164. Л. 9.

⁹⁷ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 22. Д. 19. Л. 1–3.

⁹⁸ *Сладковский М.И.* История торгово-экономических... С. 139.

⁹⁹ Там же. С. 140–141.

¹⁰⁰ *По дорогам Китая, 1937–1945: Воспоминания советских военных советников и специалистов.* М., 1989. С. 24.

¹⁰¹ *На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945.* М., 1977. С. 9.

¹⁰² *Калягин А.Я.* Битва за Ухань // На китайской земле... С. 186.

¹⁰³ *Слюсарев С.В.* В воздушных боях над Китаем // На китайской земле... С. 196.

¹⁰⁴ *На китайской земле...* С. 246–247.

¹⁰⁵ ГАНУ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 72; Государственная архивная служба Республики Алтай (ГАСРА). Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 4; см. также: *Молоков И.Е.* Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну // Китай в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг. Омск, 1991. С. 82; *Комиссарова Е.Н.* Белогвардейская эмиграция в Синьцзяне в 1920–1935 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. С. 59.

¹⁰⁶ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1392. Оп. 3. Д. 3. Л. 4, 112, 130 и др.

¹⁰⁷ ГАНУ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 140. Л. 1, 177.

¹⁰⁸ АУФСБ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П.-17711. Л. 6.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 364. Оп. 6. Л. 39.

¹¹⁰ Государственный архив Красноярского Края (ГАКК). Ф. Р-2400. Д. П-7241. Л. 14.

¹¹¹ АУФСБ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-7876. Л. 42.

¹¹² Там же. Д. П-19890. Л. 8.

¹¹³ ГАКК. Ф. Р-2400. Д. П-7128. Л. 3.

¹¹⁴ *Дело о «китайско-японских шпионах» // Забвению не подлежит: Книга памяти жертв политических репрессий Омской области.* Омск, 2001. Т. 2. С. 379.

¹¹⁵ *Заговор, которого не было // Забвению не подлежит...* Омск, 2001. Т. 3. С. 29–34.

¹¹⁶ Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 июня 1938 г. в связи со «вскрытием контрреволюционного повстанческого подполья» в Западной Сибири была создана Тройка УНКВД по Западно-Сибирскому краю, на которую возлагалась задача внесудебного преследования лиц, арестованных в рамках данной акции. Именно «ровсовская тройка» стала прообразом троек, сформированных по приказу № 00447 от 30 июня 1937 г.

¹¹⁷ По данным Н.Г. Охотина и А.Б. Рогинского, в ходе «ровсовской операции» в Новосибирской области и Алтайском крае к августу 1938 г. было осуждено 29 528 чел., из них расстреляно – 24 853 чел. (84,3%), заключено в ИТЛ – 4 675 чел. (15,8%). См.: *Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы.* М., 2004, Т. 5, кн. 1. С. 597.

¹¹⁸ *Аблажей Н.Н.* РОВС и енисейское казачество // Гум. науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. Новосибирск, 2004. № 2. С. 84–87; «...И казаков расстреливали» // Забвению не подлежит. Книга памяти... Омск, 2003. Т. 7. С. 33–35; Государственный архив Республики Хакасия (ГАРХ). Ф. 674 с. Оп. 1 а. Д. 11266. Л. 108; Д. 9332, 10899; АУФСБ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-9882, 9390, 12607, 17964 и др.

¹¹⁹ АУФСБ по Читинской области («Докладная записка о выполнении оперативных приказов НКВД СССР» начальника НКВД по Читинской области Хорхорина от 2 янв. 1938 г.

¹²⁰ ГАНО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 109. Л. 718.

¹²¹ *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР.* 1927. Ст. 624–625.

¹²² ГАНО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 109. Л. 719.

¹²³ ГАКК. Ф. Р-2400. Д. П-6752. Л. 492.

¹²⁴ *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. / <http://www.memo.ru/history/POLAcy/00485art.htm>.

¹²⁵ *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция»...

¹²⁶ Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 112–112 об.

¹²⁷ *Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.* М., 1927. № 49. Ст. 330.

¹²⁸ *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры: Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. С. 49.

¹²⁹ ГАНО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 109. Л. 597.

¹³⁰ ГААО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 116. Л. 74; Д. 224. Л. 15.

¹³¹ Там же. Д. 355. Л. 71.

¹³² *Полян П.* Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 86.

¹³³ *Книга памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье.* Чита, 2000. Т. 1. С. 9; ГАЧО. Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 417. Л. 20.

¹³⁴ *Книга памяти жертв...* С. 114.

¹³⁵ Подсчитано по: *Книга памяти жертв...* С. 12, 41, 56, 114, 156, 168.

¹³⁶ См. подробнее: *Аблажей Н.Н.* Высылка из погранполосы Читинской области в ходе массовых операций 1937–1938 гг. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 1 (доп.). С. 78–82.

¹³⁷ ГАЧО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 381. Л. 115.

¹³⁸ Там же. Л. 8.

¹³⁹ Там же. Д. 383. Л. 49.

¹⁴⁰ *Полян П.* Не по своей воле... С. 92.

¹⁴¹ *Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940:* В 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 765.

¹⁴² *Политбюро и крестьянство...* Кн. 1. С. 254 (Справка заведующего информационным сектором Казахстанского крайкома ВКП(б) Н. Беспалова «О самовольном переселении в Казахстан из Сибирского края»).

¹⁴³ Отдел хранения спецдокументов Государственной архивной службы Республики Алтай (ОХСД ГАСРА). Ф. Р-37. Оп. 1 Д. 650. Т. 2. Л. 40, 61–62, 77.

¹⁴⁴ *Под грифом секретности: Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Реэмиграция. 1928–1957 гг.* Усть-Каменогорск, 1998. С. 66 (Справка Особого отдела ПП ОГПУ по Казахстану о разоблачении контрреволюционной националистической организации «Оншил-Ултшил-Уюм» в Тарбагатайском районе).

¹⁴⁵ *История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР.* М., 2002. С. 41.

¹⁴⁶ *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту: Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань, 1999. С. 23.

¹⁴⁷ АУФСБ по Новосибирской области. Д. П-6510. Т. 28. Л. 71, 118, 271, 380 и др. (частично информация предоставлена А.Г. Тепляковым).

¹⁴⁹ Сов. Сибирь. 1935. 18 июля.

¹⁵⁰ *Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ.* 1917–1991: Справочник. М., 2003. С. 561–567.

¹⁵¹ Правда. 1937. 9–10 июля.

¹⁵² Полный текст приказа № 00593 см.: Мемориал-Аспект. 1993. № 1(3), июль.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция»... Непосредственно к харбинцам редко применялась ссылка. Так, общая численность высланных, осужденных по приказу № 00593, в целом по СССР на середину сентября 1938 г. составила всего 55 чел. (см.: *Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А.* Массовые операции 1937–1938 гг. (статистические аспекты): Данные по материалам ведомственной статистики НКВД СССР. М., 2007 (рукопись)).

¹⁵⁶ Мемориал-Аспект. 1993. № 1(3), июль.

¹⁵⁷ *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту... С. 130–131.

¹⁵⁸ АУФСБ по Красноярскому краю. Ф. 7. Д. П-9144. Л. 354.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ АУФСБ по Новосибирской области. Д. 5693. Т. 2. Л. 167–197.

¹⁶¹ *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту... С. 97, 120.

¹⁶² Свод законов СССР. 1934. № 33. Ст. 255.

¹⁶³ *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту... С. 199.

¹⁶⁴ *Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г.* / <http://www.idf.ru/2/7/shtml>.

¹⁶⁵ Мемориал-Аспект. 1993. № 1(3), июль; *Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А.* Массовые операции 1937–1938 гг. (статистические аспекты): Данные по материалам ведомственной статистики НКВД СССР. М., 2007 (рукопись).

¹⁶⁶ Репрессии в рамках «харбинской операции» по краям и областям РСФСР на 10 июля 1938 г.: Алтайский край – 1 334 чел., Дальневосточный – 842, Краснодарский – 151, Красноярский – 1 076, Орджоникидзевский – 73, Архангельская область – 40, Вологодская – 15, Воронежская – 282, Горьковская – 262, Ивановская – 103, Иркутская – 1 030, Калининская – 136, Кировская – 31, Куйбышевская – 335, Курская – 108, Ленинградская – 1 130, Московская – 1 296, Новосибирская – 1 982, Омская – 349, Оренбургская – 51, Орловская – 127, Ростовская – 287, Рязанская – 26, Саратовская – 122, Свердловская – 2 330, Смоленская – 82, Сталинградская – 437, Тамбовская – 115, Тульская – 144, Челябинская – 1 316, Читинская – 2 564, Ярославская – 70 чел. (см.: *Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А.* Массовые операции...).

¹⁶⁷ Репрессии в рамках «харбинской операции» по автономиям РСФСР на 10 июля 1938 г.: Башкирская АССР – 52 чел., Бурят-Монгольская – 24, Дагестанская – 15, Карельская – 23, Кабардино-Балкарская – 7, Калмыцкая – 2, Коми – 15, Крымская – 117, Марийская – 19, Мордовская – 253, Немцев Поволжья – 23 (на 20 февр. 1938 г.), Северо-Осетинская – 3, Татарская – 104, Удмуртская – 229, Чечено-Ингушская – 111, Чувашская – 45, Якутская АССР – 30 чел. (см.: *Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А.* Массовые операции...).

¹⁶⁸ Репрессии в рамках «харбинской операции» по союзным республикам СССР на 10 июля 1938 г.: Казахская ССР – 1 661 чел., Украинская – 890, Киргизская – 35, Узбекская – 418, Грузинская – 125, Белорусская – 63, Азербайджанская – 73, Туркменская – 68, Таджикская – 26, Армянская ССР – 21 чел. (см.: *Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А.* Массовые операции...).

¹⁶⁹ *Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А.* Массовые операции...

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту... С. 95.

¹⁷² Там же. С. 122, 130.

¹⁷³ С 5 мая 1936 г. по 15 сент. 1943 г. Забайкальская железная дорога называлась «Дорога В.М. Молотова».

¹⁷⁴ ГАЧО. Ф. П-3. Оп. 1 Д. 137. Л. 199–124.

¹⁷⁵ *Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А.* Массовые операции...

¹⁷⁶ *Степанов А.Ф.* Расстрел по лимиту... С. 133–139.

¹⁷⁷ Государственный общественно-политический архив Пермской области (ГОПАПО). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12226 и др.

¹⁷⁸ Там же. Д. 16093. Л. 15.

¹⁷⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 21972, 29202, 39729, 32681, 16632 и др.

¹⁸⁰ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16093. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 30912.

¹⁸¹ ОХСД ГАСРА. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 528. Т. 1. Л. 107.

¹⁸² Довольно часто встречаются комбинации, когда при формировании шпионской группы в делах на харбинцев упоминаются «шпионы» других государств.

Так, в деле харбинца В.Ф. Добровлянского мы встречаем указания не только на японскую, но и на итальянскую, польскую и норвежскую разведки (ОХСД ГАСРА. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 482).

¹⁸³ *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция»...

¹⁸⁴ Луч Азии. Харбин, 1939. № 53/1.

¹⁸⁵ См. подробнее: *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российская эмиграция в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999. С. 218–222.

¹⁸⁶ Время. Харбин, 1944. 1 авг.

¹⁸⁷ Луч Азии. Харбин, 1935. № 7.

¹⁸⁸ Время. 1935. 5 нояб.; 11 нояб.

¹⁸⁹ *Лазарева С.И.* Российская эмиграция в Китае... С. 21.

¹⁹⁰ *Захарова Г.Ф.* Политика Японии в Маньчжурии, 1932–1945. М., 1990. С. 58.

¹⁹¹ *Худобородов А.Л.* Казачья эмиграция // История казачества Азиатской России. Т. 3: XX век. Екатеринбург, 1995. С. 186.

¹⁹² *Тюнин М.С.* Казачьи издания в Маньчжурии: Библиогр. очерк // Вестник казачьей выставки в Харбине. Харбин, 1943. С. 157.

¹⁹³ Время. 1944. 14 сент.

¹⁹⁴ Время. 1944. 12 сент.

¹⁹⁵ Заря. 1938. 11 мая.

¹⁹⁶ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 67.

¹⁹⁷ Луч Азии. 1940. № 66/2.

¹⁹⁸ Время. 1945. 23 янв.

¹⁹⁹ Луч Азии. 1935. № 13.

²⁰⁰ Время. 1945. 13 мая.

²⁰¹ Заря. 1938. 2 мая.

²⁰² АВП РФ. Ф. 100 б. Оп. 2. П. 11. Д. 10. Бюллетень ТАСС от 10 авг. 1935 г. (6/н).

²⁰³ Заря. 1936. 12 июня.

²⁰⁴ Время. 1944. 29 сент.

²⁰⁵ Луч Азии. 1942. № 90/2.

Глава 3.

АЗИАТСКИЙ ВЕКТОР РЕПАТРИАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СССР (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 40-х ГОДОВ)

¹ *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 509.

² Решения СНК от 6 января 1945 г. № 30-12с «Об организации приема и распределения репатриированных граждан СССР» и № 31-13с «О порядке репатриации пленных союзников и интернированных граждан».

³ *Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. 1944–1956 гг. // СОЦИС. 1995. № 6. С. 7; *Он же.* Репатриация перемещенных

советских граждан // Война и общество, 1941–1945: В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севастьянов; Ин-т российской истории. М., 2004. Кн. 2. С. 345.

⁴ Полян П.М. Жертвы двух диктатур... С. 334.

⁵ Там же. С. 507.

⁶ Там же. С. 381.

⁷ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 148. Л. 76; Д. 176. Л. 30–38; Ф. 5446. Оп. 51 а. Д. 5210. Л. 3. См. также: Бармин В.А. Роль советского фактора в формировании коалиционного правительства Синьцзяна в 1946 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие культур. Барнаул, 2001. С. 40.

⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50 а. Д. 3927. Л. 1–6.

⁹ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 37.

¹⁰ Количество репатрированных из числа бывших эмигрантов, въехавших и поставленных на учет Отделом по репатриации и реэвакуации советских граждан Переселенческого управления при Совете министров РСФСР, составило на 1949 г. 10 541 чел., в том числе въехавших в 1947 г. из Китая – 5 960 чел., въехавших из Франции – 1 317 чел., из которых в 1946 г. въехал 271 чел., в 1947 г. – 936, в 1948 г. – 87, в 1949 г. – 23 чел., въехавших в 1947 г. из Румынии – 3 175 чел., въехавших в 1948 г. из ЧСР – 89 чел. (ГАРФ. Ф. 327. Оп. 3. Д. 5 с. Л. 1, 3–4; Ф. 5446. Оп. 50 а. Д. 6723. Л. 16; Д. 4001. Л. 4–6).

¹¹ Полян П.М. Жертвы двух диктатур... С. 516.

¹² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 3. Д. 5 с. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 5446. Оп. 50 а. Д. 6723. Л. 16.

¹⁴ Там же. С. 352.

¹⁵ Там же. С. 373–374.

¹⁶ Нитобург Э.Л. Русская эмиграция в США в зеркале американской статистики // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 103; См. также: Нитобург Э.Л. Русская эмиграция в США. М., 2004.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 3. Д. 2. Л. 4 и др.

¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. 12 нояб.; 1946. 30 янв.; 1946. 30 апр.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 63.

²⁰ Там же. Оп. 34. П. 257. Д. 531. Л. 27, 50.

²¹ Там же. Л. 49–51.

²² Там же. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 59; Оп. 40 а. П. 266. Д. 38. Л. 72; Оп. 52. Д. 30. Л. 58.

²³ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 30.

²⁴ ГААОСО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. Воспоминания В.Серебрякова «Полжизни в эмиграции. Воспоминания о далеком прошлом». С. 71.

²⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 257. Д. 531. Л. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 122–125.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 58.

³⁰ Там же. Оп. 40 а. П. 266. Д. 38. Л. 35.

³¹ Брук С.И. Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики // Сов. этнография. 1956. № 2. С. 91; Современный Синьцзян и его место в казахстано-китайских отношениях / Под ред. К.Л. Сыроежкина. Алматы, 1997. С. 98.

³² АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 58.

³³ Ковтун-Станкевич А.И. Комендант Мукдена // На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М., 1977. С. 427.

³⁴ ГАКО. Ф. 1243. Картотека.

³⁵ Русаков Р. Дыхание драконов: Россия, Китай и евреи. М., 1995 / <http://www.rus-sky.org/history/library/rusakov/1.htm>.

³⁶ Еврейские беженцы: Сибирь, Литва, Кюрасао, Китай – Израиль? / <http://www.sem40.ru/ourpeople/history/5287/>.

³⁷ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 65; Оп. 41. Д. 38. Л. 13–18.

³⁸ ГААОСО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. Воспоминания В.Серебрякова «Полжизни в эмиграции. Воспоминания о далеком прошлом». С. 265–281.

³⁹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 60–61; Оп. 34. П. 254. Д. 35. Л. 17–28.

⁴⁰ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений с Китаем, 1917–1974. М., 1977. С. 165.

⁴¹ Омельченко О.А. Социально-экономическая история Синьцзяна (1949–1978 гг.). Барнаул, 2002. С. 33–34.

⁴² После окончания Второй мировой войны СССР восстановил свои позиции на северо-востоке Китая, вернув СМЖД (которая по соглашению от 14 августа 1945 г. поступила в совместное управление СССР и Китая). Все магистрали СМЖД и ЮМЖД объединили в Китайско-Чанчуньскую железную дорогу (КЧЖД), находившуюся под совместным управлением.

⁴³ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6 сч. Д. 540. Л. 88.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41. П. 277. Д. 38. Л. 18.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6 сч. Д. 540. Л. 99.

⁴⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33365. Л. 108. См. также: Русские эмигранты на службе Квантунской армии: Справка 1-го управления НКВД о Русском военном отряде в Ханьдаохэцзы. Доклад эмигранта Ч. о прохождении службы в Русском воинском отряде на Сунгари-2 // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 60–63.

⁴⁷ У.Г. Гармаев Военной коллегией Верховного суда СССР 1 марта 1947 г. был приговорен к расстрелу.

⁴⁸ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 248.

⁴⁹ В том числе генералы Д.Ф. Семенов, К.П. Нечаев, Токмаков, Шулькевич, М.В. Ханжин. См.: Шишов А.В. Россия и Япония: История военных конфликтов. М., 2001. / militera.lib.ru/h/shihsov_av/index.html.

советских граждан // Война и общество, 1941–1945: В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севастьянов; Ин-т российской истории. М., 2004. Кн. 2. С. 345.

⁴ Полян П.М. Жертвы двух диктатур... С. 334.

⁵ Там же. С. 507.

⁶ Там же. С. 381.

⁷ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 148. Л. 76; Д. 176. Л. 30–38; Ф. 5446. Оп. 51 а. Д. 5210. Л. 3. См. также: Бармин В.А. Роль советского фактора в формировании коалиционного правительства Синьцзяна в 1946 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие культур. Барнаул, 2001. С. 40.

⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50 а. Д. 3927. Л. 1–6.

⁹ Земсков В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 37.

¹⁰ Количество репатриированных из числа бывших эмигрантов, въехавших и поставленных на учет Отделом по репатриации и реэвакуации советских граждан Переселенческого управления при Совете министров РСФСР, составило на 1949 г. 10 541 чел., в том числе въехавших в 1947 г. из Китая – 5 960 чел., выехавших из Франции – 1 317 чел., из которых в 1946 г. въехал 271 чел., в 1947 г. – 936, в 1948 г. – 87, в 1949 г. – 23 чел., въехавших в 1947 г. из Румынии – 3 175 чел., въехавших в 1948 г. из ЧСР – 89 чел. (ГАРФ. Ф. 327. Оп. 3. Д. 5 с. Л. 1, 3–4; Ф. 5446. Оп. 50 а. Д. 6723. Л. 16; Д. 4001. Л. 4–6).

¹¹ Полян П.М. Жертвы двух диктатур... С. 516.

¹² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 3. Д. 5с. Л. 1.

¹³ Там же. Ф. 5446. Оп. 50 а. Д. 6723. Л. 16.

¹⁴ Там же. С. 352.

¹⁵ Там же. С. 373–374.

¹⁶ Нитобург Э.Л. Русская эмиграция в США в зеркале американской статистики // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 103; См. также: Нитобург Э.Л. Русская эмиграция в США. М., 2004.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 3. Д. 2. Л. 4 и др.

¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. 12 нояб.; 1946. 30 янв.; 1946. 30 апр.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 63.

²⁰ Там же. Оп. 34. П. 257. Д. 531. Л. 27, 50.

²¹ Там же. Л. 49–51.

²² Там же. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 59; Оп. 40 а. П. 266. Д. 38. Л. 72; Оп. 52. Д. 30. Л. 58.

²³ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 30.

²⁴ ГААОСО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. Воспоминания В.Серебрякова «Полжизни в эмиграции. Воспоминания о далеком прошлом». С. 261.

²⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 257. Д. 531. Л. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 122–125.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 58.

³⁰ Там же. Оп. 40 а. П. 266. Д. 38. Л. 35.

³¹ Брук С.И. Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики // Сов. этнография. 1956. № 2. С. 91; Современный Синьцзян и его место в казахстано-китайских отношениях / Под ред. К.Л. Сыроежкина. Алматы, 1997. С. 98.

³² АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 58.

³³ Ковтун-Станкевич А.И. Комендант Мукдена // На китайской земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М., 1977. С. 427.

³⁴ ГАКО. Ф. 1243. Картотека.

³⁵ Русаков Р. Дыхание драконов: Россия, Китай и евреи. М., 1995 / <http://www.rus-sky.org/history/library/rusakov/1.htm>.

³⁶ Еврейские беженцы: Сибирь, Литва, Кюрасао, Китай – Израиль? / <http://www.sem40.ru/ourpeople/history/5287/>.

³⁷ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 65; Оп. 41. Д. 38. Л. 13–18.

³⁸ ГААОСО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. Воспоминания В.Серебрякова «Полжизни в эмиграции. Воспоминания о далеком прошлом». С. 265–281.

³⁹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34. П. 132. Д. 48. Л. 60–61; Оп. 34. П. 254. Д. 35. Л. 17–28.

⁴⁰ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений с Китаем, 1917–1974. М., 1977. С. 165.

⁴¹ Омельченко О.А. Социально-экономическая история Синьцзяна (1949–1978 гг.). Барнаул, 2002. С. 33–34.

⁴² После окончания Второй мировой войны СССР восстановил свои позиции на северо-востоке Китая, вернув СМЖД (которая по соглашению от 14 августа 1945 г. поступила в совместное управление СССР и Китая). Все магистрали СМЖД и ЮМЖД объединили в Китайско-Чанчуньскую железную дорогу (КЧЖД), находившуюся под совместным управлением.

⁴³ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6сч. Д. 540. Л. 88.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41. П. 277. Д. 38. Л. 18.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6сч. Д. 540. Л. 99.

⁴⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33365. Л. 108. См. также: Русские эмигранты на службе Квантунской армии: Справка 1-го управления НКВД о Русском военном отряде в Ханьдаохэцзы. Доклад эмигранта Ч. о прохождении службы в Русском воинском отряде на Сунгари-2 // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 60–63.

⁴⁷ У.Г. Гармаев Военной коллегией Верховного суда СССР 1 марта 1947 г. был приговорен к расстрелу.

⁴⁸ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 248.

⁴⁹ В том числе генералы Д.Ф. Семенов, К.П. Нечаев, Токмаков, Шулькевич, М.В. Ханжин. См.: Шишов А.В. Россия и Япония: История военных конфликтов. М., 2001. / militera.lib.ru/h/shihsov_av/index.html.

⁵⁰ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 248.

⁵¹ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2005. С. 139.

⁵² Маркизов Л. Это было полвека назад // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 5. С. 117–123.

⁵³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 55. П. 484. Д. 29. Л. 5.

⁵⁴ В соответствии с постановлением Совета министров СССР первыми из Китая в 1946 г. выехали сироты и дети малоимущих родителей – всего 235 чел. (по другим данным – 233 чел.). Первая группа (15 чел.) прибыла из Шанхая во Владивосток 9 марта 1946 г., вторая (59 чел.) – 10 апреля, третья (54 чел.) – 7 августа, четвертая (16 чел.) – 26 августа (отправлена в Свердловск), пятая (41 чел.) – 16 сентября (отправлена преимущественно в Читу), шестая (44 чел.) – 2 ноября, седьмая (6 чел.) – 20 ноября (ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 42. Л. 18–25; Ф. 5446. Оп. 50 а. Д. 4001. Л. 6; Новости дня. Шанхай, 1946. 24 дек.). Последняя группа детей (47 чел.) была переправлена из Шанхая во Владивосток на пароходе «Смольный» 30 октября 1947 г. (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34 а. П. 300. Д. 7. Л. 3).

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 40 а. П. 266. Д. 38. Л. 22.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Оп. 34 а. П. 300. Д. 7. Л. 4.

⁵⁸ Там же. Оп. 40 а. П. 266. Д. 38. Л. 75, 85.

⁵⁹ Там же. Оп. 41. П. 277. Д. 38. Л. 11. См также: Балакишин П.П. Финал в Китае. Сан-Франциско, 1959. Т. 2. С. 289–290.

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 41. П. 277. Д. 38. Л. 11.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. Оп. 34а. П. 300. Д. 7. Л. 11.

⁶³ Там же. Оп. 40а. П. 266. Д. 38. Л. 85.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49 а. Д. 16. Л. 37.

⁶⁵ Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 36. Л. 143.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 55. П. 484. Д. 29. Л. 5.

⁶⁷ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 742.

⁶⁸ Там же. Ф. 5446. Оп. 50 а. Д. 4001. Л. 6.

⁶⁹ Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 81–82.

⁷⁰ Там же. Ф. 9526. Оп. 6сч. Д. 540. Л. 43.

⁷¹ ГААОСО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. Воспоминания В. Серебрякова «Полжизни в эмиграции: Воспоминания о далеком прошлом». Ч. 3. С. 3.

⁷² ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 81–82.

⁷³ Там же. Ф. 9526. Оп. 6сч. Д. 540. Л. 39.

⁷⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 35. П. 138. Д. 8. Л. 18–19.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 6сч. Д. 540. Л. 44.

⁷⁶ В Кемерово репатрианты были доставлены тремя партиями: 19 сентября (80 семей), 24 сентября (40 семей) и 15 декабря (81 семья). В Омск первая группа репатриантов прибыла лишь 9 октября. В Свердловске сделали остановки все восемь эшелонов: 15 сентября (393 семьи, 773 чел.), 22 сентября (181 семья, 360 чел.), 7 октября (253 семьи, 513 чел.), 19 октября (180 семей, 393 чел.), 20 ноября

(209 семей, 456 чел.), 6 и 18 января (224 семьи, 529 чел.) и 27 января 1948 г. (194 семьи, 365 чел.). В Молотовскую область прибыло семь эшелонов с репатриантами: 19 сентября (19 семей, 36 чел.), 25 сентября – два состава (69 семей, 132 чел. и 71 семья, 175 чел.), 23 ноября 1947 г. (65 семей, 146 чел.), 3 января (162 семьи, 338 чел.) и 24 января 1948 г. (16 семей, 33 чел.). В Казань репатрианты прибыли четырьмя группами: 14 октября (41 семья, 91 чел.), 25 ноября (55 семей, 124 чел.), 22 декабря 1947 г. (18 семей, 38 чел.) и 25 января 1948 г. (количество прибывших неизвестно). В Челябинск репатрианты прибыли пятью группами: 25 сентября (59 семей, 11 чел.), 14 октября (40 семей, 84 чел.), 22 ноября 1947 г. (13 семей, 27 чел.), 1 января (68 семей, 155 чел.) и 1 февраля 1948 г. (13 семей, 27 чел.). Нет данных о партиях, прибывших в Чкалов и Тюмень.

⁷⁷ ГААОСО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. Воспоминания В. Серебрякова «Полжизни в эмиграции: Воспоминания о далеком прошлом». Ч. 3. С. 3.

⁷⁸ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 143.

⁷⁹ Там же. Д. 36. Л. 145.

⁸⁰ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34 а. П. 300. Д. 7. Л. 114.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 46.

⁸² Там же. Оп. 35. П. 138. Д. 8. Л. 15–15 об.

⁸³ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 114.

⁸⁴ Архив ФСБ по Читинской области. Д. П.-15330. Л. 1, 74, 88–88 об., 92, 95–96.

⁸⁵ Там же. Д. П.-10993. Л. 11.

⁸⁶ Вертилецкая Е.В. Репатрианты в Свердловской области в 1944 – начале 1950-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004. С. 68–69.

⁸⁷ Известия Советов депутатов трудящихся СССР. М., 1949. 30 авг.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33701, 43446 и др.

⁹¹ Там же. Д. 27674, 27674, 30313, 32738, 33008 и др.

⁹² ГАСО. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.

⁹³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 40 а. П. 266. Д. 38. Л. 15.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

⁹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 753. Л. 4.

⁹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 21. Л. 123.

⁹⁷ Схема размещения реэмигрантов в Свердловской области: 1) в распоряжение облисполкома (681 семья, 1422 чел.); 2) Уральский алюминевый завод (25 семей, 39 чел.); 3) Североуральские бокситовые рудники (11 семей, 145 чел.); 4) Богословский алюминевый завод (35 семей, 53 чел.); 5) криолитовый завод в г. Полевской (24 семьи, 46 чел.); 6) Дегтярское рудоуправление (40 семей, 73 чел.); 7) рудник им. III Интернационала (18 семей, 29 чел.); 8) Кировоградское рудоуправление (13 семей, 24 чел.); 9) Красноуральское рудоуправление (10 семей, 14 чел.); 10) Турьинское рудоуправление (12 семей, 20 чел.); 11) Пыш-

минское рудоуправление (21 семья, 44 чел.); 12) Среднеуральский медьзавод (34 семьи, 61 чел.); 13) Кировоградский медьзавод (45 семей, 89 чел.); 14) «Уралтяжстрой» (12 семей, 24 чел.); 15) Гулишевское рудоуправление (9 семей, 14 чел.); 16) трест «Свердловскпромстрой» (14 семей, 26 чел.); 17) «Тагильстройтрест» (67 семей, 144 чел.); 18) трест «Трубстрой» (11 семей, 20 чел.); 19) «Уралмашзавод» (43 семьи, 100 чел.) (ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 753. Л. 3). См. также: *Вертилецкая Е.В.* Репатрианты из Китая на территории Свердловской области в 1947–1948 гг.: численность, состав, трудоустройство // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Мат. VI Всерос. науч. конф., 2004: В 2 т. Екатеринбург, 2004. Т. 2. С. 174–177.

⁹⁸ Схема размещения реэмигрантов в Молотовской области: 1) в распоряжение облисполкома (76 семей, 209 чел.); 2) «Чусовстальстрой» (22 семьи, 43 чел.); 3) Чусовской леспромхоз (100 семей, 201 чел.); 4) Соликамский магнитный завод (20 семей, 36 чел.) (ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 753. Л. 3).

⁹⁹ Схема размещения реэмигрантов в Челябинской области: 1) в распоряжение облисполкома (54 семьи, 114 чел.); 2) «Минтяжстрой» (3 семьи, 10 чел.); 3) Карабашское рудоуправление (54 семьи, 94 чел.) (Там же).

¹⁰⁰ Схема размещения реэмигрантов в Чкаловской области: 1) в распоряжение облисполкома (31 семья, 67 чел.); 2) «Южуралстрой» (1 семья, 2 чел.); 3) «Орскметаллургстрой» (1 семья, 2 чел.); 4) Блявинский рудник (11 семей, 31 чел.) (Там же).

¹⁰¹ Схема размещения реэмигрантов в Башкирской АССР: 1) в распоряжение Совета министров (69 семей, 161 чел.); 2) трест № 50 (23 семьи, 49 чел.); 3) «Магнитострой» (1 семья, 2 чел.) (Там же).

¹⁰² Схема размещения реэмигрантов в Татарской АССР: 1) в распоряжение Совета министров (65 семей, 141 чел.); 2) «Казаньпромстрой» (32 семьи, 74 чел.) (Там же).

¹⁰³ Схема размещения реэмигрантов в Кемеровской области: 1) в распоряжение облисполкома (123 семьи, 283 чел.); 2) Беловский цинковый завод (19 семей, 25 чел.); 3) Салаирский рудник (18 семей, 32 чел.); 4) Салаирская обогатительная фабрика (25 семей, 41 чел.); 5) трест № 30 (16 семей, 36 чел.) (Там же).

¹⁰⁴ Схема размещения реэмигрантов в Тюменской области: 1) в распоряжение облисполкома (30 семей, 69 чел.); 2) «Омскпромстрой» (4 семьи, 8 чел.) (Там же).

¹⁰⁵ Схема размещения реэмигрантов в Омской области: 1) в распоряжение облисполкома (53 семьи, 114 чел.); 2) «Омскпромстрой» (15 семей, 24 чел.) (Там же).

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 36. Л. 143.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 5446. Оп. 49 а. Д. 16. Л. 51; Ф. 327. Оп. 3. Д. 2. Л. 3–4.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 42. Л. 55.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 327. Оп. 1. Д. 37. Л. 122–126. При цитировании сохранены стиль и пунктуация источника.

¹¹⁰ Там же. Д. 21. Л. 134.

¹¹¹ Там же. Л. 116.

¹¹² Там же. Д. 42. Л. 57; Д. 21. Л. 120.

¹¹³ Там же. Д. 21. Л. 113.

¹¹⁴ Там же. Д. 37. Л. 120.

¹¹⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 34 а. П. 300. Д. 7. Л. 13.

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 21. Л. 83.

¹¹⁷ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 6.

¹¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 42. Л. 34, 56; Д. 48. Л. 9, 19; Оп. 2. Д. 756. Л. 38; Оп. 3. Д. 2. Л. 7 и др.

Глава 4. РАСПАД ДИАСПОРЫ И ИНТЕГРАЦИЯ РЕПАТРИАНТОВ В СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

¹ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 5.

² Там же. Л. 8.

³ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 106. Д. 995. Л. 1; АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 85.

⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 74.

⁵ Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 211.

⁶ Там же. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 48.

⁷ Там же. Л. 194.

⁸ Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 210.

⁹ Там же. Л. 196.

¹⁰ Там же. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 12.

¹¹ Там же. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 76.

¹² Там же. Л. 143; Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 214; Оп. 49. П. 206. Д. 47. Л. 4.

¹³ Там же. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 5.

¹⁴ Достигнуть плановых показателей – вывезти из Китая более 60 тыс. чел. – в 1956 г. не удалось. Имеются отрывочные сведения о численности репатриантов из Синьцзяна на этот год. Согласно консульским отчетам, на начало сентября 1956 г. было вывезено из кульджинского консульского округа 465 семей (2 972 чел.). Единицы были вывезены из Маньчжурии (АВП РФ. Ф. 100. П. 414. Оп. 49. Д. 47. Л. 9).

¹⁵ АВП РФ. Ф. 100. П. 414. Оп. 49. Д. 47. Л. 6.

¹⁶ Там же. Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 19.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 61.

²⁰ Там же. Л. 12; Оп. 49. П. 206. Д. 47. Л. 6.

²¹ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 3.

- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 38.
- ²⁴ Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 8.
- ²⁵ Там же. Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 19.
- ²⁶ Там же. Оп. 55. П. 484. Д. 29. Л. 10. См. также: *Омельченко О.А.* Социально-экономическая история Синьцзяна (1949–1978 гг.). Барнаул, 2002. С. 127.
- ²⁷ *Рахимов Т.Р.* Судьбы неханьских народов в КНР. М., 1981. С. 81.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 123.
- ²⁹ Там же. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 91; Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 177.
- ³⁰ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 21.
- ³¹ Там же. Оп. 55. П. 484. Д. 29. Л. 8.
- ³² Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 196.
- ³³ Там же. Л. 201; Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 19.
- ³⁴ Подсчитано по: АВП РФ. Ф. 100. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 10.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 58, Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 14; Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 1.
- ³⁶ Там же. Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 19.
- ³⁷ Там же. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 8; Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 19; Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 1.
- ³⁸ Там же. Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 19.
- ³⁹ Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 11.
- ⁴⁰ Имеются расхождения в статистике выехавших из г. Дальний. По данным консульства, в 1954 г. было отправлено 500 семей (2 238 чел.). К ноябрю 1954 г., после первой волны выезда, здесь оставалось всего 502 чел. В 1955 г. выехало 309 чел., после чего численность русской колонии в городе оценивалась в 309 чел. Известно, что в 1959 г. в СССР выехало еще 50 чел. (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 1). По итоговому сводным данным число репатриантов за 1954–1955 гг. составило 2 559 чел. (Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 1).
- ⁴¹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 19.
- ⁴² Там же. Л. 58; Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 1. По данным консульских отчетов, из округа выехало 23 791 чел., по сводной статистике – 23 843 чел.
- ⁴³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 15.
- ⁴⁴ Там же. Л. 67, 32.
- ⁴⁵ Подсчитано по: АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 72.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 78–79.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 79.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 24.
- ⁴⁹ Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. 1591. Оп. 1. Д. 8. Л. 16; и др.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 19. На начало 1959 г. в округе числилось 2 013 семей (7 234 чел.), в том числе в Харбине проживало 1 257 семей и 1 083 одиночки (4 204 чел.), в середине года в городе проживало 3 523

чел. (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 67). В 1959 г. в аймаке Хулунбуир проживало 533 семьи (2 341 чел.).

⁵¹ *Дикарев А.Д.* Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М., 1996. С. 25.

⁵² АВП РФ. Ф. 100. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 10.

⁵³ Там же. Табл. 1.

⁵⁴ Там же. Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 19.

⁵⁵ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 123.

⁵⁶ Там же. Оп. 49. П. 414. Д. 47. Л. 5.

⁵⁷ Там же. Л. 9.

⁵⁸ Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 1.

⁵⁹ Там же. Л. 11.

⁶⁰ Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 211.

⁶¹ Подсчитано по: АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 214.

⁶² Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 144.

⁶³ Там же. Л. 124.

⁶⁴ Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 166.

⁶⁵ Там же. Л. 170.

⁶⁶ Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 102; Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 1.

⁶⁷ Подсчитано по: АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 149.

⁶⁸ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 103.

⁶⁹ Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 1.

⁷⁰ Там же. Л. 11.

⁷¹ Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 106.

⁷² Имеются разные данные о количестве выехавших из округа. Так, по итоговому данным, из Кашгара, выехало 378 семей, или 2 469 чел. (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 1), в то время как по информации консульства, выехало 375 семей, или 1 477 чел. (Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 107).

⁷³ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 12.

⁷⁴ *Романова Г.Н.* Советско-китайские торгово-экономические отношения на Дальнем Востоке в конце 1950 – середине 1960-х гг. XX в. // Северо-Восточная Азия: проблемы регионального взаимодействия (история и современность). Владивосток, 2003. С. 43.

⁷⁵ *Омельченко О.А.* Социально-экономическая история Синьцзяна (1949–1978 гг.). С. 128. По СУАР в литературе приводятся также следующие данные: численность татар в 1952–1957 гг. – 6,6–3,7 тыс., русских – 21,5–5,8 тыс. соответственно (см.: *Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы, 2003. С. 134).

⁷⁶ *Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальность... С. 255.

⁷⁷ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 67.

⁷⁸ Там же. Л. 39.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Л. 43.

- ⁸¹ Там же. Л. 20.
- ⁸² Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 47. Л. 8.
- ⁸³ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 4.
- ⁸⁴ Там же. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Л. 4.
- ⁸⁵ Там же. Оп. 53. П. 457. Д. 30. Л. 52.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 48. П. 398. Д. 49. Л. 207–210.
- ⁸⁷ Там же. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 62.
- ⁸⁸ Там же. Л. 76.
- ⁸⁹ Там же. Л. 168.
- ⁹⁰ Там же. Л. 144.
- ⁹¹ Там же. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 12.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7803. Оп. 7. Д. 369. Л. 25, 27; Д. 372. Л. 253.
- ⁹⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 63.
- ⁹⁵ Там же. Оп. 49. Д. 47. Л. Л. 9.
- ⁹⁶ Там же. Оп. 52. П. 446. Д. 30. Л. 131.
- ⁹⁷ По количеству въехавших в 1954 г. имеются расхождения. По промежуточным данным, въехало 27 216 чел., по итоговым – 29 966 чел. (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 58; Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 1).
- ⁹⁸ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 13.
- ⁹⁹ Там же. Л. 64; РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 345. Л. 71.
- ¹⁰⁰ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 751. Л. 2.
- ¹⁰¹ Плановое распределение по РСФСР (в систему МТС): Иркутская область – 75 семей, Кемеровская – 100, Новосибирская – 150, Омская – 150, Курганская – 75, Челябинская – 100, Чкаловская – 100; Красноярский край – 175, Алтайский – 75 семей (ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 130. Л. 145, 152). В МТС Казахской ССР передавались 100 семей (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 58).
- ¹⁰² РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 335. Л. 100.
- ¹⁰³ Плановое распределение по совхозам РСФСР: Иркутская область – 80 семей, Новосибирская – 450, Кемеровская – 260, Омская – 450, Курганская – 390, Челябинская – 40, Чкаловская – 500, Алтайский край – 20, Красноярский – 540 семей. Плановое распределение по совхозам Казахской ССР: Западно-Казахстанская область – 130 семей, Актыбинская – 203, Павлодарская – 115, Карагандинская – 313, Кустанайская – 509 семей (РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 335. Л. 100; Д. 372. Л. 13–12).
- ¹⁰⁴ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 10.
- ¹⁰⁵ Схема планового расселения согласно Постановлению Совета министров СССР от 15 февраля 1955 г. № 238-143с была следующей. В Казахскую ССР: Акмолинская область – 500 семей, Актыбинская – 500, Алма-Атинская – 200, Джамбульская – 400, Карагандинская – 600, Кокчетавская – 500, Кустанайская – 1 600, Павлодарская – 1 200, Северо-Казахстанская – 600, Семипалатинская – 400, Талды-Курганская – 300, Западно-Казахстанская – 850, Южно-Казахстанская –

700, Восточно-Казахстанская – 100, Гурьевская – 50 семей. В РСФСР в 1955 г.: Челябинская область – 100 семей, Омская – 400, Новосибирская – 400, Иркутская – 75, Алтайский край – 100, Красноярский – 425 (РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 372. Л. 43, 79).

¹⁰⁶ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 372. Л. 131.

¹⁰⁷ Схема нового планового расселения в Казахской ССР в 1955 г.: Актыбинская область – 500 семей, Кокчетавская – 1 000, Карагандинская – 600, Семипалатинская – 400, Павлодарская – 1 200, Южно-Казахстанская – 400, Акмолинская – 500, Западно-Казахстанская – 700, Талды-Курганская – 300, Кустанайская – 1 300, Северо-Казахстанская – 400, Джамбульская – 400, Алма-Атинская – 200, Восточно-Казахстанская – 100 семей. Схема расселения по РСФСР осталась прежней. В Киргизскую ССР планировалось направить 500 семей (РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 372. Л. 382–383).

¹⁰⁸ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 372. Л. 25.

¹⁰⁹ Там же. Л. 162.

¹¹⁰ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 12.

¹¹¹ Там же. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 2.

¹¹² Схема планового расселения на 1959 г. была следующей. В Казахскую ССР: Талды-Курганская область – 3 710 семей, Алма-Атинская – 3 180, Семипалатинская – 1 110, Казахстанская – 610, другие области – 780 семей. В Киргизскую ССР: Ошская область – 400 семей, Желалабадская область – 350, Фрунзенская область – 300 семей. В РСФСР: Омская область – 205 семей, Новосибирская область – 200 семей. В УССР: Херсонская область – 50 семей, Николаевская область – 20 семей (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 51. П. 435. Д. 33. Л. 6).

¹¹³ В июне 1954 г. Новосибирскую область въехало 150 семей (470 чел.), в Омскую – 151 семья (454 чел.), в Кемеровскую – 101 семья (258 чел.), в Иркутскую – 75 семей (254 чел.), в Челябинскую – 103 семьи (371 чел.), в Чкаловскую – 100 семей (322 чел.), в Курганскую – 75 семей (209 чел.); в Алтайский край – 75 семья (244 чел.), в Красноярский – 175 семей (460 чел.) (ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 130. Л. 9–13).

¹¹⁴ В МТС Казахской ССР въехало 995 семей (3 689 чел.) (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 58).

¹¹⁵ ГАОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 160. Л. 48 и др.

¹¹⁶ В июле–августе 1954 г. в Красноярский край въехало 538 семей (2 382 чел.), в Иркутскую область – 81 семья (336 чел.), в Новосибирскую – 483 семьи (2 160 чел.), в Омскую – 450 семей (2 540 чел.), в Кемеровскую – 260 семей (1 412 чел.), в Алтайский край – 20 семей (995 чел.), в Курганскую – 389 семьи (1 722 чел.), в Чкаловскую – 500 семей (2 675 чел.), в Челябинскую – 40 семей (187 чел.) (РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 338. Л. 34).

¹¹⁷ С этой же партией в Казахстан въехало 1274 семьи (6 976 чел.), в том числе в Западно-Казахстанскую область – 680 чел., в Кустанайскую – 3 018, в Карагандинскую – 1 719, в Актыбинскую – 1 031, в Павлодарскую – 528 чел. (Там же).

¹¹⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1708. Оп. 1. Д. 137. Л. 41.

¹¹⁹ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 372. Л. 16; АВП РФ. Ф. 100. Оп. 47. П. 383. Д. 42. Л. 82.

¹²⁰ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 245. Л. 58.

¹²¹ Из интервью с репатриантами 1954 г. См. также: Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 2967. Оп. 1 Д. 3. Л. 39.

¹²² Весной 1955 г. в Казахскую ССР прибыло более 7,5 тыс. семей, что составило 39,5 тыс. чел. Прибывшие были размещены в совхозах Актюбинской области – 2 466 чел., Кокчетавской – 3 597, Карагандинской – 2 635, Семипалатинской – 2 876, Павлодарской – 7 300, Южно-Казахстанской – 2 611, Акмолинской – 1 288, Западно-Казахстанской – 4 280, Талды-Курганской – 2 025, Кустанайской – 4 480, Северо-Казахстанской – 1 252, Джамбульской – 2 421, Алма-Атинской – 1 660 и Восточно-Казахстанской – 550 чел. (РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 372. Л. 383).

¹²³ В РСФСР схема размещения выглядела следующим образом: в Челябинской области – 106 семей (447 чел.), в Омской – 402 семьи (1 713 чел.), в Новосибирской – 386 семей (1 688 чел.), в Иркутской – 72 семьи (219 чел.); в Красноярском крае – 101 семья (489 чел.) (Там же. Л. 382).

¹²⁴ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 372. Л. 382.

¹²⁵ Подсчитано по: АВП РФ. Ф. 100. Оп. 49. П. 206. Д. 17. Табл. 2.

¹²⁶ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 372. Л. 382.

¹²⁷ Там же. Д. 345. Л. 78.

¹²⁸ Там же. Д. 372. Л. 26.

¹²⁹ АВП РФ. Ф. 100. Оп. 48. П. 398. Д. 48. Л. 24.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 130. Л. 66, 97 и др.

¹³¹ В Алтайском крае имели постоянное жилье 22 семьи, были вселены временно – 53, проживали на подселении – 33; в Красноярском крае – 144, 31, 31 соответственно; в Иркутской области – 24, 51, 3 соответственно, в общественных зданиях – 22; в Кемеровской – 14, 87, 24, 16 соответственно; в Новосибирской – 39 семей имели постоянное жилье, 111 семей были вселены временно; в Омской – 52 и 99 соответственно; в Курганской – 31 и 44 соответственно; в Челябинской – 87 и 16 соответственно; в Чкаловской – 30 и 70 соответственно (РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 751. Л. 32).

¹³² ГАОО. Ф. 437. Оп. 9. Д. 2056. Л. 37.

¹³³ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. Д. 372. Л. 326–327.

¹³⁴ Там же. Д. 338. Л. 34; Д. 335. Л. 100.

¹³⁵ Там же. Д. 372. Л. 7; Д. 392. Л. 52.

¹³⁶ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1 Д. 2382. Л. 17.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (ЦДНИ ВКО РК). Ф. 652. Оп. 2. Д. 36. Л. 44; Государственный архив Кемеровской области (ГАКеО). Ф. П-75. Оп. 7. Д. 12. Л. 19.

¹³⁹ ГАЧО. Ф. 1591. Оп. 4. Д. 7. Л. 58.

¹⁴⁰ *Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР*. Т. 6: 1957 г. М., 1959. С. 91–93.

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. А-518. Оп. 1. Д. 43. Л. 119–121.

¹⁴² Государственный архив Тюменской области (ГАТюО). Ф. Р-1847. Оп. 1. Д. 15. Л. 135.

¹⁴³ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. 392. С. 13.

¹⁴⁴ Государственный архив Курганской области (ГАКурО). Ф. Р-1624. Оп. 1. Д. 12. Л. 28 и др.

¹⁴⁵ Там же. Д. 65. Л. 118.

¹⁴⁶ РГАЭ. Ф. 7803. Оп. 7. 392. С. 13.

¹⁴⁷ ГАКурО. Ф. Р-1624. Оп. 1. Д. 11. Л. 48–66.

¹⁴⁸ ЦДНИ ВКО РК. Ф. 652. Оп. 2. Д. 36. Л. 43–44.

¹⁴⁹ Там же. Д. 67. Л. 41, 26.

¹⁵⁰ Там же. Д. 67. Указание об исполнении постановления Совета министров Казахской ССР от 8 окт. 1962 г.

¹⁵¹ Там же. Д. 104. Л. 95.

¹⁵² Там же. Л. 99.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

Архив Внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Москва

- Ф. 2 (Восточный отдел НКВД. Референтура по Синьцзяну). Оп. 2, 9.
Ф. 100 (Референтура по Китаю). Оп. 2, 4, 7–9, 11–16, 18, 22, 30, 34, 34а, 35, 40а, 41, 42, 47–49, 51–53, 55.
Ф. 1006 (Референтура по Маньчжурии). Оп. 1, 2.
Ф. 0100. (Референтура по Китаю). Оп. 22.
Ф. 308 (Генеральное консульство СССР в Харбине). Оп. 1.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва

- Ф. 327 (Переселенческое управление при Совете министров РСФСР. Отдел по репатриации и эвакуации советских граждан). Оп. 1–3.
Ф. 518. (Главное управления переселения и оргнабора рабочих при Совете министров РСФСР). Оп. 1.
Ф. Р-364 (Постоянная комиссия СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции). Оп. 6.
Ф. Р-5404 (Межведомственная комиссия при Президиуме ВЦИК по предварительному рассмотрению жалоб и ходатайств о восстановлении в правах гражданства).
Ф. 5446 (Управление делами Совета Народных Комиссаров (Совета министров) СССР). Оп. 16а, 49а, 106.
Ф. 9401 (Секретариат НКВД–МВД СССР). Оп. 2.
Ф. Р-9526 (Управление Уполномоченного СНК (Совета министров) СССР по делам репатриации). Оп. бсч.

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД), Красногорск

- Ф. (Фотодокументы о Маньчжурской стратегической операции 1945 г.)

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва

- Ф. 17 (Политбюро ЦК (секретариат)). Оп. 163.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Москва

- Ф. 1562 (Центральное статистическое управление при Совете министров СССР). Оп. 206.
Ф. 5675 (Переселенческий комитет при ЦИК СССР). Оп. 1.
Ф. 7803 (Министерство совхозов СССР). Оп. 7.

Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ), Москва

- Ф. 2 (Секретариат). Оп. 7.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХИВЫ

Архив УФСБ по Красноярскому краю (АУ ФСБ по Красноярскому краю), Красноярск

Ф. 7 (Архивно-следственные дела).

Архив УФСБ по Новосибирской области (АУ ФСБ по Новосибирской области), Новосибирск

Ф. Архивно-следственных дел.

Архив УФСБ по Читинской области (АУ ФСБ по Читинской области), Чита

Ф. 2 (Архивно-следственные дела).

Государственная архивная служба Республики Алтай (ГАСРА), Горно-Алтайск

- Ф. Р-310 (Кош-Агачский волостной революционный комитет). Оп. 1.

Государственный архив Административных органов Свердловской области (ГААОСО), Екатеринбург

- Ф. Р-1 (Управление ФСБ РФ по свердловской области). Оп. 2.
Ф. Р-4 (Коллекция документов членов Свердловского отделения общественной организации ассоциация «Харбин»). Оп. 1.

Государственный архив Амурской области (ГААО), Благовещенск

- Ф. П-1 (Амурский обком ВКП(б)). Оп. 1.
Ф. Р-1 (Исполком Амурского окружкома). Оп. 1.

Государственный архив Кемеровской области (ГАКемо), Кемерово

- Ф. П-75 (Кемеровский обком КПСС). Оп. 7.
Ф. 1243 (Фильтрационный фонд Управления ФСБ по Кемеровской области). Оп. 1.

**Государственный архив Красноярского края
(ГАКК), Красноярск**

Ф. Р-2400 (Региональное управление ФСБ по Красноярскому краю: Архивно-следственные дела).

**Государственный архив Курганской области
(ГАКО), Курган**

Ф. Р-1624 (Отдел переселения и органбора Курганского облисполкома). Оп. 1.

**Государственный архив Новосибирской области
(ГАНО), Новосибирск**

Ф. П-1 (Сибирское бюро ЦК РКП(б)). Оп. 3.

Ф. П-2 (Сибирский краевой комитет ВКП(б)). Оп. 1.

Ф. П-3 (Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б)). Оп. 1

Ф. Р-20 (Прокуратура Новосибирской области). Оп. 2.

Ф. Р-47 (Исполнительный комитет Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся). Оп. 1, 5.

Ф. Р-208 (Фильтрационные дела).

Ф. Р-1020сч (Секретная часть исполнительного комитета Новосибирского областного Совета народных депутатов).

Ф. 1146 (Сибирское отделение Верховного суда РСФСР). Оп. 1.

**Государственный архив Омской области
(ГАОО), Омск**

Ф. 437 (Исполнительный комитет Омского областного Совета депутатов трудящихся). Оп. 9, 24.

Ф. 1392 (Омский уездный комиссариат по военным делам). Оп. 3.

Ф. 2967 (Личный фонд Г.Л. Кавецкой). Оп. 1.

Ф. 3251 (Личный фонд П.Ф. Дземешкевич). Оп. 1.

**Государственный архив Республики Хакасия
(ГАРХ), Абакан**

Ф. 674с (Уголовно-следственные дела). Оп. 1а.

**Государственный архив Свердловской области
(ГАСО), Екатеринбург**

Ф. 2508 (Переселенческий отдел Свердловского облисполкома). Оп. 1.

**Государственный архив Томской области
(ГАТО), Томск**

Ф. 1708 (Отдел по использованию трудовых ресурсов Томского облисполкома (Отдел переселения и оргнабора Томского облисполкома)). Оп. 1.

**Государственный архив Тюменской области
(ГАТюО), Тюмень**

Ф. Р-1847 (Управление по труду и занятости администрации Тюменской области). Оп. 1

**Государственный архив Читинской области
(ГАЧО), Чита**

Ф. Р-3 (Читинский областной комитет КПСС). Оп. 1.

Ф. Р-15 (Министерство внутренних дел ДВР). Оп. 1.

Ф. 75 (Читинский окружной комитет ВКП(б)). Оп. 1.

Ф. Р-474 (Исполком Читинского окружного совета). Оп. 1.

Ф. Р-604 (Управление Забайкальской железной дороги). Оп. 29.

Ф. Р-1058 (Исполком Агинского аймачного совета). Оп. 1.

Ф. Р-1591 (Отдел по использованию трудовых ресурсов при Читинском облисполкоме). Оп. 4.

**Государственный общественно-политический архив
Пермской области (ГОПАПО), Пермь**

Ф.641/1 (Архивно-следственные дела). Оп. 1.

Ф.643/2 (Архивно-следственные дела). Оп. 1.

**Национальный архив Республики Бурятия
(НАРБ), Улан-Удэ**

Ф. 278 (Управление Бурят-Монгольской области ДВР). Оп. 1.

Ф. 30 (Баргузинский аймачный народно-революционный комитет). Оп. 1.

**Отдел хранения спецдокументов Государственной архивной службы
Республики Алтай (ОХСД ГАСРА), Горно-Алтайск**

Ф. Р-37 (Управление ФСБ по Республике Алтай). Оп. 1.

**Отдел спецдокументации управления архивным делом
Алтайского края (ОСД УАДАК), Барнаул**

Ф. Р-2 (Управление ФСБ РФ по Алтайскому краю). Оп. 5, 7.

**Центр архивных документов партий и общественных организаций
Центрального Государственного архива Республики Тыва
(ЦГА РТ), Кызыл**

Ф. 2 (Тувинский обком КПСС). Оп. 1.

**Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской
области Республики Казахстан (ЦДНИ ВКО Республики Казахстан),
Семипалатинск (Семей)**

Ф. 652 (Областной отдел по труду Семипалатинского областного исполнительного комитета). Оп. 2.

**Центр документации новейшей истории Томской области
(ЦДНИ ТО), Томск**

Ф. 607 (Томский областной комитет КПСС). Оп. 1.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

- Документы* внешней политики СССР: В 22 т. М.: Политиздат, 1957–1993. 1958. Т. 2. 803 с.; 1967. Т. 12. 816 с.
- Забвению не подлежит*. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области: В 11 т. Омск: Омское книжное изд-во, 2001. Т. 2. 392 с.; 2001. Т. 3. 448 с.; 2003. Т. 7. 424 с.
- Книга* памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье: В 4 т. Чита: Поиск, 2000. Т. 1. 305 с.; 2003. Т. 2. 432 с.; 2005. Т. 3. 425 с.
- Лубянка*: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: Справочник. Документы. М., 2003. – 714 с.
- Под* грифом секретности: Откочевки казахов в Китай в период коллективизации. Рэмиграция. 1928–1957 гг.: Сб. документов. Усть-Каменогорск, 1998. 100 с.
- Политбюро* и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. /Отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1. 912 с. (серия «Архивы Кремля»).
- Русские* эмигранты на службе Квантунской армии: Справка 1-го управления НКВД о Русском военном отряде в Ханьдаохэцзы. Доклад эмигранта Ч. о прохождении службы в Русском воинском отряде на Сунгари-2 // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 60–63.
- «Служить* Родине приходится костями...»: Дневник Н.В. Устрялова, 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5–6. С. 3–100.
- Трагедия* советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. Т. 5: 1937–1939. Кн. 1. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНО-НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Собрание* узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М., 1921–1923.
- Собрание* законов и распоряжений СССР. М., 1924.
- Свод* законов СССР. М., 1934.
- Хронологическое* собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства РСФСР. Т. 6: 1957 г. М.: Гос. изд-во юр. лит. М., 1959. 808 с.

ВОСПОМИНАНИЯ

- В небе* Китая (1937–1940): Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Наука, 1986. 381 с.
- Дземешкевич Л.* Харбинцы. Омск, 1998. 229 с.
- Дземешкевич Л.* Харбинские были. Омск, 1999. 285 с.
- Маркизов Л.* Это было полвека назад // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 5. С. 117–123.

- На китайской* земле: Воспоминания советских добровольцев. 1925–1945. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1977. 445 с.: ил.
- По дорогам* Китая, 1937–1945: Воспоминания советских военных советников и специалистов. М.: Наука, 1989. 366 с.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Газеты

- Ведомости Верховного Совета СССР. М., 1945.
- Время. Харбин, 1944–1945.
- Заря. Харбин, 1932, 1935, 1936, 1938.
- Известия. М., 1929, 1935, 1946.
- Красная звезда. М., 1929.
- Красное знамя. Владивосток, 1929.
- Луч Азии. Харбин, 1935, 1942.
- Мемориал-Аспект. М., 1993.
- Новости жизни. Харбин, 1926.
- Омские харбинцы. Омск, 1998.
- Отпор. Чита, 1935, 1936.
- Политехник. Сидней, 1979.
- Правда. М., 1937.
- Руль. Берлин, 1929.
- Рупор. Харбин, 1935.
- Русское слово. Харбин, 1930.
- Советская Сибирь. Новосибирск, 1929, 1935.
- Харбинское время. Харбин, 1934.

Журналы

- Бэйфан вэньу. Харбин, 2000 (на кит. яз.).
- Вестник Маньчжурии. Харбин, 1928–1933.
- Военно-исторический журнал. М., 1997.
- Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2006.
- Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2004.
- Диаспора. М., 2001.
- Источник. М., 1998.
- История СССР. М., 1990.
- Луч Азии. Харбин, 1935, 1938, 1940, 1942, 1944.
- Политехник. Сидней, 1979.
- Проблемы Дальнего Востока. Владивосток, 1995.
- Россия и АТР. Владивосток, 1997, 1998.
- Советская этнография. М., 1955–1959.
- СОЦИС. М., 1995.
- Этнографическое обозрение. М., 1999, 2000.

ЛИТЕРАТУРА

- Абеленцев В.Н.* Силуэты амурских атаманов: Генерал Е.Г. Сычев // К 80-летию окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2002. С. 56–58.
- Аблажей Н.Н.* РОВС и енисейское казачество // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. Новосибирск, 2004. № 2. С. 84–87.
- Аблажей Н.Н.* Эмиграция бурят в Монголию и реэмиграция в 1920-е годы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4. Вып. 2. С. 71–76.
- Аблажей Н.Н.* Высылка из погранполосы Читинской области в ходе массовых операций 1937–1938 гг. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2006. Т. 5. Вып. 1 (доп.). С. 78–82.
- Аблова Н.Е.* История КВЖД и российская эмиграция в Китае (первая половина XX в.). Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1999. 316 с.
- Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НПИД «Русская панорама». 2004. 432 с.
- Андреев Ч.Г.* Формирование многонационального населения Забайкалья в 1897–1914 гг. // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск, 1989. Ч. 1. С. 120–125.
- Балакишин П.П.* Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1958. Т. 1. 430 с.; 1959. Т. 2. 294 с.
- Бармин В.А.* Из истории миграционных процессов в приграничных районах среднеазиатских советских республик и Синьцзяна в 30–40-е гг. XX в. // Россия – Центральная Азия: проблемы миграций и безопасности. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. С. 125–136.
- Бармин В.А.* СССР и Синьцзян 1918–1941 гг. Барнаул, 1998. 204 с.
- Бармин В.А.* Роль советского фактора в формировании коалиционного правительства Синьцзяна в 1946 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие культур. Барнаул: БГПУ, 2001. С. 37–44.
- Белоглазов Г.П.* Русская военная земельная колонизация Маньчжурии // Россия и АТР. 1997. № 4. С. 13–18.
- Белоглазов Г.П.* Сельские поселения русских военных колонистов в Маньчжурии (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 1997. № 4. С. 35–40.
- Брук С.И.* Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики // Сов. этнография. 1956. № 2. С. 89–94.
- Брук С.И.* Расселение национальных меньшинств Китайской Народной Республики // Сов. этнография. 1958. № 1. С. 75–89.
- Василенко Н.А.* Из истории формирования русского населения в Маньчжурии (1897–1917 гг.) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: Мат. 1 междунар. науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. Кн. 2. С. 6–13.
- Великая Маньчжурская империя: к 10-летию юбилею.* Харбин. 1932–1942 / Кио-Ва-Кай: Гл. Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи. Харбин: Тип. БРЭМ, 1942. 418 с.: прил.
- Вертилецкая Е.В.* Репатрианты в Свердловской области в 1944 – начале 1950-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.
- Вертилецкая Е.В.* Репатрианты из Китая на территории Свердловской области в 1947–1948 гг.: численность, состав, трудоустройство // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат. VI Всерос. науч. конф., 2004: В 2 т. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2004. Т. 2. С. 174–177.
- Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевы точки» в истории советско-китайских отношений: В 2 кн. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 1992. 140 с.
- Давидов Д.А.* Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Таонань-фу). Владивосток, 1911.
- Дацышен В.Г.* Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл: Республиканская типография, 2000. 215 с.
- Дикарев А.Д.* Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. М.: Вост. лит. РАН, 1996. 176 с.
- Жеребцов Г.А.* Борзинское эмиграционное движение в 1925–1926 годах // Народы Забайкалья: возрождение и развитие: Сб. мат. науч. конф. Чита. 1997. С. 51–52.
- Жеребцов Г.А.* Крестьянские восстания в Забайкалье: Конец двадцатых – начало тридцатых годов двадцатого столетия. Чита, 2005. 304 с.
- Захарова Г.Ф.* Политика Японии в Маньчжурии, 1932–1945. М.: Наука, 1990. 260 с.
- Земсков В.Н.* К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26–41.
- Земсков В.Н.* Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба. 1944–1956 гг. // СОЦИС. 1995. № 5. С. 3–13, № 6. С. 13–13.
- Земсков В.Н.* Репатриация перемещенных советских граждан // Война и общество, 1941–1945: В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севастьянов. М: Наука, 2004. Кн. 2. С. 331–358.
- История Казахской ССР:* В 2 т. Алма-Ата, 1957. Т. 1. 609 с.
- Исторический обзор КВЖД. 1896–1923 /* Сост. Е.Х. Нилус. Харбин: Тип. КВЖД и т-ва «Озо», 1923. Т. 1. 690 с.
- Кабузан В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). СПб.: Рус.-Балт. информцентр, 1996. 351 с.
- Капица М.С.* Советско-китайские отношения. М.: Политиздат, 1958. 288 с.
- Кармазов В.А.* Кочевая Барга // Вестник Маньчжурии. 1928. № 8. С. 50–59.
- Кармазов В.А.* Торговля и промышленность района Западной линии КВЖД // Вестник Маньчжурии. 1933. № 17. С. 56–67.
- Кармазов В.А.* Чэнэхэн (По районам Барги) // Вестник Маньчжурии. 1933. № 13. С. 53–62.

Кармазов В.А. Трехречье (за период 1924–1933 гг.) // Вестник Маньчжурии. 1934. № 5. С. 58–77.

Кармазов В.А. Хинганская провинция // Вестник Маньчжурии. 1934. № 1. С. 31–73.

Книга для учителя: История политических репрессий и сопротивления неволе в СССР. М.: Изд-во объедин. «Мосгорархив», 2002. 504 с.

Комисарова Е.Н. Белогвардейская эмиграция в Синьцзяне в 1920–1935 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 226 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в после-революционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск: НГУ, 1998. С. 98.

Лазарева С.И. Российская эмиграция в Китае между двумя мировыми войнами: динамика, численность и состав // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков. Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 18–25.

«Маньчжурский клин»: история, народы, религии. Благовещенск / Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П. и др. Амурский гос. ун-т, 2005. 314 с.

Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М.: РГГУ, 2004. 346 с.

Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры: происхождение и развал. Алматы: Гылым. 1997. 274 с.

Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Гл. ред. вост. лит. РАН, 1994. 318 с.

Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917 – 1924 гг.). М.: ИРО РАН, 1997. 245 с.

Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 346 с.

Молоков И.Е. Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг.). Омск: Ом. политех. ин-т, 1991. 122 с.

Монгуш М.В. Тувинцы Монголии и Китая: этнодисперсные группы: (история и современность). Новосибирск: Наука, 2002. – 126 с.

Нам И.В. Страницы истории общественного самоуправления у корейцев русского Дальнего Востока // Диаспора. 2001. № 2–3. С. 148–169.

Нитобург Э.Л. Русская эмиграция в США в зеркале американской статистики // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 94–106.

Нитобург Э.Л. Русская эмиграция в США. М.: Наука, 2004. 421 с.

Овдиенко И.Х. Внутренняя Монголия. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1954. 168 с.

Омельченко О.А. Социально-экономическая история Синьцзяна (1949–1978 гг.). Барнаул: АзБука, 2002. 225 с.

Особый район Восточных Провинций Китайской Республики: Справочные сведения об административном и судебном устройстве района. Харбин: Изд-во Типография «Т-во печать», 1927. 326 с.

Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. 520 с.

Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Изд-во «Крафт+», 2003. 528 с.

Полян П. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ – Мемориал, 2001. 328 с.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2002. 896 с.

Попов А.В. Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М.: Ин-т российской истории России РАН, 2001. С. 194–201.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. 296 с.

Рахимов Т.Р. Судьбы неханьских народов в КНР. М., 1981. 158 с.

Рогинский А.Б., Охотин Н.Г., Горланов О.А. Массовые операции 1937–1938 гг. (статистические аспекты): Данные по материалам ведомственной статистики НКВД СССР. М., 2007 (рукопись).

Романова Г.Н. Советско-китайские торгово-экономические отношения на Дальнем Востоке в конце 1950–1960-х гг. XX века // Северо-Восточная Азия: проблемы регионального взаимодействия (история и современность). Владивосток: Дальнаука, 2003. 132 с.

Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. Харбин: Типография КВЖД, 1922. 692 с.

Серебрянников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919–1923. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1936. 267 с.

Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М.: Внешторгиздат, 1957. 455 с.

Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений с Китаем. 1917–1974. М.: Наука, 1977. 368 с.

Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений с Китаем до 1917 г. М.: Наука, 1974. 439 с.

Сладковский М.И. Китай: основные проблемы истории, экономики, идеологии. М.: Мысль, 1978. 301 с.

«Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М.: Изд-во Главархива Москвы; ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2003. 343 с.; 2-е изд., испр. и доп. / В.С. Христофоров, В.К. Виноградов и др. М.: Изд-во Главархива Москвы; ОАО «Московские учебники и Картолитография». 2005. – 343 с.

Современный Синьцзян и его место в казахстано-китайских отношениях / Под. ред. К.Л. Сыроежкина. Алматы, 1997. 245 с.

Справочник по Северной Маньчжурии и КВЖД / Экон. Бюро КВЖД. Харбин: Тип. КВЖД, 1927. 309 с.

Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту: Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань: Новое Знание, 1999. 311 с.

Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 308 с.

Сыроежкин К.Л. Казахи Китая: проблемы репатриации // *Континент*. 2000. № 16. С.30–33.

Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы, 1994. 118 с.

Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003. 736 с.

Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2. С. 43–63.

Тюнин М.С. Казачьи издания в Маньчжурии: Библиогр. очерк // *Вестник казачьей выставки в Харбине в 1943 году*. Харбин, 1943. С. 123–138.

Фельштинский Ю.К. К истории нашей закрытости: Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. М.: Терра, 1991. 184 с.

Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока (1918–1920). М., 1964. 471 с.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2002. 360 с.

Худобородов А.Л. Казачья эмиграция // *История казачества Азиатской России*. Т. 3: XX век. Екатеринбург, 1995. С. 151–240.

ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИИ

Амурская казачья эмиграция в Маньчжурии (1918–1945) / http://kazakforum.jino-net.ru/history_amur_13.htm

Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. / <http://www.idf.ru/2/7/shtml>

Еврейские беженцы: Сибирь, Литва, Кюрасао, Китай – Израиль? / <http://www.sem40.ru/ourpeople/history/5287/>

Из отчета о научной командировке в КНР сотрудников Института по проблемам малочисленных народов Севера / <http://ilin.sakhaopenworld.org/2004-6/28/htm>

Народности в Синьцзяне, не относящиеся к тюркской группе (дауры, таджики, русские) / <http://ru1.chinabroadcast.cn/1/2005/04/10/1@61431.htm>

Перминов В.В. Начало и конец русского Трехречья / <http://213.59.235.32/?news=325&line=firms&page=5>

Петров Н.В., Рагинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. / <http://www.memo.ru/history/POLAcy/00485art.htm>

Писаревская Я.Л. Две России в Маньчжурии // *Новый исторический вестник*. М., 2000. № 2 - http://www.nivestnik.ru/2000_2/4.shtml

Русаков Р. Дыхание драконов: Россия, Китай и евреи. М., 1995 / <http://www.rus-sky.org/history/library/rusakov/1.htm>

Тарасов А. Русские в приграничном Китае / www.asiapacific.narod.ru

Татары в Китае / http://ymyt.com/ru/1/95_1.shtml

Шишов А. В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001 / militera.lib.ru/h/shihsov_av/index.html

НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ван Чжичен. Шанхай эцяоши. История русской эмиграции в Шанхае. Шанхай, 1993. 832 с.

Жао Ланлунь. Общие сведения о проживающих в Харбине русских эмигрантах в период 1917–1931 гг. // *Бэйфан вэньу*. Харбин. 2000. № 1. С. 81–86.

Ли Сингэн. Фэньюй фупин: эго цяоминь цзай Чжунго. Ряска на ветру: российская эмиграция в Китае (1917–1945). Пекин, 1997. 534 с.

Хэйлунцзян лиши бяньнянь. Хроника истории провинции Хэйлунцзян. Харбин, 1991. 1117 с.

Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан. Хаэрбин эдяо ши. История русской эмиграции в Харбине. Харбин, 1998. 607 с.

У Вэньсянь, Чжан Сювань. Хоэрватэ юй чжундун телу. (Хорват и КВЖД). Чанчунь, 1993. 150 с.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Автономный район Внутренняя Монголия – 37, 211
Алтай (Шара-Сумэ), г. – 199, 215
Алтайский округ – 21, 46–48, 163, 169
Аньда, ст. – 34
Аргунский хошун – 35, 38
Аргунь (Лабдарин, Лабудалинь), н.п. – 213
Аргунь, р. – 36, 38
Атай, уезд – 49
Ацан, н.п. – 212
- Барга, историко-географическая область – 22, 25, 28, 36, 37, 66, 143, 213
Баргутский хошун – 37
Баркульский (Баркель) уезд – 47
Баргал, р. – 30
Биньцзян, провинция – 138, 140
Большой Хинган, хр. – 35
Буир-Нур, Буйр-Нур, оз. – 35
Бургумский уезд – 216
Бурдун, урочище – 37
Бурул-Дугай, уезд – 49
Бурчин, уезд – 49
Бутхана, пос. – 46
Бухэду, Бухеду, ст. – 33, 34
- Верх-Кули, с. – 36, 212
Верхний Тулунтуй, (Тулунтуй Верхний), с. – 35
Верх-Урга, с. – 36, 212
Внешняя Монголия, историческое название МНР – 16, 17, 22, 23
Внутренняя Монголия, историко-географическая область – 21, 22, 25, 35, 97, 153, 200
Вормары, пос. – 92

* Приведены современные и устаревшие названия географических объектов, расположенных только на территории КНР.

- Ган (Гэньхэ), р. – 35, 36
Ганьсу, пров. – 48, 114
Гирин (Цзилинь), г. – 31, 42, 160, 173
Гирин, пров. – 138
Гуанчжоу (Кантон), г. – 114
Гуйлин, н.п. – 114
Гучен, Гучэн, г. – 19, 31

- Дайрен (Дальний, Далянь), г. – 41, 44, 55, 140, 160, 173, 174, 186, 197, 199
Дальний (Далянь, Дайрен), г. – 40, 41, 160, 163, 167, 169, 211, 268
Дашагур, пос. – 46
Дербул, Дэрбул, р. – 35, 36, 92
Джунгария, историческая область – 45
Домысово, с. – 92
Драгоценка, с. – 36, 92
Дурбульджин, н.п. – 19, 216
Дубовая, с. – 36, 212
Дунбэй (Маньчжурия), историко-географическая область – 169, 201, 206, 210
Дурбульджинский уезд – 216
Душаньцзы, г. – 169

Ернишное, с. – 35

Жэхэ, провинция – 97, 138

- Или (Кульджа), г. – 45, 61
Илийский край, историко-географическая область – 16, 45
Илийский округ – 21, 45–48, 163, 201, 224
Или-Казахский автономный округ – 49, 204, 208
Имингол, р. – 37
Имяньпо, ст. – 39
Инкоу, г. – 160, 163

- Кабинский уезд (Каба уезд) – 49, 216
Какахаша, дачный пос. – 41
Калган (Чжанцзякоу), г. – 160, 163
Кара-Су, пос. – 46
Карашар-Курлинский уезд – 46
Каш, р. – 48
Кашгар (Каши), г. – 49, 199, 217, 269
Кашгария, историческая область – 47
Кашгарский округ – 45
Каш-Кунгесский уезд – 46
Квантунский полуостров – 173, 211, 225

Кен-Сау, пос. – 46
Ключевая, с. – 36, 212
Кобдо, г. – 199
Кобукский уезд – 216
Кок-Бугай, уезд – 49
Комарово, с. – 92
Куаньчэнцзы, ст., г. – 28, 41
Кульджа (Или), г. – 19, 30, 45, 160, 163, 164, 167, 199, 203, 205, 207, 208, 215, 216, 228
Кульджинский уезд – 46, 215
Кульджинский округ – 201, 205, 215
Кунгес (Кюнес), р. – 48
Кунес, пос. – 46

Лабдарин (Аргунь), пос. – 36, 92, 213
Лань-Сянский уезд – 46
Ланьчжоу, г. – 45, 112, 113
Лахасуеу, н.п. – 92
Люйшуньюкоу (Порт-Артур), г. – 40, 197
Ляодунский полуостров – 17, 159, 169–171, 173

Мазари, г. – 30
Малый Хинган, горный массив – 38
Манас, г. – 19
Манерка, д. – 35
Маньгоу, ст. – 34
Маньчжурия (Маньчжоули), г. – 32, 75, 86, 87, 89–93, 101, 161, 199, 200, 211, 212, 255
Маньчжурия, историческая область – 7, 16–18, 26–32, 41, 42, 44, 49, 55, 57–59, 77, 78, 81, 84–86, 88, 93, 94, 96, 97, 99, 100, 104–107, 121, 125, 128, 130, 131, 139, 143, 147, 149, 153, 154, 156, 158, 159, 161, 162, 166, 168, 169, 172–175, 199, 207, 210, 214, 218, 219, 225, 226, 233, 235, 245, 250, 252, 254, 261, 267
Мергень, Мэргэнь (Нуныцзян), г. – 34, 213, 222
Мохэ, р. – 248
Муданьцзян, г. – 40, 173, 174
Мукден (Шэньян), г. – 34, 41, 44, 74, 108, 140, 143, 159, 160, 163, 173–175, 186, 199, 210, 211, 263
Мукденская провинция – 138
Мулин, г. – 29, 40
Мулинские копи – 23, 91

Найджин-Булак, с. – 212
Найрумту (Саньхэ), пос. – 36

Нанкин (Наньцзин), г. – 88, 114
Наньтун, г. – 37
Наньчан (Нанча), пос. – 114
Нармакчи, с., пос. – 36, 37
Николаевка, ст. – 39
Нилки (Нилка), пос. – 46
Нинся, провинция – 114
Ново-Покровка, с. – 147
Нонни (Нэньцзян), р. – 160
Няньцзышань, ст. – 28

Олетский хошун – 37
Оршунь (Орчун-Гол), р. – 35
Особый район восточных провинций (ОРВП) – 71, 73–75, 88

Пекин, г. – 16, 42, 43, 45, 73, 74, 77, 82, 85, 87, 160, 163, 167, 168, 170, 178, 194, 200, 201, 203, 204, 210, 211
Пичан-Чиктынский (Шаньшань) уезд – 46
Пограничная (Суйфэньхэ), ст., г. – 39, 40, 87, 89, 92, 98, 105, 160, 254, 256
Покровка, с. – 36
Полтавка, с. – 96
Попирай, пос. – 36
Порт-Артур (Люйшуньюкоу), г. – 40, 41, 43, 173, 197, 211
Приаргунье, историко-географическая область – 35, 37, 38

Сандоходзы, г. – 226
Саньхэ (Найрумту), н.п. – 36
Сахалин (Хэйхэ), г. – 38, 86, 87, 140, 160, 173, 175
Сиань, г. – 45
Синьцзин (Чанчунь), г. – 42, 138, 140, 143, 145
Синьцзян, автономный район, историко-географическая область – 16, 19–22, 24, 25, 31, 44–49, 57, 60, 67, 68, 76–78, 88, 112, 116, 126, 154, 156, 158, 159, 163–165, 169, 171, 199–201, 203–210, 214, 217–220, 222, 223, 226–228, 233, 238, 247, 250, 257, 262, 263, 267, 268
Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) – 49, 199–204, 206, 208, 209, 214, 215, 217, 223, 233, 235, 250
Суйдунский уезд – 46, 215
Суйфын, р. – 39
Суйфэньхэ (Пограничная), г. – 39, 40, 75
Сунгари (Сунхуацзян), р. – 18, 92, 146, 160, 263
Сыдаохенцзы, н. п. – 213
Сычуань, провинция – 114
Сяогань, пос. – 114
Сяохаоцзы, ст. – 34

Тайванхэ, р. – 147
Тайкан, н. п. – 34
Тананьхэ, н. п. – 213
Тарбагатай (Чугучак), г. – 45
Тарбагатайский округ – 21, 45–48, 163, 164
Тачэн, н. п. – 49
Текес, пос. – 46
Текес, р. – 46, 48
Толки, пос. – 46
Тоогэнский район – 147
Трехречье, историко-географическая область – 28, 35–38, 91, 92, 96, 98, 143, 147, 211–213
Тулунтуй Верхний (Верхний Тулунтуй), пос. – 35
Тушанцзы, пос. – 113
Тынхэ, пос. – 92
Тямусы, г. – 140
Тяньцзин, г. – 16, 42, 77, 82, 87, 159, 160, 163, 166, 167, 170, 171, 178, 179, 194, 199, 210

Уитэн, урочище – 37
Урумчи (Дихуа), г. – 19, 22, 30, 45, 47, 49, 61, 112, 113, 199, 203, 205, 215, 216, 232
Урумчинский округ – 45, 47
Усть-Урга, с. – 36, 212
Усть-Уровск, пос. – 92
Усть-Щучье, с. – 92
Ухань (Ханькоу), г. – 43

Фугдин, г. – 92
Фуляэрди, пос. – 34
Фуржин-Булак (позднее г. Маньчжурия), пос. – 32

Хайлар, г. – 33, 34, 87, 89, 90, 92, 143, 144, 173–175, 200, 211, 212, 225
Хайлар, р. – 35
Халхин-Гол, р. – 116
Хами, г. – 19
Ханьдаохэцзы, ст. – 39, 144, 174, 263, 278
Ханькоу (Ухань), г. – 16, 42, 43, 77, 114, 167
Харбин, г. – 28, 29, 32, 34, 38, 39, 42, 44, 59, 70, 74, 82, 86, 87, 89–91, 95, 98, 100, 103, 104, 108–110, 118, 138–141, 143, 145–147, 158, 160, 161, 168, 173–175, 199, 200, 214, 222, 225, 253–255, 261, 268
Хасан, оз. – 116
Хаул, р. – 35
Хинган, горы – 173

Хоргоский уезд – 215
Хулунбуир – 35, 213, 214, 248, 268
Хулунчи (Далайнор), оз. – 35
Хунань, провинция – 85
Хуньчунь, г. – 31, 42
Хэбэй, провинция – 85, 138
Хэйлунцзян, провинция – 138, 213, 214, 222
Хэйхэ (Сахалян), г. – 38
Хэньян, пос. – 114

Цзилинь (Гирин), г. – 42
Цзянсу, провинция – 73, 76, 85,
Цигань, г. – 38
Цинанфу, Цинаньфу (Цзинань), г. – 42
Циндао, г. – 42–44, 160, 163, 167, 170, 171, 178
Цинхай, провинция – 48
Цицикар, г. – 31, 34, 86, 87, 90, 143, 160, 173, 254

Чагантогай, н. п. – 216
Чагонтотайский уезд – 216
Чанцзи-Хуэйский автономный округ – 49
Чанчунь (Синьцзин), г. – 41, 42, 75, 138, 159, 173
Чанша, пос. – 114
Чахар, провинция – 138
Чэнду, н. п. – 114
Черноучиха, пос. – 35
Чжалайнор, г. – 34, 92, 93, 104
Чжалайнорские копи – 29, 32, 35, 92
Чжалантунь, г. – 33, 34
Чжаромте, н. п. – 212, 213
Чжэнчжоу, г. – 49
Чикадэ, с. – 38
Чимпанцинский уезд – 46, 215
Чингиль, уезд – 49
Чинхэ, р. – 37
Чифу (Яньтай), г. – 42
Чугучак, г. – 19, 30, 45, 160, 167, 199, 208, 215–217
Чугучакский уезд – 216
Чунцин, г. – 114
Чэнэхэн (Шэнэхэн), район Барги – 37, 66, 213

Шанхай, г. – 43, 44, 58, 77, 82, 111, 154, 159, 160, 162, 166–170, 171, 175, 177–180, 184, 194, 199, 210, 264
Шаньдунь, г. – 77

Шара-Сумэ (Алтай), г. – 199, 208
Шашагур, пос. – 46
Шивэй, г. – 38
Шивэй, волость – 213
Шитоухэцзы, ст. – 34
Шихинский уезд – 216
Шихо, пос. – 19, 113
Шэньси, провинция – 114

Щучье, пос. – 36

Эвенкийский хошун – 37
Эмигрантовка, д. – 34
Эмиль, р. – 30, 48
Эхо, ст. – 40

Якеша, г. – 92, 143, 200, 212
Якешинский район – 211, 212
Яньань, г. – 114

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абеленцев В.Н. – 249, 282
Аблажей Н.Н. – 252, 258, 280, 280
Аблова Н.Е. – 256, 261, 280
Азизов Сайфутдин – 200
Андреев Ч.Г. – 247, 280
Аниховский С.Э. – 247, 280
Асано – 140, 144

Бабич И.Я. – 174
Бакич А.С. – 115, 116
Бакшеев А.П. – 186
Балакшин П.П. – 254, 264, 280
Баранов И.А. – 199
Бармин В.А. – 250, 262, 280, 281
Белоглазов Г.П. – 248, 281
Белянов А.П. – 199
Беспалов Н. – 259
Благонравов Г.И. – 100, 106
Блюхер В.К. – 91
Болотин Д.П. – 247, 280
Брук С.И. – 250, 263, 281

Ван Чжичен – 250, 253, 285
Василенко Н.А. – 250, 281
Верещагин В.Н. – 199
Вергилецкая Е.В. – 265, 266, 281
Власьевский Л.В. – 186
Вышинский А.Я. – 197

Галенович Ю.М. – 254, 281
Гармаев У.Г. – 174, 263
Гао Лин – 249, 255, 285
Голиков Ф.И. – 152
Гордеев – 92

Горланов О.А. – 259, 260, 283
Губарев А.Н. – 94
Гульденбалк де Гийдль Б.В. – 116

Давидов Д.А. – 249, 281
Дацьшен В.Г. – 247, 281
Дземешкевич П.Ф. – 276, 279
Добровлянский В.Ф. – 260
Добровольский В. – 168
Дратвин М.И. – 114
Дутов А.И. – 146

Ежов Н.И. – 129, 130
Еськов В.С. – 113

Жао Ланлунь – 249, 256, 285
Жеребцов Г.А. – 252, 281
Жернаков А.В. – 110

Забияко А.П. – 247, 282
Захарова Г.Ф. – 261, 281
Земсков В.Н. – 261, 262, 281, 282

Иванов Н.П. – 114

Кабузан В.М. – 251
Кавецкая Г.Л. – 276
Каганович Л.М. – 99, 128
Казанский С.Н. – 199
Калинин М.И. – 111
Калягин А.Я. – 257
Капица М.С. – 252, 282
Кармазов В.А. – 248, 249, 282
Качанов К.М. – 114

- Киси Р. – 253
Ковалеров В.И. – 199
Ковтун-Станкевич А.И. – 263
Колчак А.В. – 71, 146
Комиссарова Е.Н. – 247, 250–253, 257, 282
Красильников С.А. – 258, 282
Краснов П.Н. – 187
Криц С.И. – 104, 134
Круглов С.К. – 155
Крутиков К.А. – 199
Кузнецов В.В. – 197
- Лазарева С.И. – 249, 256, 261
Лапицкий – 136
Ленин В.И. – 55
Ли Сингэн – 249, 252, 253, 256, 285
Литвинов М.М. – 97
Ломакин – 201
Лундстрем О. – 168
Лю Цюань – 201
Лю Шуан – 249, 255, 285
Люшков Г.С. – 121
- Марахин – 180
Маркизов Л. – 264
Медведев М.В. – 170
Мелихов Г.В. – 248–250, 282
Мендикулова Г.М. – 247, 250, 282
Моисеев В.А. – 247, 250, 282
Молоков И.Е. – 257, 282
Молотов В.М. – 105, 134, 232
Монгуш М.В. – 251, 283
Мохов – 92
- Нам И.В. – 247, 283
Некрасов – 180
Нечаев К.П. – 42, 186, 263
Николай II – 146
Нитобург Э.Л. – 262, 263
- Овдиенко И.Х. – 249, 292
Омельченко О.А. – 263, 268, 269, 282
- Орлов А.Н. – 199
Осипов А.А. – 199
Охотин Л.П. – 186
Охотин Н.Г. – 257, 259, 260, 283
- Павлычев Г.И. – 160
Пак Б.Д. – 247, 283
Панюшкин А.С. – 114
Перминов В.В. – 249, 285
Петров А.А. – 160
Петров В.И. – 250, 283
Петров Н.В. – 258, 259, 261, 285
Писаревская Я.Л. – 254, 285
Полян П.М. – 258, 259, 261, 262, 283
Попов А.В. – 250, 283
Поспелов П.С. – 133
Пронин – 180
Пу-И – 138, 145, 174
Пушкин А.С. – 146
Пученко – 94
- Раев М. – 250, 253, 283
Ракитин М.Я. – 59
Рахимов Т.Р. – 268, 283
Рогинский А.Б. – 257–261, 283, 285
Родзаевский К.В. – 143, 174, 186
Розенберг Е.С. – 184
Романова Г.Н. – 269, 283
Романовы – 146
Романчук П.К. – 199
Рощин Н.В. – 114, 160
Рудый Ю.В. – 99, 100, 104
Русаков Р. – 263, 285
Рыбалко П.С. – 114
- Севастьянов Г.Н. – 261
Семенов Г.М. – 33, 143, 174, 186, 187
Семенов Д.Ф. –
Серебренников И.И. – 250, 283
Серебряков В.В. – 162, 257, 262–265
Славуцкий М.М. – 99, 100, 103, 107, 145, 255
Сладковский М.И. – 254, 257, 263, 283, 284
- Сталин И.В. – 105, 180, 255
Старцев А.В. – 247, 284
Степанов А.Ф. – 259, 260, 284
Сыроежкин К.Л. – 250, 263, 269, 284
Сычев Е.Г. – 249
- Тарасов А. – 35, 285
Тепляков А.Г. – 259
Тишков В.А. – 253, 284
Токмаков – 263
Тюнин М.С. – 261, 284
- У Вэнсянь – 252, 285
Устрялов Н.В. – 104, 255, 278
Ухтомский Н.А. – 186
- Фельштинский Ю. – 251, 252, 284
- Халин Ф.П. – 160, 170, 177
Ханжин М.В. – 263
Хейфец А.Н. – 252, 284
Хирота К. – 100
Хисамутдинов А.А. – 250, 284
Хорват Д.Л. – 70, 71
- Хорхорин – 258
Хрушев Н.С. – 232
Худобородов А.Л. – 261, 284
Хэ Вей – 201
- Чан Кайши – 85
Черепанов А.И. – 114
Чжан Словань – 252, 285
Чжан Сыэлян – 85
Чжан Цзолинь – 71, 75
Чжоу Эньлай – 197
Чжу Цинлань – 58
Чуйков В.И. – 114
- Шверник Н.М. – 106
Шен Шицай – 113
Шеншин Б.А. – 199
Ши Фан – 249, 255, 285
Шишов А.В. – 263, 285
Шулькевич – 263
- Щербина Д.Я. – 170
- Ягода Г.Г. – 128

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации
АССР	автономная советская социалистическая республика
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
АУФСБ	Архив Управления Федеральной службы безопасности
БРЭМ	Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-Го
БССР	Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВостурЛАГ	Восточно-Уральский лагерь
ВКП(б)	Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВКР	Военная контрразведка
ВТР	Восточно-Туркестанская республика
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС	Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия
ГААО	Государственный архив Амурской области
ГААОСО	Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАИО	Государственный архив Иркутской области
ГАКемО	Государственный архив Кемеровской области
ГАКК	Государственный архив Красноярского края
ГАКО	Государственный архив Курганской области
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	Государственный архив Омской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАРХ	Государственный архив Республики Хакасия
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГАСРА	Государственная архивная служба Республики Алтай
ГАТО	Государственный архив Томской области
ГАТюмО	Государственный архив Тюменской области
ГАХК	Государственный архив Хабаровского края
ГАЧО	Государственный архив Читинской области
ГОПАПО	Государственный общественно-политический архив Пермской области
ГПУ	Государственное политическое управление

ГУГБ	Главное управление государственной безопасности
ГУВК	Главное управление Военной контрразведки
ГУЛАГ	Главное управление лагерей
ГУПВИ	Главное управление по делам военнопленных и интернированных
ДВР	Дальневосточная республика
ДТО	дорожно-транспортный отдел
ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь
КВЖД	Китайско-Восточная железная дорога
КГБ	Комитет государственной безопасности
КНР	Китайская Народная Республика
КПК	Коммунистическая партия Китая
КЧЖД	Китайско-Чанчуньская железная дорога
МВД	Министерство внутренних дел
МГБ	Министерство государственной безопасности
МЖК	Межсоюзный железнодорожный комитет
МИД	Министерство иностранных дел
МНР	Монгольская Народная Республика
МПС	Министерство путей сообщения
МТС	машинно-тракторная станция
НАРБ	Национальный архив Республики Бурятия
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НКВМФ	Народный комиссариат военно-морского флота
НКГБ	Народный комиссариат государственной безопасности
НКИД	Народный комиссариат иностранных дел
НКО	Народный комиссариат обороны
НКПС	Народный комиссариат путей сообщения
НРА	Народно-революционная армия
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление СССР
ОКДВА	Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
ОНО	отдел народного образования
ООН	Организация Объединенных Наций
ОРВП	Особый район восточных провинций
ОСД УАДАК	Отдел спецдокументации управления архивным делом Алтайского края
ОХСД ГАСРА	Отдел хранения спецдокументов Государственной архивной службы Республики Алтай
ПВО	противовоздушная оборона
РГАКФД	Российский государственный архив кинофотодокументов
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории

РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РОВС	Российский общевойсковой союз
РСДРП(б)	Российская социал-демократическая рабочая партия (больше- шевиков)
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Рес- публика
РФ	Российская Федерация
РФП	Русская фашистская партия
САСШ	Северо-Американские Соединенные Штаты
СВЖД	Северо-Маньчжурская железная дорога
СНК	Совет народных комиссаров
ССР	советская социалистическая республика
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СТО	Совет труда и обороны
СУАР	Синьцзян-Уйгурский автономный район
США	Соединенные Штаты Америки
ТАСС	Телеграфное агентство Советского Союза
ТНР	Тувинская Народная Республика
УК	Уголовный кодекс
УНКВД	Управление Народного комиссариата внутренних дел
УССР	Украинская Советская Социалистическая Республика
ФСБ	Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ЦА ФСБ РФ	Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦГА РТ	Центр архивных документов партий и общественных организа- ций Центрального Государственного архива Республики Тыва
ЦДНИ ВКО РК	Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстан- ской области Республики Казахстан
ЦДНИ ТО	Центр документации новейшей истории Томской области
Центропленбеж	Центральная коллегия (Управление) по делам пленных и беженцев
Центроэвак	Центральное управление по эвакуации населения
ЦИК	Центральный исполнительный комитет
ЦК	Центральный комитет
ЦСУ	Центральное статистическое управление
ЦХАФ АК	Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЧОН	часть особого назначения
ЮМЖД	Южно-Маньчжурская железная дорога
ЯВМ	Японская военная миссия

Научное издание

Аблажей Наталья Николаевна

**С ВОСТОКА НА ВОСТОК
РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В КИТАЕ**

Редактор

Е.Б. Артемова

Компьютерная верстка

Г.Я. Симановой

Художник *В.Е. Смирнова*

Подписано в печать 15.05.2007. Формат 60 x 84 1/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 18,4. Уч.-изд. л. 18,8. Тираж 500 экз. Заказ № 203

630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

E-mail: psb@ad-sbras.nsc.ru

тел. (383) 330-80-50

Интернет-магазин Издательства СО РАН

<http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>

НА РОДИНУ!

3000 СЕМЕЙСТВ МОГУТ ПОКИНУТЬ КИТАЙ В ТЕЧЕНИЕ 6-ТИ МЕСЯЦЕВ

Да здравствует наше Правительство во главе с его Великим
Государителем Сталиным, который всем нам дал эту возможность

